

Творогов Николай Сергеевич
ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ
Повести и рассказы.

Тольятти

2016

Т 28 Творогов, Н.С. По следам войны: Повести и рассказы / сост., ред., вступ. ст. Кишкурно А.В. – Тольятти: Издательство ..., 2016. -... с.

Шестой по счёту сборник прозы Члена Союза российских писателей Николая Творогова, включивший в себя повести и рассказы разных лет, открывает новая повесть «Непрошенный гость» - долгое эхо прошедшей войны. По-новому ставятся в ней острые вопросы, волнующие наших соотечественников Ярослава Шумакова и Дмитрия Лукашова. Автора отличает глубина мировоззрения, преданность нравственным ориентирам, нежелание мыслить штампами, но чувствовать творческое биение жизни, отвечать на все вызовы времени. И умение собрать материал в спрессованный образ, глубокий символ. Непрошенный гость – кто же он? Тревожное предчувствие не обманывает героев повести...

ISBN...

© Творогов Н.С.

© Кишкурно А.В., редактирование, вступительная статья

© Оформление. Издательство

Текст об авторе на четвёртую страницу обложки + фото автора:

Николай Сергеевич Творогов, Член Союза российских писателей, по образованию «инженер-геолог-геофизик», трудился на нефтяных месторождениях страны в должности главного геолога, позже работал журналистом, заместителем главного редактора западносибирской городской газеты «Нефтяник Лангепаса», начал печататься с 1975 года. Автор персональных сборников прозы: «Гость из Швейцарии» (2002 г.); «Не жди меня» (2005 г.); «Крутой поворот» (2007 г.); «Круговорот» (2008 г.); «Уроки жизни» (2012 г.); публикаций в тольяттинских литературных журналах «Город», «Литературный проспект» и других. Каждое произведение неизменно соответствует правде жизни, отличается художественной убедительностью, психологической достоверностью, органичностью, мастерством. А ещё - нежеланием мыслить штампами, но чувствовать творческое биение жизни, отвечать на все вызовы времени.

Новая книга «По следам войны» открывается повестью «Незванный гость», где по-новому ставятся острые вопросы, волнующие наших соотечественников. Кто же он – непрощенный гость? Тревожное предчувствие не обманывает героев повести Ярослава Шумакова и Дмитрия Лукашова...

Содержание

1. Слово писателя. Предисловие редактора. – с. 5-9
2. Непрошенный гость. Повесть – с. 10-
3. Повестка
4. Вагон №13
5. Таёжный капкан
6. Гость из Швейцарии
7. Полевые цветы
8. Случай на дороге
9. Последний визит
10. Ольга Сергеевна
11. Не жди меня
12. Ястреб-рыболов
13. Чубатый
14. Поздняя осень
15. Камыш
16. Чужой
17. Шрам
18. Леший
19. Встреча
20. Женщина в чёрном
21. Тихоня
22. Однажды в воскресенье
23. Час возмездия

Слово писателя.

О новой книге Николая Творогова «По следам войны».

Книгу знакомого автора ждешь с радостью и волнением, как мудрого слова, глотка свежего воздуха, как поддержки, укрепления в жизни. Член Союза российских писателей, тольяттинский прозаик Николай Творогов хорошо известен читателям преданностью своим нравственным ориентирам, живой идее, стремлением проникнуть вглубь явления - глубиной мировоззрения, своего отношения к литературному творчеству. На сегодняшний день вышли в свет пять его книг: **«Гость из Швейцарии»** (2002 г.); **«Не жди меня»** (2005 г.); **«Крутой поворот»** (2007 г.); **«Круговорот»** (2008 г.); **«Уроки жизни»** (2012 г.); были публикации в тольяттинских литературных журналах **«Город»**, **«Литературный проспект»**... Каждое произведение неизменно соответствует правде жизни, отличается художественной убедительностью, психологической достоверностью, органичностью, мастерством. А ещё - нежеланием мыслить штампами, но чувствовать творческое биение жизни, отвечать на все вызовы времени. Издание шестого по счёту персонального сборника прозы писатель задумал в Год литературы, 70-летия Великой Победы и своего личного юбилея. Не смолкал в его памяти гул войны, отзывался на страницах новой книги. И вот она увидела свет - уже в следующем году, продолжая размышления автора о прошлом и настоящем, погружая нас в стихию жизни людей военных и послевоенных лет, тесно переплетенных с днём сегодняшним. Как долгое эхо прошедшей войны читается новая повесть Николая Сергеевича **«Непрошенный гость»**, открывающая книгу. И мы, её внимательные читатели, по-новому ставим для себя те острые вопросы, которые волновали наших соотечественников - героев повести Ярослава Шумакова и Дмитрия Лукашова.

Весной 1942 года во время тяжёлых боёв под Ленинградом они попали в плен и в вагоне для военнопленных были отправлены на запад, в перевалочный концлагерь Золдау, расположенный недалеко от Кёнигсберга. Отсюда удалось бежать, благодаря поддержке подпольщиков антифашистского движения. К счастью, Ярослава и Дмитрия взял на временную работу по строительству загона для скота фермер, прибалтийский немец.

«- А теперь слушай внимательно, - тихим голосом начал Ярослав. – У каждого человека существуют: прошлое, настоящее и мечты о будущем. О будущем сейчас говорить нет смысла. И будет ли оно? А вот о теперешней жизни поговорить следует, ибо многое зависит от нас самих. То, что нам предложили работу – это хорошо. Есть шансы на спасение».

Начался долгий и трудный путь спасения из вражеского плена, возвращение в действующую армию. Сначала партизанский отряд стал вторым родным домом. А после освобождения Белоруссии, в первой половине июля 1944 года, в составе воинской боевой части друзья вместе участвовали в освобождении Польши, рядом шли дорогами войны. Суровые испытания не забывались с годами, День Победы Шумаков и Лукашов всегда встречали вместе.

Сюжет и композиция выстроены умело и динамично, с первых страниц повествования обозначен авторский подход к тексту повести – ясный, логичный, живой. Умение собрать материал в спрессованный образ, глубокий символ. Непрошенный гость – кто же он? Тревожное предчувствие не обмануло Ярослава Шумакова, когда уже в наши дни он отправляется на теплоходе в райцентр Стожары на торжества по случаю Дня

Победы. В двухместный номер к нему подселили нового пассажира, назвавшегося Иваном Кузьмичом...

«Когда Шумаков огляделся, увидел стоявшего в стороне того пожилого мужчину, за которым наблюдал во время посадки. Ему вдруг стало не по себе. «С чего бы это?» - мелькнуло в голове».

В прозе Н. Творогова нет случайностей, любое движение души и подсознания оправдано, нужное настроение у читателя создаётся мастерски, буквально одним-двумя предложениями. Это особенно удаётся писателю в сценах, где предчувствие, интуиция помогает участникам описываемых событий. Как вот здесь, например:

«Заметив идущих к нему людей, мужчина выпрямился, воткнул в землю лопату и облокотился на неё. Знать он не мог, что им надо, однако сердце подсказывало: подошли они по какому-то важному делу. В этом он не ошибся. Возле ограды Ярослав и Дмитрий остановились. Не дожидаясь, когда позвут, мужчина сам подошёл к ним».

Но вернёмся вновь в наше время, на теплоход, где в одной каюте встретились два попутчика, прислушаемся к их напряжённому диалогу:

« - А вы, Иван Кузьмич, тоже едете в Стожары на мероприятия в честь Дня Победы? – спросил Ярослав, когда тот сел за стол с чашкой кофе в руке.

Настороженно посмотрев на Шумакова, Иван Кузьмич еле слышно произнёс:

- Нет. К родственникам.

- А сам-то откуда?

На секунду их взгляды встретились, и сосед Ярослава первым отвёл глаза, часто заморгал. Он нервничал».

Позже выяснится, что сосед оказался бывшим охранником немецкого концлагеря по прозвищу Коршун, которое получил за крутой нрав. Этот взятый наугад абзац повести подчёркивает органическую связь между языком персонажа и его характером, языком и осваиваемой реальностью, наконец, между языком и личностью самого автора. Творогов-прозаик редкий мастер диалога, он достойно отвечает тем сегодняшним деятелям от литературы, которые считают, что язык должен обязательно соответствовать духу времени с его торопливостью, поверхностностью, игровым началом... Если вспомнить «золотой» девятнадцатый век русской литературы, один из персонажей М. Лермонтова возмущался: «С кого портреты пишут? Где разговоры эти слышат?» Беда современной беллетристики – нет хороших диалогов. Писатели же наши уверяют, что пишут так, как говорят в жизни, передают речь с точностью диктофона. Но когда мы общаемся в реальном мире, слова – это не главное. Многое значат жесты, взгляды, прикосновения, интонация – на бумаге это всё пропадает. А значит, пропадает и большая часть информации. У Николая Творогова не пропадает ничего, его герои говорят убедительно и точно. Лаконичные авторские ремарки передают самую атмосферу разговора и особенности речи. Вот ещё один пример из новой повести «Незванный гость»:

«Человек с ответом не спешил. Наконец, ответил на ломаном русском:

- Да. Тут живе поляки.

- А немцы были?

- Да. Но тэпер... их нет. Ушли полгода назад и с тех пор не появлялись. За порядок следит староста. А сами-то ви кто?

Ярослав не стал ничего придумывать, честно сказал:

- Мы русские военнопленные. Хотим добраться до своих. Помогите нам!»

Читая прозу Н. Творогова, вновь убеждаешься: литература – это искусство. Да, она искусственна. А значит, должна быть искусна. Искусно сделана. Николай Сергеевич умеет так писать. Заманчиво заглянуть в творческую лабораторию писательского мастерства! Существует тесная связь между художественностью текста и внутренним содержанием личности писателя. От глубины внутреннего мира, органичности жизненного опыта зависит степень содержательности произведения, мера самой художественности. Размышлять о творчестве писателя невозможно в отрыве от его личной судьбы и от жизни своей страны.

Николай Сергеевич Творогов из легендарного поколения «дети войны» - особой когорты сильных, надёжных людей, рано повзрослевших, осознающих своё высокое предназначение. Он родился в довоенном 1940-м, в деревне Анненково Тетюшского района Татарской АССР. В простой семье тружеников-крестьян прошло его детство, среди волжских просторов, лесов и полей, между живописных берегов Волги и Свияги. Красота родного края, любовь к природе осталась в душе Николая на всю жизнь, воплотилась позже и в литературном творчестве. Многие его рассказы – настоящие «стихотворения в прозе» о красоте природы, её роли в нашей жизни. Читая его «литературные пейзажи», мы обнаружим единую образную ткань, светлую, акварельную красочность. Мастерство достигается трудным умением говорить открыто и доверчиво. Творогову присущ этот ценный дар:

«Много загадочного хранит природа поздней осенью в своём тайнике. Тихое пасмурное утро. На одиноких, возвышающихся возле леса холмах и кочках дорог, после ночных заморозков еле заметно блестит утренний иней. Деревья кругом стоят нагие, стряхнув с себя последнюю листву. Лесные тропы, дороги, поляны, напротив, сплошь укрыты оранжево-жёлтым покрывалом. Вдали над пашиной, готовясь к отлёту на юг, резвится стая грачей. Падая камнем вниз и вновь взмывая в небо, они наполняют всю округу тайными звуками» (Творогов Н. Поздняя осень).

О чём бы он ни писал – память сердца неизменно возвращает к образам, которые навсегда вошли в его жизнь и сознание с детства, опалённого войной. Как у всех его сверстников, это были нелёгкие годы. Взрослые трудились, не покладая рук, чтобы вырастить детей, не умереть с голоду. Женщины работали на строительстве, заготавливали лес, выращивали и убирали в поле хлеб... Светлый образ мамы – Александры Павловны Харитоновой, возникает в раннем стихотворении Николая «Троицын день»:

*На Троицын день играла заря, кукушка рано проснулась.
На Троицын день мать пирог испекла, угощала прохожих на улице.
Свежестью дышит утренний сад, росинки блестят на меже.
Чей-то добрый, пристальный взгляд не даёт покоя душе...*

Семья матери была многодетной – кроме неё ещё три сестры: Мария, Татьяна, Антонина и трое братьев: Николай, Василий, Леонид. Война не пощадила, не обошла семью стороной - Николай и Василий ушли на фронт, где сложили свои головы, защищая Отечество вместе с тысячами советских солдат, погибших за Родину.

Родом из соседнего села Шигали была бабушка Николая, Анна Максимовна, одна воспитавшая будущего отца писателя, Сергея Петровича. Он родился в 1913 году и своего отца, погибшего в первую мировую войну, не мог помнить. Но дед Пётр оставил семейное предание о том, что сам сирота с ранних лет, воспитывался в чужой семье, что его

настоящая фамилия - Васильев, а значит, и внука его Николая. Многие годы спустя внук, начинающий поэт, посвятит памяти деда такие строки:

Вот и ветхая лачуга, ей давно уже сто лет.

Уходил мой дед отсюда защищать страну от бед.

Деда нет уже, но слава и теперь живёт в сердцах:

На далёких перевалах он громил врага не раз.

Учился Николай хорошо и с удовольствием в средней школе имени Луначарского г. Буинска, единственной в райцентре. На учёбу, за пятнадцать километров, ездил на велосипеде. Любил читать, часто бывал в библиотеке, ценил хорошую книгу. Литературу преподавала молодая учительница Евгения Григорьевна Окольников, выпускница Саратовского госуниверситета. Она стала классным руководителем и, так получилось, наставником в дальнейшей творческой судьбе своего ученика и будущего писателя Николая Творогова. Как-то в начале учебного года по традиции ребята сдавали сочинения про свой летний отдых, и учительница зачитала сочинение Николая перед всем классом, отметив интересный сюжет и хороший слог. Иногда нескольких добрых слов бывает достаточно, чтобы молодой человек поверил в себя, отважно шагнул по тернистому творческому пути навстречу судьбе... До седых волос благодарно помнит Николай Сергеевич имя своего талантливого педагога-филолога.

Огромной радостью было возвращение с войны отца-фронтовика! Николаю повезло – отец вернулся героем, раненый, но живой! Сергей Петрович Творогов, командир отделения разведки, был смелым воином, участвовал в боях за Москву, в сражении на Курской дуге, среди его боевых наград – медаль «За Отвагу»! Лишь спустя годы - к 70-летию Великой Победы, в начале 2015 года, Николай Сергеевич получит Наградной лист отца и узнает подробности его боевых подвигов: старший сержант Творогов С.П. вместе с младшим лейтенантом Орловым подавлял вражеский дзот в районе деревни Федорково. В бою за деревню Лазарево они уничтожили три противотанковых орудия противника, один пулемёт и группу вражеской пехоты. Понесённые потери вынудили противника отступить... По следам войны и Великой Победы живёт память о том суровом времени в нашей истории, в сердцах людей и на страницах книг, в том числе и в новой книги Николая Творогова.

После войны отец трудился в колхозе главным бухгалтером, мать руководила бригадой овощеводов, в семье появились сестра Нина и брат Геннадий. Все дети получили достойное образование. Нина Сергеевна окончила Казанский педагогический институт, учительствовала в школе. Геннадий Сергеевич – главный энергетик одного из предприятий нашего города. Николай, выпускник Казанского госуниверситета по специальности «Инженер-геолог-геофизик» (1968г.), работал на нефтяных месторождениях страны в должности главного геолога – в Татарии, Удмуртии, Западной Сибири... Отдал геофизике 13 лет жизни, но литературное творчество его не отпускало и привело в конце концов (1998г.) в западносибирскую газету «Нефтяник Лангепаса», на должность заместителя главного редактора. Однако, значительно раньше – ещё в 1975 году, в Татарстане, впервые начал печататься молодой литератор Николай Творогов. Имя 35-летнего автора уже тогда стало известно широкому кругу читателей. Начинал как поэт, позже пришёл к малой прозе. Семидесятые годы принято считать «застойными», однако за видимой житейской косностью таилось поле напряжённых духовных исканий, острой идеологической борьбы. «Цель творчества – самоотдача», - писал Борис Пастернак.

Творчество Николая Творогова в наши дни, в новом веке и есть пример самоотдачи, самореализации. Пример того, что есть подлинная литература и как она связана с творческим поведением и с внутренним содержанием личности.

Лучшие его рассказы и повести воспринимаются как лирическая исповедь. «Однажды в воскресенье», «Тихоня», «Полевые цветы», «Последний визит», «Ольга Сергеевна», «Не жди меня»... Это целый мир, созданный мыслью и волей. Мир, наполненный живым художественным содержанием, в котором царствует не философская рассудочность, а ясность и простота логического вывода, подлинная теплота художественного чувства. Тема идёт вглубь постоянно. Идёт в новых произведениях и в работе над новыми текстами. Есть свойство возраста делать темы новыми, давать им иное толкование, иную, чем прежде, окраску. Даже когда в новом формате переиздаются знакомые вещи, каждая новая книга – новая веха в творческой биографии писателя. Он глубже всматривается в жизнь, постигает судьбы людей. Чем больше доверяется людям в своих чувствах и мыслях, тем нужнее, ближе он своему читателю.

Кто-то из наших современников подчёркивал, что язык красоты – простота. Творчество Николая Творогова базируется на классических образцах, здесь нет нарочитой недосказанности, стремления любым способом удивить читателя. Его рассказы читаются удивительно легко и заставляют думать о сокровенном. Невольно сопереживаешь автору, начинаешь видеть мир его глазами. А это, кстати, признак настоящего мастерства. Мастеру не нужно никого удивлять, у него нет такой цели. Он пишет, уверенный в том, что его слово найдёт отклик в сердцах равнодушных людей.

Мы так легко порой пленяемся прелестью той или иной идеи, той или иной красоты, что забываем о подлинном значении слов. С одной стороны – увлечение новомодными литературными теориями и разрыв с традицией, а с другой – слепое подражание классическим образцам, когда в традиции видят не внутреннее содержание, а внешние признаки стиля. Именно способность к здравому рассуждению, следующая из внутренней иерархии ценностей, всегда отличала книги Николая Сергеевича Творогова. А ещё – способность ставить точный диагноз, проникать в самую суть проблемы. Как пример, приведу в заключение слова Виля Петровича Пичугина, героя его повести «Час возмездия»:

«Каждый должен знать: если поступок не вписывается в определённые рамки человеческого бытия, неизбежно наступит возмездие, причём без всякого суда и следствия. Предназначение высших сил – борьба со злом в любой форме, будь то физическое насилие или нервное потрясение. И то, и другое всегда заканчивается душевной травмой, она надолго остаётся в памяти, часто на всю жизнь. Травму такого рода вылечить сложно, а иногда невозможно. Об этом надо помнить всегда».

Будем помнить. Это хороший урок и для нас. Вспоминаются слова Михаила Пришвина о том, что прочные вещи удаются «только при условии цельности своей личности». В чувствах читателей, их благодарных отзывах – награда писателю Николаю Творогову, как награда любой жизни, прожитой не только для себя.

Александра Кишкурно,
Заведующая Литературной гостиной МБУК «Библиотека Автограда»,
Лауреат премии Почётного гражданина Тольятти Н.В. Абрамова за выдающийся вклад
в сохранение культурного наследия Тольятти, Поволжского региона и Самарской Луки;
Лауреат областной премии «Профессиональное признание».

Непрошенный гость

I

В эту ночь Ярослав Шумаков спал плохо. Часто просыпался, ворочался с боку на бок. Так продолжалось до тех пор пока на востоке не забрезжил рассвет. Сон наконец сморил его, и всё утро, как малое дитя, он спал беспробудно. А проснулся от возникшей болтанки парохода, на котором плыл в райцентр Стожары на торжества по случаю Дня Победы.

В двухместном номере Ярослав находился один. Это его вполне устраивало, ибо рассчитывал, что в Покатино к нему поделят Дмитрия Лукашова, с которым бежали во время войны из перевалочного концлагеря Золдау, недалеко от Кенигсберга, и тогда на торжества в город придут вместе.

Продолжая размышлять, Ярослав привёл себя в порядок и вышел на палубу. Щурясь от яркого солнечного света, он остановился возле ограждения. Порывистый северный ветер гнал волны по Волге, которая достигала в этих местах от одного берега до другого несколько километров.

В этот момент капитан пассажирского судна сбавил скорость, и через какое-то время свернул к причалу. Ярослав тотчас переключил внимание на береговую линию, где вдалеке чернел лес и ещё какие-то постройки. А когда берег стал совсем близко, он наконец смог разглядеть название пристани, которая на фоне видимой части посёлка находилась несколько в стороне. «Куражи... Куражи, - повторил он несколько раз, - интересно, что это означает?» И тотчас обосновал: вероятно, когда-то давным-давно, живущие здесь люди любили покуражиться, с тех пор всё и началось...

Превозмогая сонливость, Ярослав немного повеселел. А когда в его сознании, как это было уже не раз, возник образ Лукашова, с которым должен встретиться вечером, и ждал этой минуты с таким нетерпением, что в данный момент ему едва удавалось сосредоточиться на чём-то ещё. В то же время, в его глазах, если внимательно присмотреться, чередовались возбуждение и страх.

Слегка качнувшись, судно пришвартовалось к причалу, был брошен трап и пассажиры потянулись один за другим.

Неожиданно взгляд Ярослава остановился на пожилom мужчине с седыми усами и такой же седой бородой. Туго надетая на голову кожаная кепка прятала его брови и глаза. Роста он был выше среднего, худощав, и от этого казался сутуловатым. Это, пожалуй, всё, что смог разглядеть Шумаков в данный момент, и пассажир быстро скрылся в толпе.

Идти в свой номер Ярославу не хотелось. На лоне природы дышалось легко. Волжский ветер шаловливо трепал редкие седые волосы, щекотал лицо. Прикрывая мозолистой ладонью глаза от яркого солнца, он внимательно разглядывал лесистый берег с хаотично разбросанными до самой воды стволами деревьев, которые были прибиты волной во время весеннего паводка.

Обычно в посёлках и городах районного значения пассажирские суда подобного класса стоят у причала недолго. Так и здесь. Убедившись, что пассажиров больше нет, капитан дал несколько протяжных гудков, извещавших об отправлении, стал выводить судно на большую воду.

Понаблюдав ещё несколько минут за окружающей обстановкой, Ярослав, с чувством какой-то неудовлетворённости, направился к себе в номер. А когда подошёл, обратил внимание на приоткрытую дверь. Изнутри доносились голоса.

«Неужто подселили?» - распахнув дверь, прошёл он в каюту.

Всё так и есть. Лицом к нему стояла та самая женщина, которая, когда он вселялся, открывала каюту. В руке, как и в тот раз, она держала большую связку ключей.

Таинственно улыбаясь, она посторонилась, а затем, обращаясь к нему, сказала:

- Одному, наверное, скучно, Шумаков? Подселяю нового пассажира.

Шумаков промолчал. А когда огляделся, и увидел стоявшего в стороне пожилого мужчину, за которым наблюдал во время посадки, когда тот шёл по трапу, то ему вдруг стало не по себе. «С чего бы это?» - мелькнуло у него в голове.

А когда комендантша ушла, знакомясь, он протянул руку соседу по номеру, который назвался Иваном Кузьмичём. Ярослав не стал его ни о чём спрашивать, только изредка поглядывал, как тот тщательно, с определённой пунктуальностью, несвойственной жителям здешних мест, аккуратно раскладывал, что называется по полочкам, свои принадлежности. «Как ловко это у него получается! Интересно, где он этому научился? Похоже, приезжий», - подумал Ярослав, продолжая вести наблюдение.

Несмотря на то, что его лица Шумаков толком пока не разглядел, однако фигура этого человека показалась ему знакомой. Настолько знакомой, что мгновенно нахлынули неприятные воспоминания из прошлого.

«Чёрт возьми, когда же, наконец, я смогу разглядеть его лицо, заглянуть в глаза. Только хочу, а он тотчас же меняет положение тела. Не специально ли он это делает? Похоже, это у него вошло уже в привычку», - сморщив от досады лоб, подумал Ярослав. И поймав себя на мысли, что совершенно открыто наблюдает за незнакомцем, моментально отвёл взгляд, - о чём подумает, если заметит? Но как ни старался, мысли невольно возвращались к этому человеку, который был примерно того же возраста, что и он.

После всех этих размышлений Ярослав сел на кровать. Сердце не переставало учащённо биться. Он прекрасно сознавал, что если этот человек действительно был охранником немецкого концлагеря, то, несомненно, опасен. Это – во-первых. А во-вторых, у него на этот счёт должны быть неопровержимые доказательства. Ошибки в этом деликатном вопросе не должно быть, ибо последствия могут оказаться непредсказуемыми. В этой связи, чтобы решить это щепетильное для себя дело, он должен каким-то образом докопаться до истины. И, не откладывая в долгий ящик, он решил начать с ним разговор. И тогда, по каким-то признакам, можно будет судить о достоверности возникшего подозрения.

- А вы, Иван Кузьмич, тоже едите в Стожары на мероприятия в честь Дня Победы? – спросил Ярослав, когда тот сел за стол с чашкой кофе в руке.

Настороженно посмотрев на Шумакова, Иван Кузьмич еле слышно произнёс:

- Нет. К родственникам.

- А сам-то откуда?

На секунду их взгляды встретились, и сосед Ярослава по каюте первым отвёл глаза, часто заморгал. Он нервничал. Наконец, после возникшей паузы, тихим голосом, словно его подслушивают, сказал, что живёт в Псковской области.

Какое-то время Ярослав пребывал в замешательстве. А когда повнимательнее присмотрелся, и увидел у него на правой щеке шрам и вдобавок к этому сквозной порез носа возле ноздри, то стало ясно, что этот человек и есть тот самый охранник немецкого концлагеря по прозвищу Коршун, которое он получил за крутой нрав. А его настоящего имени тогда никто не знал.

Ярослав вмиг преобразился. Лицо стало хмурым, и выражало гнев. А когда, размышляя о дальнейших своих действиях, немного успокоился, то самой большой неожиданностью для него оказалось, что он даже не представлял, как поступить в сложившейся ситуации.

Пока он об этом думал, пароход уже изменил направление и подходил к очередной пристани. Ярослав и в этот раз вышел из каюты, и направился на палубу. Сел там на кушетку, испытывая неприязнь к соседу по каюте. Одновременно посматривал то на дома, разбросанные по берегу Волги, то на пристань, на фасаде которой большими буквами написано – Сорочинск.

У пристани пароход стоял недолго, а когда отошёл, Ярослав зашёл в каюту, но Ивана Кузьмича там уже не было.

И в его памяти моментально возникли события военных лет, которые он помнил до мельчайших подробностей. И опять, словно это было только вчера, перед его глазами неожиданно мелькнуло бледное, исхудалое лицо Димы Лукашова, - товарища, с которым они осуществили побег.

II

В плен Ярослав и Дмитрий попали весной 1942 года, когда шли тяжёлые бои с фашистскими оккупантами под Ленинградом. Вместе со всеми их затолкали в специально оборудованный вагон для военнопленных и повезли на запад.

Пятидневная изнурительная поездка с большим числом остановок на промежуточных станциях была для них ужасным кошмаром. В переполненном людьми вагоне, трясясь и дыша спёртым воздухом, Ярослав и Дмитрий заняли место в углу вагона, там и спали на жёстком деревянном полу. По ночам одолевал холод, а в дневные часы задыхались табачным дымом и запахом немытых тел. А если к этому ещё присовокупить голод, который мучил их на всём пути, то можно представить, насколько эта поездка была поистине невыносимой. Достаточно сказать, что при выходе из вагона, всех без исключения качало из стороны в сторону, а многих даже вели под руки.

На перроне всех построили в две шеренги, немецкий офицер провёл перекличку, и колонна под охраной солдат тронулась в путь.

Ночь выдалась звёздная. Дул северный ветер и было прохладно. Прячась от ветра и держась друг за друга, люди шли молча, наклонившись вперёд. Никто не знал, куда их ведут. Дорога, по которой шли, была покрыта асфальтом и слабо освещена. Слева от неё тянулась высоковольтка, провода которой в ночное время были похожи на паутину, сплетённую ядовитым пауком.

Неожиданно за поворотом, в низине, засверкали огни большого города. Посмотрев судорожно друг на друга, все поняли, что скоро мучениям придёт конец, ждать осталось недолго, а как будет дальше, известно одному богу.

Свернув вправо и миновав мелкий сосняк, который рос вдоль дороги, военнопленные обратили внимание на высокий забор с колючей проволокой наверху и на вышки с часовыми. И все поняли, куда их привели.

Не дойдя метров тридцать до ворот, последовала команда остановиться. Сопровождавший колонну немецкий офицер остановил машину возле проходной, подал сигнал о прибытии. Ворота открылись, и люди, не нарушая построения, оказались на территории концлагеря.

Свет внутри был настолько яркий, что многие прикрывали глаза ладонью или опускали вниз. Невзирая на это, весенняя ночь принесла наполненный прохладой воздух, при вдохе которого, у людей начинала кружиться голова.

Убедившись, что все узники на своих местах, офицер открыл барак, включил там свет и приказывающим тоном на ломанном русском языке стал громко объявлять:

- Будем туда по один заходить, и там искать для себя место. Время уже поздно, повар и обслуга отдыхают, поэтому ужин отменяется. Надо ждать утра. Кто хочет пить, воды там много.

Закончив несуразную речь, он подошёл к охранникам, что-то сказал им. А они, выполняя приказ, все, как один, направились к барaku. Несколько человек зашли внутрь, а двое остались у входа. Стали пропускать военнопленных.

Стоявшие в конце колонны Ярослав и Дмитрий обменялись взглядами, неодобрительно пожали плечами. И было отчего. Речь немецкого офицера для них была как кость в горле.

Никогда в жизни они не чувствовали себя такими беспомощными, как в эту минуту. Находясь почти в самом конце очереди, Ярослав и Дмитрий молча наблюдали, как толпу людей, словно животных, загоняли в барак и никто из них даже не проронил слова. Послушно, еле передвигая ноги, каждый шёл подыскивать для себя место. И причиной этому, надо полагать, был страх. И в этом нет ничего предосудительного. В большинстве случаев, когда жизнь человека висит на волоске, так и происходит.

Испытывая неловкость, Ярослав продолжал наблюдать. А когда подошла очередь, первым переступил порог барака. Огляделся. Дмитрий стоял рядом. Помещение, в котором они оказались, было практически без окон. Вместо них, наверху, почти у самого потолка, в стене были проделаны узкие, виде прямоугольника отверстия, через которые проникал дневной свет.

Убогое каменное строение с бетонным полом и деревянными у стен нарами в два яруса, скорее было похоже на бомбоубежище, чем на что-то потребное.

Хмурясь, Ярослав сердито выругался, посмотрел ещё раз вокруг, а потом повернулся к Дмитрию, сказал:

- Ну вот, мы опять на новом месте. Что будем делать?

Дмитрий молчал, словно набрал в рот воды.

- Тогда слушай. – Ярослав взял инициативу на себя. – Предлагаю расположиться здесь. Туда дальше идти нет смысла, а тут, что ни говори, ближе к выходу. Думаю, что хуже не будет. Согласен?

- Вполне.

- Так и поступим.

После короткого разговора оба развернулись, и подошли к нарам.

- Поднимайся наверх, там теплее. – Обратился Ярослав к своему товарищу. – А я буду внизу. Сначала выспимся, а потом будем думать...

Сон быстро сморил обоих.

И только утром, когда косые солнечные лучи пробрались через щели крыши внутрь этого сооружения, Ярослав проснулся. Всё, что происходило накануне, ему пришлось вспоминать заново, - усталость давала о себе знать.

До подъёма оставалось полчаса, и у него было время на раздумье. И надо же!.. Ярослав не успел после сна всё до конца осознать, как в его голове, сначала возникла, а потом засела мысль о побеге из плена. И с этого момента эта затея не давала ему покоя. «Похоже, пришёл посыл с небес», - решил он, продолжая анализировать сложившуюся обстановку. Однако Лукашову об этом решил пока не говорить. Появится возможность, тогда и скажет.

В этот момент прозвучала сирена, известившая о подъёме. И через несколько минут все заключённые уже были на ногах. На завтрак всем выдали стандартный паёк, который они, чтобы не умереть с голоду, быстро проглотили. И так продолжалось изо дня в день.

А через неделю произошло то, чего Ярослав никак не ожидал. Его глаза были прикованы к двери, которая в это время распахнулась, и в помещение вошли трое мужчин в военной форме и один – в гражданской. На вид ему было лет сорок, и выглядел он весьма почтенно. Поскольку весна в этом году была затяжная, и на обочинах дорог в отдельных местах лежал ещё снег, на нём была меховая кожаная куртка, а на ногах тёплая обувь. И всё же, как ни крути, это был типичный немец с обветренным строгим лицом и внешностью фермера. Так, во всяком случае, подумал о нём Ярослав, когда увидел его в компании военных.

Оглядевшись, все четверо остановились возле двери. Мужчина в кожаной куртке тотчас подошёл к тому самому офицеру, который сопровождал заключённых накануне, и стал что-то говорить.

Сидевший на краю топчана, Ярослав неприкаянно наблюдал за происходящим вокруг, изредка поглядывая в их сторону. Этим, вероятно, и привлёк внимание немца, который, закончив разговор, вместе с переводчиком подошли к нему.

«Ну вот, опять что-то не так...», - подумал Ярослав, вытянувшись в струнку. Но опасения были напрасны.

- Господин офицер, - начал переводчик, - хочет, чтобы вы помогли фермеру в строительстве загона для скота на летне-осенний период. Ему нужно два человека. Работа временная. Согласен?

Подумав несколько секунд, Ярослав дал утвердительный ответ.

- Вот и хорошо. Офицер будет доволен. Через час фермер приедет за вами. Вернётся из города, и поедете.

После этого они быстро развернулись и ушли.

Ярослав такого поворота событий не ожидал. У него даже голова шла кругом. И чтобы хоть как-то успокоиться, он резко встал с топчана, посмотрел вверх на Лукашова, спросил:

- Слышал, что говорил немец?

- Что-то мямлил... мямлил, многое не понял.

- Ладно. А теперь знай, что через час за нами приедет фермер, который был здесь, и увезёт на работу. Возражений насчёт этого быть не должно. Во-первых, будут кормить, а во-вторых..., но об этом потом...

В ответ Лукашов ничего не сказал, лишь кивнул в знак согласия.

III

Находясь в состоянии ожидания, никто из них не мог даже предположить, как сложится, дальнейшая судьба, - настолько всё было туманно и непредсказуемо.

- Бери бушлат и спускайся вниз, - попросил Шумаков своего соседа на верхних нарах, - пока есть время, здесь и поговорим.

Лукашов тотчас же спрыгнул и сел рядом.

- А теперь слушай внимательно, - тихим голосом начал Ярослав. – У каждого человека существуют: прошлое, настоящее и мечты о будущем. О будущем сейчас говорить нет смысла. И будет ли оно?.. А вот о теперешней жизни поговорить следует, ибо многое зависит от нас самих. То, что нам предложили работу, - это хорошо. Есть шансы на спасение. Думаю, ты понял, о чём говорю. Поэтому мы должны по возможности изучить маршрут, по которому нас будут везти, а так же прилегающую к дороге местность. Иначе ни о каком побеге не может быть речи. К тому же, нас будут наверняка охранять. В связи с этим, чтобы не привлечь внимание, надо действовать продуманно. Нельзя допустить, чтобы охранники нас в чём-то заподозрили. Наоборот, необходимо к ним войти в доверие, и тогда всё получится... И ещё. О том, что я офицер Советской Армии, никто не должен знать; мы оба рядовые. Иначе придёт конец.... И последнее, осуществить задуманное возможно только в том случае, когда появятся необходимые для этого условия. За этим будем следить...

Лукашов слушал внимательно, и одобрительно кивнул головой.

В этот момент дверь открылась, и в помещение вошли двое: немецкий офицер и охранник с автоматом на плече.

- Прошу на выход, - громче обычного прокричал офицер, глядя в их сторону.

- Не мешкая, они тотчас поднялись, направились к двери и вышли. А вслед за ними, не отставая ни на шаг, последовали офицер и охранник.

Было ясное небо. Яркое светило солнце, озаряя безжизненную окрестность лучезарным, золотистым блеском. Ослеплённые светом, Ярослав и Дмитрий зажмурились, и выглядели бледными, уставшими. Надвинув ушанки низко на лоб, они шли еле передвигая ноги к крытому грузовику, который стоял за забором. В то же время, соприкоснувшись с природой, они почувствовали себя немного лучше, чем в мрачном помещении, к тому же, свежий воздух придал бодрость.

По своей натуре Ярослав терпеть не мог грузовики, кузова у которых со всех сторон, как консервная банка, закупорены брезентом. И сейчас, когда издалека увидел точно такой же, на котором, вероятно, и повезут их на работу, ему вдруг стало не по себе. Естественно, он виду не подал, продолжив внимательно изучать обстановку. А чуть позже, когда водитель вместе с фермером устанавливали у заднего борта короткую лестницу для посадки, Ярослав обратил внимание, что в этом месте кузов полностью открыт, а значит, есть возможность наблюдать за местностью, немного успокоился.

Военнопленных разместили в передней части кузова в специально оборудованных креслах, на некотором расстоянии друг от друга.

Охранник расположился чуть дальше, в сторожевой будке, которую оборудовали специально для этой цели.

Поскольку фермер не любил тратить время впустую, а главное, это было не в его интересах, он с весёлым видом заскочил в кабину и велел водителю трогаться.

Вглядываясь в будущую ленту дороги, Ярослав обратил внимание на тот факт, что везут их сейчас по тому же маршруту, как и накануне, когда шли под конвоем солдат. Но уже скоро, примерно через четверть часа, водитель резко повернул на восток.

В отличие от прежней, дорога эта была узкая и значительно хуже. На выбоинах грузовик трясло, а иногда и вовсе подбрасывало вверх. Ярослав и Дмитрий к этому были привычны, и, не обращая никакого внимания, продолжали неотступно вести наблюдения.

По их подсчётам поездка в один конец заняла не больше часа. А когда подъехали к двухэтажному кирпичному особняку, на его широкое крыльцо вышла женщина приятной наружности, с распущенными до плеч густыми светлыми волосами. На вид ей было лет тридцать пять. То, что это жена фермера, ни у кого сомнений не возникло. В полном одиночестве, не двигаясь, она стояла до того момента пока к ней не подошёл муж. После недолгого разговора с ним, она тотчас развернулась и исчезла за дверью. Однако женское любопытство всё-таки заставило её подойти к окну и сквозь узкую щель в занавеске продолжить наблюдение. А когда увидела вышедших из машины двух небритых, непонятной наружности, к тому же под охраной, молодых парней, один из которых ростом был выше другого, она почувствовала неловкость. В душе проснулось женское начало, подсказавшее ей о том, что в первую очередь их следовало накормить, а после работы, ближе к вечеру, подготовить для них баню. И как только вошёл муж, она тотчас сообщила ему об этом. Возражений никаких не последовало, и она стала готовить обед. А он в это время пошёл в огород. По её просьбе протёр под навесом стол, расставил скамейки и попросил всех подождать здесь. Через полчаса, когда солнце уже стояло в зените, обед был готов, и прежде, чем подать на стол, хозяйка особняка указала на рукомойник, который висел в углу. И, подождав минуту, другую, всех, в том числе и охранника, пригласила к столу.

Не веря своим глазам, Ярослав и Дмитрий примостились в самом конце. Охранник выбрал место поудобнее, сел в середине длинного стола, положив автомат возле себя.

И в это время Ярославу всё же удалось рассмотреть конвоира, что называется в полном обличье. Был он сравнительно молод, хотя шрамы на лице и незначительная сутулость, которая была особенно заметна при ходьбе, делали его несколько старше своих лет. Откровенно говоря, его наружность и поведение Ярославу были не по душе. Почему? Однозначного ответа на этот вопрос в данную минуту он дать не мог.

От запаха поданного на стол кушанья у Ярослава и Дмитрия во рту скопилось слюна. Голод одолевал много суток, и теперь, когда появилась перед глазами настоящая еда, они боялись к ней даже притронуться. И только после того, когда обменялись взглядами, - что означало пора начинать, - приступили к приёму пищи. Сознывая, что они здесь совершенно одни, и у них нет никакой надежды на то, что откуда-то придёт помощь, а это означало, что только самим необходимо было поддерживать жизненный тонус, и быть всегда настороже. В данных условиях, естественно, это было непросто. Измученные до предела, они молча пережёвывали пищу, изредка поглядывая по сторонам. А под конец, когда владелица дома принесла им по кусочку сдобного пирога, Ярослав, на скудном немецком, поблагодарил её за вкусный обед.

Нахмутив брови, женщина какое-то время молчала, но уже вскоре, когда они остались втроём возле стола, она, неожиданно, с немецким акцентом сказала по-русски.

- Я и мой муж прибалтийские немцы. Там родились и жили долгие годы. Потом переехали сюда. Меня зовут Изольда, а мужа – Вальтер. У нас двое детей: мальчик и девочка. Учатся в старших классах. На русском языке они тоже говорят.

Ярослав и Дмитрий слушали внимательно, не проронив ни слова. А когда вышли, Изольда тотчас же приступила к уборке стола. Время от времени оттуда доносился звон посуды.

IV

Несмотря на доверительные отношения к ним Изольды, - жены фермера, Ярослав и Дмитрий отчётливо сознавали, что здесь существуют свои правила поведения, которые надо неукоснительно соблюдать, - нельзя предаваться иллюзорному обману чувств, когда окружают незнакомые люди. Надеяться надо только на себя. Иначе можно угодить в такую ловушку, из которой невозможно потом выбраться.

Безусловно, важным моментом в их деле было то, какие условия им предоставят на новом месте в процессе работы. В зависимости от этого они, естественно, и будут действовать согласно прежней договорённости.

В этот момент на крыльцо вышел фермер, размашистым шагом подошёл к ним и кивком головы указал, чтобы они шли следом. Подвёл их к небольшой кладовке, где хранились рабочие инструменты, и велел отнести в машину.

Территория, где намечалось строительство, находилась примерно в полукилометре от усадьбы фермера, и они уже скоро были там. Вальтер достал из кожаной папки чертежи с планом работ, подробно рассказал, что предстоит сделать, указав при этом на строительные материалы, которые лежали штабелями в специально отведённом месте. Назначил Ярослава старшим, передал ему в руки чертежи. И они тотчас же приступили к работе.

Понаблюдав минут десять, он сказал:

- Надеюсь, за неделю управитесь. – И ушёл готовить технику к весенним полевым работам.

Погода, как и в предыдущие дни, была солнечная. С полей уже полностью сошёл снег, земля быстро просыхала, а на пригорках и в лощинах уже стали появляться всходы молодой травы. В полдень солнце грело так, что работать в тёплой одежде Ярославу и Дмитрию становилось невыносимо жарко, и они разделись. Трудились как заведённые, без отдыха и до позднего вечера. Но, несмотря на усталость, тяжёлый физический труд был для них в сложившейся ситуации просто каким-то благом: закалял тело, успокаивал и помогал искать выход из состояния крайней безнадёжности.

К тому же, когда на исходе дня появился хозяин, ему было на что посмотреть.

Прервав работу и опершись на лопаты, они оба устремили взгляды туда, где находился фермер, - ждали, когда подойдёт к ним, укажет на недостатки и даст новые поручения. Однако этого не произошло. Вглядываясь в ровный ряд врытых в землю двухметровых столбов, которые, словно истуканы, возвышались поодаль, он медленным шагом подошёл к ним, сказал:

- На сегодня достаточно. Пора в баню. Вам надо привести себя в порядок. А потом ужин. Ночевать будете здесь, а утром снова на участок. Есть вопросы?

- Нет. Всё ясно, - долго не размышляя, ответил Ярослав.

- Кстати, как вас зовут?

- Ярослав. – Шумаков ткнул пальцем себя в грудь. – А его – Дмитрий.

- Вот и хорошо. А меня - Вальтер, Рут Вальтер. По-моему Изольда уже об этом сказала. А теперь идите к машине.

- Конвоир по-прежнему не отходил ни на шаг.

С любопытством оглядев предбанник, моечное помещение и парилку, Ярослав с довольным видом посмотрел на товарища, а потом сказал:

- Баня, как у нас, на Руси. Гляди-ка, даже берёзовые веники, бритвенные принадлежности и чистое бельё приготовили.

Обменявшись взглядами, они начали раздеваться. А когда разделись, первым делом вошли в парную, плеснули на каменку полковша воды и забрались на верхний полоч. Такого удовольствия, как в эту минуту, они не испытывали с того момента, когда началась война. Каждый удар веником по телу сопровождался радостным возгласом, - банный, горячий пар творил просто чудеса. Доставлял такое наслаждение, от которого голова шла кругом. И парились они до тех пор пока тело не освободилось от многослойной грязи. А когда почувствовали прилив энергии, вышли в предбанник отдышаться, где моментально обдало холодом.

И что это?.. Говор на русском языке насторожил обоих. Ярослав дал понять Дмитрию, чтобы соблюдал тишину, и, прислушавшись, узнал голос Изольды, отвечавшей на вопросы охранника, который беспокоился о своей собственной шкуре в ночное время. И доложил, что утром его заменят, и так будет продолжаться до окончания работы.

После услышанного, не веря своим ушам, Ярослав медленно поднялся с кушетки, указал на дверь, и, соблюдая правила предосторожности, они опять вошли в парилку.

- Так вот: завтра прибудет другой конвоир. – Ярослав прикусил губу, продолжая размышлять. – А может и к лучшему, а то этот шагу ступить не даёт. Настораживает и тот факт, что он говорит по-русски без акцента. Не перебежчик ли он?.. Если это так, то нам надо соблюдать осторожность вдвойне.

- Вполне допускаю, - подтвердил Дмитрий.

Без малого полтора часа у них ушло на то, чтобы привести себя в порядок. И вышли из бани, когда кругом уже было темно. Прохладный воздух щекотал лицо, придавал телу лёгкость. Ярослав посмотрел на мигающие звёзды, которые здесь казались ему чужими. От этого он долго потом не мог прийти в себя. Перед глазами беспрерывно мелькали какие-то странные, вызывающие недоумения картинки, которые он никогда раньше не видал. Это, естественно, его раздражало, однако поделать с собой ничего не мог, подумав, что утро вечера мудренее...

V

После изнурительного трудового дня им в эту ночь, чтобы и дальше работать с полной отдачей, надо было хорошенько выспаться. Затягивать работу было недопустимо, иначе можно попасть в такую ситуацию, из которой потом не выберешься. Ярослав и Дмитрий это прекрасно понимали, поэтому старались не нарушать общепринятые жизненные принципы. Сами же они были готовы ко всему. Знали, что пока находятся здесь, о них позаботятся. Будут кормить, и, конечно же, предоставят место для отдыха.

Окинув взглядом сидевших за ужином работников, фермер заходить под навес не стал, присел рядом на кушетку и стал ждать. А как только они показались, тотчас вскочил с места, и привёл их к деревянному строению, которое находилось во дворе и которое

скорее походило на амбар, чем на что-то значимое. Окон не было и в помине. Лишь вверху виднелось одно-единственное, похожее на амбразуру, тёмное отверстие. К тому же, недалеко от входной двери, примерно в десяти-пятнадцати шагах от порога, стояла сторожевая будка охранника. «Всё предусмотрели», - подумал Ярослав, кивком головы указал товарищу.

Вальтер открыл ключом дверь, включил свет и пригласил их.

Внутри помещения, куда они только что вошли, было тепло, в воздухе витал затхлый запах каких-то корнеплодов. Однако было чисто. У стен, с обеих сторон, стояли кровати с одеялами и простынями.

Объяснив все премудрости житейского быта, Вальтер задерживаться долго не стал, развернулся и ушёл.

Прежде чем лечь в постель, Ярослав решил осмотреть ничем непримечательную каморку, и неожиданно для себя обнаружил на потолке, в противоположном от двери углу, люк, к которому почти от самого пола поднималась узкая деревянная лесенка. В этот момент его словно подменили. И, как часто бывает в подобных ситуациях, его мозг заработал в полную силу, а глубоко в подсознании возникла надежда на спасение. Эти обстоятельства вдохновили Ярослава, и он в эту же минуту подошёл к Дмитрию и указал жестом на люк. Дальнейших объяснений не потребовалось, всё ясно стало без слов.

- А теперь, - сказал он, - выключи свет. – Я поднимаюсь наверх и посмотрю.

Видимости практически никакой не было, и ему пришлось подниматься на ощупь. Попробовал было открыть крышку люка, но не смог. Оказалось, что она была заперта на засов, выдвинуть который для него не составляло никакого труда. После этого без особых усилий Ярослав приподнял её, через возникшее отверстие просунул голову и натренированным глазом осмотрел чердак. А когда спустился вниз, сообщил Дмитрию о дальнейших действиях. С его стороны возражений не последовало, и они легли спать.

VI

Несмотря на усталость, утром Ярослав и Дмитрий проснулись рано. Дни в начале апреля стали заметно длиннее, но в этом мрачном помещении, в котором они провели ночь, не было заметно.

Судя по звукам, которые доносились снаружи, хозяева этого объекта уже работали не покладая рук.

Всеми фибрами своей души Ярослав чувствовал, что скоро и за ними придут. Об этом он сказал товарищу. Действительно, не прошла и минута, как в замочной скважине возник металлический звук, а вслед за этим в дверном проёме показался фермер. По выражению его лица и глаз, который излучали блеск, было заметно, что настроение у него приподнятое. Он даже что-то потихоньку напевал про себя.

Ярослав, конечно же, обратил на это внимание, но вида не подал, - чувство чужой страны не нашло отклика в его душе. Все его мысли в этот момент были устремлены в совершенно другую сферу деятельности, и остановить их ход ему уже было не под силу. И это справедливо, ибо человек, который лишается свободы и права выбора, как правило, уже себе не принадлежит, и его не интересуют всякие побочные проявления.

- Хорошо, что вы встали, - с облегчением произнёс Вальтер. – Сейчас завтрак, а потом – на работу. Надеюсь, сегодня столбы будут стоять, а завтра начнёте делать ограду. Через три дня, в воскресенье, думаю, закончите.

- Постараемся, - ответил бодро Ярослав, заморгав глазами.

Ответом фермер остался доволен. Выпрямившись, он с озабоченным видом указал на дверь.

Было солнечное утро. Вдали, на фоне голубого неба, возвышались трубы каких-то предприятий. Со стороны особняка тянуло сдобными, тёплыми пирожками. Прелести домашнего уюта тронули Ярослава за живое. И он вспомнил недалёкое прошлое. Вспомнил мать, которая, приглашая к завтраку, подавала на стол вкусные пироги.

Внутри у него что-то дрогнуло. И в этот тяжёлый момент жизни Ярослава будто подменили. Вполне осознанно он вдруг ощутил реальную надежду на спасение, и его мысли снова вернулись к прежнему намерению о побеге. Интуиция подсказывала – если они не осуществят задумку за эти три-четыре дня, то потом, когда их обратно доставят в концлагерь, сделать будет гораздо сложнее.

Поскольку для реализации плана времени оставалось совсем немного, поэтому надо было всё заранее предусмотреть, - главное, не предаваться страху и не жалеть себя. Начинать надо – здесь и сейчас. Тогда всё получится. И когда Ярослав пришёл к такому заключению, то его уже ничто не могло остановить. В первую очередь, как он считал, ему необходимо было сказать обо всём этом своему товарищу. Однако сделать это было непросто, - охранник по-прежнему следил за каждым шагом. Оставалось ждать подходящего момента.

Перед тем, как им отправиться на работу, во двор фермера въехала легковушка, из которой вышли двое военных в эсэсовской форме. Офицер о чём-то переговорил с хозяином, оглядел территорию и только потом заменил охранника на другого.

Ожидая распоряжения, Ярослав и Дмитрий, не двигаясь, стояли поодаль. И Ярослав вдруг оживился.

- Так вот: пока они заняты, - сказал он тихим голосом, - надо поговорить. За эти оставшиеся три или четыре дня нам многое предстоит сделать. Во-первых, должны хорошенько подготовиться... А во-вторых, хочу спросить: заметил ли ты вчера недалеко от того места, где работали, тропу, которая, похоже, тянется до леса в южном направлении?

- Конечно!

- Вот и хорошо. Тропа – как раз то, что нам надо... На это и будем рассчитывать. Но самое сложное заключается в том, как без шума покинуть помещение. Но, думаю, и тут есть выход. Уходить будем через чердак ночью, с субботы на воскресенье. Для этого необходимо подготовиться. К тому же, в знак уважения к хозяевам этого особняка, мы должны закончить работу в срок, - сделаем им подарок.

В эту минуту ворота открылись, и машина, оставляя шлейф чёрного дыма, выехала со двора. Не теряя время, фермер размашистым шагом подошёл к военнопленным и повёл их к месту работы. Охранник, двигая челюстями, - во рту у него была жевательная резинка, - шёл несколько в стороне. В разговор молодой немец, с загорелым продолговатым лицом, ни с кем не вступал, держался особняком.

Ярослав, конечно же, обратил на это внимание, но, чтобы удостовериться, всё же завёл вечером о нём разговор с Дмитрием, когда их привели на ночлег в деревянное строение.

- Ну, как новый охранник? – шёпотом спросил он.

- Похож на меланхолика, - не задумываясь, ответил Дмитрий. – Вид безразличный. Кажется, что всё ему до фени.

- Вот-вот, правильно подметил. Что касается дальнейших действий, то в полночь хочу подняться на чердак. Посмотрю, что там? Только бы не проспать! Работали ведь до захода солнца. Правда, сделали много. Осталось установить изгородь, а это уже не трудно. А потом... потом, как говорится, что бог пошлёт... И ещё. На первое время нам надо иметь хотя бы небольшой запас хлеба. Незаметно будем копить. Ведь завтра уже пятница. Утром сменяют охрану, а в субботу, вероятно, опять пришлют этого немца. Тогда и осуществим то, что задумали. Почему? Всё очень просто: ему не надо выслуживаться перед своими, - время идёт и ладно...

Дмитрий слушал внимательно, и в знак согласия одобрительно кивнул головой.

В этот день они работали с раннего утра и до позднего вечера. Работали практически без отдыха и чертовски устали. Говорить больше не хотелось. Достаточно было прикоснуться к постели, как сон тотчас сморил обоих. И только где-то в полночь, когда тишина поглотила всё вокруг, Ярослав, словно по команде, проснулся и стал прислушиваться. И, ничего не обнаружив, встал с постели, тихонько прошёл в дальний угол, поднялся наверх, открыл люк и проник на чердак.

Дмитрий открыл глаза и тотчас всё понял. Пока Ярослав находился на чердаке, он не находил себе места. Время для него будто остановилось. Даже незначительные шорохи, доносившиеся неизвестно откуда, приводили его в ужас. Ему казалось, что за ними кто-то следит, - вот скоро откроется дверь и на пороге появится охранник с автоматом в руках. И так продолжалось до тех пор пока он не увидел на лестнице фигуру Ярослава. После этого Дмитрий даже перекрестился.

- Ну, что там? – растягивая слова, спросил он.

- Возможность выбраться отсюда есть, - протирая глаза от чердачной пыли, сказал Ярослав. – Между крышей и стеной по всему периметру проложен карниз. Возле угла обнаружил небольшое отверстие, рядом с которым доска не закреплена. В этом месте и будем спускаться. Для этого, конечно, нужна верёвка. Но где её взять! Однако выход и тут есть. Свяжем простыни и дёру, - только нас и видали... Неожиданно Ярослав разжал кулак. – Смотри, что там нашёл! Думаю, в пути пригодится.

Дмитрий был в восторге, когда увидел на его широкой ладони перочинный ножик.

VII

Незаметно пролетели два дня. Поздно вечером, в субботу, работа была полностью завершена. Однако такой усталости, как это было в предыдущие дни, когда рыли ямы, ставили столбы, они не чувствовали. Зато нервы были до такой степени напряжены, что всякие невнятные звуки, которые доносились неизвестно откуда, тревожили их. Да что там звуки! Даже тишина, возникавшая вопреки ожиданиям, наводила на них такой ужас, что становилось жутко.

Известно, что в минуту опасности человек становится менее собранным, чем в обычной повседневной жизни. А если к этому добавить, что Ярослав и Дмитрий находились в чужой стране, и, естественно, сознавали всю ответственность за свои действия, то нетрудно понять, какое волнение они испытывали в эту ночь. Однако, в силу своих убеждений, а также решительности и целеустремлённости, которые они приобрели в результате боевых действий, отступать от намеченной цели было для них непозволительно.

Вечером, когда после ужина их привели в тёмную каморку, они тотчас же начали готовиться к побегу. Верхнюю одежду, резиновые сапоги, которые им выделил для работы фермер, они решили не менять. Скудные запасы пищи, а так же нож, спрятали в надёжное место. Вот, пожалуй, и всё... Оставалось только дожидаться полуночи, когда вся округа погрузится в беспробудный сон, и тогда... тогда – поминай как звали... И что важно, несмотря на опасность, которая их подстерегала, страха они не испытывали. Поэтому не возникло желания переиначить, а это, возможно, и сыграло решающую роль в их дальнейшей судьбе.

На чердак этого убого сооружения, в котором провели несколько ночей, они поднялись без особого труда. В течение минуты Ярослав подготовил место для спуска, которое присмотрел накануне. Перед тем, как покинуть жилище с неприятным запахом мышиных гнёзд, он ещё раз всё проверил, а потом еле слышно сказал:

- Не знаю, выдержит ли скрученная из простыней верёвка... Ты стой здесь, а я спущусь вниз. Если удачно, то тебе помогу. Только бы не наделать шума...

Успешно завершив спуск, они быстро замели следы и направились в сторону леса. Стояла зловещая тишина. Было пасмурно и темно. Тропа, по которой шли, при заходе в лес вдруг исчезла из виду. А когда отыскиали, с неба, как нельзя кстати, заморосил дождь.

- Не сон ли это! – с восторгом, еле слышно, произнёс Ярослав. – Теперь и собака не поможет, след после дождя не возьмёт.

Слова эти взбудрили Дмитрия. Время до рассвета ещё оставалось, и им очень хотелось оказаться как можно дальше от того места, где они находились.

Через полтора, два часа, когда они подошли к реке, дождь прекратился. Уставшие, они присели на упавшее дерево. Ярослав достал четыре небольших кусочка хлеба, разделил на равные части, одну дал Дмитрию. Утолив голод и попив воды, они перешли ручей и двинулись вдоль него на восток. А вскоре, метров через пятьдесят, в том месте, где начинался отлогий склон, появилась тропа, которая тянулась до самого ручья.

- Похоже, сюда люди ходят за водой, - прислушиваясь к отдалённым звукам, сказал Ярослав. – Значит, поблизости есть селение...

- Интересно, где мы находимся? – спросил Дмитрий. – Может, уже на польской территории...

- Теперь тут всё немецкое. Это надо иметь в виду. Иначе можем поплатиться, - словами, не требующими дополнительных разъяснений, сказал Ярослав.

Поднявшись по склону вверх, они вышли на дорогу, которая вела неизвестно куда. Посоветовавшись, они решили идти по ней.

В вышине, над лесом, пока ещё робко, забрезжил рассвет. За вековыми соснами и разросшимся в отдельных местах кустарником, стали просматриваться освободившиеся от снега поляны. А лесная дорога, по которой они шли, обретала очертания, - была заметна колея и видны следы лошадиных копыт.

Неожиданно из-за поворота донёсся невнятный звук, который привлёк их внимание. Испуганно переглянувшись, не понимая, что же это может быть, они тотчас свернули в лес, стали прислушиваться. И только после того, когда услышали ни с чем несравнимый громкий петушиный голос, немного успокоились.

- Ладно. Зря время тратить не будем, - сказал Ярослав, обдумывая возможные варианты исхода. – Пойдём прямо. Будь, что будет!

Пройдя поворот, они вышли на открытое пространство, где рядом с лесом рос мелкий кустарник, к которому примыкали дома с огородами.

Прокравшись к рябиновому кусту, который рос вблизи огорода крайней хаты, они стали наблюдать.

Не прошла и минута, как распахнулась задняя калитка, и оттуда вышел пожилой мужчина с лопатой в руках. Прикрыл калитку и, не раздумывая, направился в конец огорода, где, ожидая тепла, стояли несколько яблонь. Дошёл до крайней и стал рыхлить землю вокруг ствола.

Понаблюдав из-за куста, Ярослав пришёл к выводу, что с ухоженной седой бородой человек, не похож на пособника немцев, а всего-навсего является обычным тружеником, привыкшим с ранних лет копать в земле.

- Знаешь! – решительно сказал Ярослав, - не будем время тратить понапрасну. Подойдём к нему и всё объясним. А там будет видно... Мне почему-то кажется, что он порядочный человек. А без чьей-либо помощи нам не выжить.

Со стороны Дмитрия никаких возражений не последовало.

VIII

Заметив идущих к нему людей, мужчина выпрямился, воткнул в землю лопату и облокотился на неё. Естественно, знать он не мог, что им от него надо, однако сердце подсказывало, что подошли они по какому-то важному делу. И, надо сказать, в этом он не ошибся.

Возле ограды Ярослав и Дмитрий остановились. Не дожидаясь, когда позовут, мужчина сам подошёл к ним.

- Товарищ! – обратился Ярослав, - скажи, здесь поляки живут?

Наступила жуткая тишина. Природа и та безмолвствовала, словно ещё не проснулась с ночи, только изредка, откуда-то издали доносились какие-то неясные звуки, которые свидетельствовали о наступлении нового дня. Однако, каким он будет, никто не знал. И эта великая тайна настораживала, давая возможность ощутить непредсказуемость бытия.

Человек с ответом не спешил. Наконец, обдумав все события прошлой и теперешней жизни, а так же факты угона немцами пятерых парней, в том числе и его сына, на постоянную работу в Германию, он на ломанном русском ответил:

- Да. Тут живе поляки.

- А немцы были?

- Да. Но тэпер... их нет. Ушли полгода назад и больше не появлялись. За порядок следит староста. А сами-то ви кто?

Ярослав не стал ничего придумывать, честно сказал:

- Мы русские военнопленные. Хотим добраться до своих. Помогите нам!

Обеспокоенный таким поворотом событий, мужчина задумался, - не провокация ли?.. Но как только обратил внимание на их худобу, внутри у него будто что-то шевельнулось. Сознание вернуло его в реальность.

- Хорошо, если только смогу... В дом ко мне нельзя, могут заметить. Идите вон к той бане. – Он указал на деревянное строение, которое находилось недалеко от леса. – Скоро подъеду. Привезу еду и одежду. Переоденетесь в нашу, а потом отвезу к знакомому машинисту, который доставит вас на товарняке до границы. Он тоже поляк. Если всё

получится, то вечером будете там. А что потом, он вам скажет... И тэпер... идите, куда сказал.

Мужчина хоть и говорил с небольшим акцентом, но вполне внятно.

В указанном месте ждать пришлось недолго. Увидев на дороге повозку, в которой кроме самого хозяина никого больше не было, Ярослав и Дмитрий успокоились. А когда подъехал и когда они переоделись, разместил их на повозке, однозначно сказал, что едут они в больницу на лечение. Это необходимо в том случае, если, вдруг, остановят немецкие патрули, которые, как огня, боятся заразиться, и к больным стараются подходить как можно реже.

На протяжении всего пути ехали молча, каждый думал о своём. Погоняя лошадь, мужчина-кучер очень хотел, чтобы человек, который был нужен, находился дома. А оба его пассажира, дрожа от страха, питались надеждой поскорее попасть к своим, восторгаясь цветными узорами на дорогах, полях, нарисованными утренними лучами солнца.

Петляя по глухим переулкам, мужчина лихо повернул коня за угол хаты узловой железнодорожной станции, остановил упряжку, предупредил пассажиров не отлучаться. Сам поднялся на крыльцо, и нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл круглолицый с седыми волосами человек, на вид которому было лет пятьдесят. Одет он был в тёмно-синий спортивный костюм.

- А-а, Милош! – Хозяин тотчас протянул руку своему знакомому, и они сию же минуту скрылись за дверью.

- Полагаю, опасаться нечего, - сказал Ярослав своему товарищу. – Видно, что люди порядочные. Хотят действительно помочь. Что скажешь на этот счёт?

- Надежда на это есть, - поддержал Дмитрий, продолжая следить за окружающей обстановкой.

Долго ждать не пришлось, открылась дверь и оттуда вышли те самые двое и, не задерживаясь, подошли к ним.

- Запомните его, - сказал Милош, указав головой вправо. – Через два часа он поведёт товарный состав с грузом на восток и возьмёт вас. У небольшого разъезда вас встретит человек, который на лодке, ночью, доставит куда нужно. Поняли?

- Так точно! – по-военному отчеканил Ярослав, и улыбка вмиг озарила их лица.

- А сейчас... сейчас поедem к железнодорожному полотну. Отсюда недалеко. Там и будете ждать. Всё, что касается дальнейших действий, скажу потом.

Милош развернул коня по направлению к дороге, проехал с километр и остановился за ветвистым кустарником. Внимательно осмотрев местность, рассказал им, что надо делать, когда на поляне покажется локомотив.

- Каждый, - сказал он, - должен поднять вверх руку: один – правую, другой – левую. Это – пароль. Машинист остановит, и пригласит вас. А сейчас идите к железнодорожному полотну, и старайтесь раньше времени не показываться.

Ярослав и Дмитрий поблагодарили Милоша за помощь. Он молча сел в повозку, взял в руки вожжи и с чувством выполненного долга поехал к себе домой.

Время ожидания тянулось медленно. Порой им даже казалось, что за ними кто-то следит, хотя на самом деле этого не было. В глубине души каждый это понимал, но избавиться от страха было не просто. Решив наконец, что перед дальней дорогой надо обязательно перекусить, они поднялись на пригорок и притаились за кустом колючего

шиповника. И в данный момент это было для них, пожалуй, единственной отдушиной, когда все прежние невзгоды вмиг отошли на задний план, а вместо этого появилось чувство ничем неприкрытой безмятежности.

К этому времени солнце уже поднялось довольно высоко, и тени от деревьев перемещались на открытом пространстве значительно медленнее, чем это было утром. Свежий воздух взбодрил обоих, и они, закончив обед, дружно приступили к уборке. Хлебные крошки и остатки от еды отнесли на открытое место для птиц.

А где-то через час из лесного массива донеслись звуки движущегося состава.

Тяжкий вздох вырвался из их груди. Медлить уже было нельзя, и они, переглянувшись, стали готовиться к встрече. Тем не менее, тревога не угасла ни на минуту.

- Пароль не забыл? – спросил Ярослав.

- Пом...ню, - заикаясь, ответил Дмитрий.

- Коли так: ты поднимаешь правую руку, а я – левую, - весьма строго напомнил Ярослав. – А если возникнет опасность, будем действовать в зависимости от сложившейся обстановки, - время военное, просто так сдаваться не намерены. – И он переложил ножик в удобное для себя место.

Ясное дело! – подтвердил Дмитрий, машинально запустив руку в карман, где лежал отточенный механический предмет, который он подобрал в пути, - какое-никакое, а оружие...

Когда они подошли к рельсам, из леса медленно, как черепаха, выползал локомотив, который тянул за собой вереницу товарных вагонов разного калибра. Ярослав и Дмитрий на какое-то время пришли в замешательство, но уже вскоре, как и было предусмотрено, подали заранее установленный сигнал.

Увидев, машинист с точностью до метра остановил поезд. Открыл входную дверь локомотива, и взмахом руки пригласил их подняться в кабину. На всё это ушло несколько секунд, и путь был продолжен.

- Займите места, - указал он головой назад, - и если спросят, то скажите, что вы из охраны. Кроме вас тут есть охранники, которые находятся в последнем вагоне. Имейте это в виду. Довезу до границы с Белоруссией и там, возле небольшого разъезда, где всего-то три дома, я вас высажу. Справа от дороги живёт семья станционного диспетчера, зовут его Прохор... Прохор Нилович. Он-то и доставит вас в нужное место.

Весь этот путь они проехали без всяких приключений. А перед тем, как покинуть пристанище, они поблагодарили машиниста за его мужество и доброту по отношению к ним, спустились на землю и скрылись за углом трансформаторной будки. Поезд тем временем уже набрал ход и вскоре скрылся за поворотом.

Готовясь к ночи, вечерняя мгла робко опускалась на привокзальные строения, поля, дороги, раскрашивая округу в тёмные тона. Глубоко вздохнув и не вполне сознавая, что так удачно получилось, Ярослав и Дмитрий настороженно огляделись, и хотели было идти по казанному им направлению, как вдруг услышали чей-то голос. А когда оглянулись и увидели человека, который размахивал руками, и ничего подозрительного из себя не представлял, решили подождать. Роста он был среднего, с бодрым живым взглядом, а лет ему было не больше пятидесяти.

- Вы с поезда?... - запыхавшись, спросил он.

- Да, - бодро ответил Ярослав.

- А я – Прохор.

- Прохор Нилович, - дополнил Ярослав, не отрывая взгляда.

Юмор был кстати и, улыбнувшись, он сказал:

- Ясно. Любомир Гашич вам уже обо всём доложил. А сейчас пойдём ко мне, там всё и решим. И ещё... надо проявлять бдительность.

И они пошли.

На пороге дома их встретила молодая женщина с добрым, выразительным взглядом. Увидев измождённых, сбежавших из фашистского плена людей, она тотчас же принялась готовить еду. А потом пригласила, в том числе и своего мужа, к столу.

Когда они вышли на улицу, было уже совсем темно.

- Слушайте внимательно, - начал Прохор, - сначала дойдём до озера – тут недалеко, а потом на лодке переправлю вас на противоположный берег к партизанам. Подойдёте к часовому, скажите: «Где тут отель?». Он должен ответить: «Здесь его нет». После этого вас пропустят, и доставят к командиру партизанского отряда. Ему обо всём и расскажите...

Плыть до берега оставалось несколько метров. Прохор Нилович без шума причалил лодку к отлогому склону, показал лесную тропу, по которой следовало идти, и которую знали только партизаны да подпольщики антифашистского движения.

Почувствовав свободу, Ярослав и Дмитрий, удовлетворённые исполнением намеченного плана, поблагодарили Прохора, а он задерживаться здесь не стал, взмахнул вёслами и быстро скрылся в ночи.

Партизанский отряд, в котором они оказались, стал для них вторым родным домом. Через считанные дни они уже восстановили силы, и стали вместе со всеми участвовать в операциях в борьбе с врагом.

А когда в первой половине июля 1944 года, наши войска освободили Белоруссию от немецких захватчиков, партизанский отряд влился в состав нашей Армии, а воинская часть, в которой они находились, в дальнейшем принимала участие и в освобождении Польши.

С тех пор прошло много времени, но события тех военных лет, они не могут забыть. День Победы, 9 мая, встречают всегда вместе. Этот год для них также не был исключением.

День близился к вечеру. От возникших неприятных воспоминаний у Шумакова пересохло в горле и закружилась голова. И чтобы хоть как-то облегчить своё состояние, он достал из портфеля термос и попил чаю. После прилёг на кровать и тотчас же уснул. А проснулся от протяжного гудка парохода. Посмотрел на часы. «По всем признакам – Покатино», - подумал он, протирая глаза ото сна. В итоге всё так и было.

Дождавшись, когда пароход подойдёт к причалу, он подошёл к трапу и тотчас же среди пассажиров заметил Лукашова. Пока они шли до каюты, Шумакову не терпелось поскорее сообщить ему новость, которая его потрясла. И едва Дмитрию удалось присесть на кровать, Ярослав подробно рассказал ему о случае, который произошёл здесь несколько часов назад.

Понуриив голову, Дмитрий на некоторое время задумался, а потом спросил:

- Что будем делать?

- Надо решить, - ответил Ярослав, - так оставлять нельзя. Это преступление не имеет срока давности. Коршун должен быть наказан. Пусть ищут...

- Однозначно! – поддержал Дмитрий.

Прибыв в Стожары на торжества в честь Дня Победы, первым делом они сообщили о перебежчике в соответствующие органы с подробным описанием всех его данных.

Год спустя им пришёл ответ, в котором сообщалось, что при невыясненных обстоятельствах он погиб в аварии на дороге. На этом круг замкнулся. И для них это было самым глубоким разочарованием.

Июль, 2015 г.

ПОВЕСТКА

1

Тихое, морозное утро – одно из тех, что бывает в декабре в здешних местах. В избе у Дарьи тепло, уютно, чисто. Проводив сына на работу и приправ на кухонном столе, она накинула на плечи бывший мужнин полушубок, вышла на крыльцо, чтобы взять почту. Холодный воздух моментально проник к телу, стал щипать колени, лицо. Но Дарья на это не обращала внимание. Увидев в палисаднике покрытую инеем рябину, которая, словно невеста, стояла в белом наряде, она, вспомнив молодость, с замиранием сердца смотрела на нее до тех пор, пока холод не добрался до нутра. А когда стало совсем уж невмоготу, быстро спустилась с крыльца, взяла в висевшем на калитке почтовом ящике газеты, поспешила в дом, плотнее прикрыв за собой дверь. Положила газеты на письменный стол в передней и вернулась на кухню, чтобы приготовить кофе. Но не успела. Шаги на крыльце, а вслед за ними и стук в дверь, отвлекли Дарью.

– Войдите! – громко сказала она.

Дверь широко распахнулась, и на пороге появилась Нюрка Варенцова, работавшая в поселковой администрации секретаршей.

Вслед за ней в избу ворвался ледяной воздух.

Лежавший на полу рыжий кот лениво встал и запрыгнул на диван.

Порывшись в сумке, Настя достала какую-то бумажку и протянула Дарье

– Повестка, тетя Даша! – сообщила она. – Веньке пришла пора в армии служить. Прочитайте, а потом вот здесь распишитесь, что получили.

Опешив, Дарья настороженно посмотрела на Нюрку. Время для нее будто остановилось. Настроение упало. Плечи сразу опустились и она изменилась в лице. Дрожащей рукой взяла повестку.

Нюрка это заметила и стала успокаивать ее.

– Тетя Даша! Венька ведь не один идет служить. Из поселка их трое. Еще Васька Егоров и Олег Ефремов. Вместе им не скучно будет. Так что готовьтесь к проводам, и меня не забудьте пригласить.

И, помолчав, добавила:

– Не он первый, не он последний. Каждый здоровый парень должен уметь защищать Родину.

«Ишь ты, как заговорила! Летом, когда сбежала с танцев с приехавшим к Улитиным студентом, Венька был не нужен, а теперь – не забудьте пригласить... не забудьте пригласить. Весь поселок только и говорил тогда об этом», - не показывая виду, подумала Дарья. И, глубоко вздохнув, спокойно произнесла:

– Конечно, все это так. Но ведь жалко, еще молодой.

– Вот и надо служить пока молодой. А потом семья, дети пойдут... – не отставала Нюрка. – Прочитали? А теперь вот здесь распишитесь. И не забудьте повестку передать Веньке.

– Не забуду. А на проводы приходи.

– Обязательно приду, тетя Даша! Особенно на Венькины, – открывая дверь, заторопилась Нюрка.

Дарья не стала ждать обеда, а решила отнести повестку сыну на работу.

Дорожный участок, где Венька работал бульдозеристом, располагался за поселком, и идти туда было минут двадцать. Дарья оделась потеплее и пошла. Шла она быстро. Снег звонко скрипел под валенками, а изо рта густым облаком шел теплый пар. У проходной она встретила охранника и спросила, не видел ли он здесь Вершинина Вениамина?

– Пройдите в диспетчерскую, – посоветовал тот, – может, он там?

Увидев в окно мать, Венька тотчас же выскочил наружу.

– Почему ты здесь, мам? Что... что случилось? – испуганно проговорил он.

Ничего не сказав, она сняла с правой руки варежку, разжала пальцы и протянула свернутую в трубку повестку. А сама, не отрываясь, смотрела на сына, и ей казалось, что кроме него в этом мире сейчас больше никого нет.

Венька догадался, в чем дело, и, скорчив гримасу, уткнулся в повестку.

– Значит, десятого вечером надо быть в городе, а ведь сегодня уже седьмое, – прочитав, недовольно пробурчал себе под нос. – Могли бы и раньше прислать, – и, махнув рукой, добавил. – Ладно, как-нибудь управимся! Ты, мам, иди домой, а то холодно. А я пойду в контору увольняться.

Через два часа Венька уже вышел из проходной, и даже получил в кассе причитавшиеся ему деньги. По пути он встретил Ваську с Олегом, которые как раз направлялись к нему, чтобы договориться, где, лучше всего, провести вечер.

Разговор был коротким. Вечер решили провести в кафе «Юность», а потом, не теряя времени зря, пошли к заведующей, просить на это разрешение.

Надежда Степановна Тучина находилась в своем кабинете. Когда они вошли, она что-то писала. Доброжелательно взглянув на вошедших, она молча указала на стулья, предлагая таким образом немного подождать.. А закончив, обратилась:

– Слушаю вас, юноши!

Они переглянулись между собой. После возникшей паузы Венька рассказал, с какой целью они пришли. Надежда Степановна долго молчала. А потом, походив взад-вперед по кабинету, пообещала удовлетворить их просьбу и проводила до двери.

Когда они спустились со второго этажа, Венька пригласил приятелей в кафе.

– Угощаю, – сказал он, направляясь к столу у окна, – причина, думаю, уважительная.

Улыбаясь, потирая ладони, приятели прошли следом за ним. А уже минут через пять молодая брюнетка с черными как угольки, глазами, принесла им на стол водку, салат и говядину в жареным картофелем...

– За неизвестное будущее, – чокаясь, с иронией произнес Венька.

После этих слов приятели недоверчиво посмотрели на Веньку, заулыбались, стали прикидывать между собой все возможные и невозможные варианты грядущей жизни. А когда поняли, что заниматься этим сейчас бессмысленно, решили об этом больше не говорить.

Через два часа, в полдень, они вышли из кафе, постояли на морозе несколько минут, а потом разошлись. Возле крыльца своего дома Венька остановился, окинул взглядом окрестность.

Вдали, покрытый инеем, ярко блестел серебром лес. Декабрьское небо было чистым, но не голубым, а каким-то разноцветным, словно к нему прикоснулась рука художника. Щуря глаза от солнца, лучи которого ослепительно сияли на чистом снегу, Венька с восторгом смотрел на это чудо, и, почувствовав беспричинную радость, заулыбался.

2

Накануне отправки призывников, в их честь в кафе «Юность» состоялся вечер. Наравне со всеми, как и положено в таких случаях, Вениамин Вершинин пригласил всю свою родню. Из города приехали его родная сестра Ольга с мужем, а также родственники из соседних деревень. Из поселка пришли друзья с подругами, с которыми он учился и работал. Пригласил и тех, с кем у него были натянутые отношения. Однако обиду на них Венька не держал, и перед уходом на службу решил со всеми помириться.

Стало уже смеркаться, когда в кафе зажегся свет. Возвышаясь, на столах тотчас же засверкали бутылки с шампанским, вином. А уже совсем скоро отовсюду слышались хлопки и громкая речь.

Неожиданно распахнулась дверь и в зал вошла Нюрка Варенцова. Лицо у нее пылало как пламя, и на фоне черных бровей и ресниц казалось малиновым и неестественным. Даже Венька узнал ее не сразу. Она стояла возле двери и не знала, что делать.

Все, кто находился в кафе, уставились на нее, ожидая, что же будет дальше? Но ничего необычного не произошло. Венька сам подошел к ней, взял за руку, проводил до стола и усадил рядом с собой на свободное место. На этом все и закончилось. А уже через минуту-другую опять слышались голоса, звон бокалов и рюмок. И продолжалось все это, с перерывами на речи-пожелания и речи-напутствия, до тех пор, пока не заиграла музыка. Объявили дамский вальс, и пары одна за другой закружились в танце.

Венька, не шевелясь, безучастно наблюдал за танцующими, время от времени украдкой поглядывая на Нюрку, которая сидела ни живая, ни мертвая, прикусив губу и

облокотившись о стол. Вид у нее был мрачный. Венька раньше такую ее не видел. Ему стало ее даже почему-то жалко, хотя он и понимал, что его душу теперь растрогала уже не любовь к Нюрке, а что-то другое, - вероятно, вино, которое он пил наравне со всеми. А когда бросил взгляд на оркестр, то вмиг, будто время повернулось вспять, вспомнил летний сад, танцплощадку и танцующую с заезжим студентом Нюрку. И в душе его, словно в разоренном птичьем гнезде, сделалось пусто.

Не в силах помнить о том, как Норка променяла его на студента, Венька, проклиная все на свете, с досады выругался и потянулся было к бутылке, чтобы еще выпить вина, но увидев Нюркин пристальный взгляд, поспешно отдернул руку обратно. А дальше произошло то, чего он меньше всего ожидал.

Нюрка решительно поднялась со стула, поправила сзади юбку и пригласила на танец, который подходил к концу. Венька, стараясь не выдавать волнения, пошел вместе с ней в круг.

А в полночь, когда на морозных окнах сгустились ночные краски, и многие гости, особенно старшего возраста, уже стали расходиться по домам, они, взявшись за руки, направились вглубь полутемного коридора и остановились там возле какой-то двери. Из любопытства Венька подергал за ручку. Дверь открылась и они очутились в небольшой комнатке с маленьким диваном у стены и тумбочкой возле окна. Вероятно, комната предназначалась для охранка, который отдыхал здесь в ночные часы.

Попятившись назад, Венька присел на диван и потянул за собой Нюрку, молча стоявшую рядом. И то ли по своей воле, то ли случайно, она вмиг очутилась у него на коленях. А когда он повернул голову, их лица оказались так близко, что чувствовалось дыхание, от которого даже шевелились волосы. Венькины руки скользнули вниз по тле, и он осторожно притянул ее к себе. Она ослабла в его руках, ощущая и отвечая на горячие поцелуи.

Из зала по-прежнему доносилась легкая музыка и чей-то певучий голос. Не сговариваясь, они оба подошли к окну, сквозь которое едва заметно просматривались мрачные очертания двора. Никто не решался заговорить первым. Да и надо ли было? Все и так было ясно. Ему ни о чем не хотелось ее спрашивать, а ей – отвечать.

Находиться долго здесь было нельзя, и Венька осторожно, чтобы никто не услышал, прикрыл дверь, и они снова, как ни в чем не бывало, прошли в зал, где к этому времени уже почти никого не было. Настроение у Веньки было подавленное, однако ему удалось скрыть это от других, в том числе и от Нюрки. А минут через пять они, одевшись, вышли на улицу и быстрыми шагами направились к ее дому. Шли по той же дороге, по которой ходили раньше, обнявшись. И Веньке порой казалось, что их отношения ничуть не изменились, на самом деле это было не так. В нем самом произошли большие перемены. Его уже не тянуло, как прежде, к ней, не ощущал он и мук ревности, а значит, и не было потребности встречаться.

Возле дома они ненадолго остановились. Морозный воздух моментально пробрался к телу, и, боясь простыть, они скоро расстались.

Десятого декабря в полдень у здания поселковой администрации собралось много народа. Все пришли проводить односельчан в армию. Кругом было празднично, отовсюду слышалась музыка и веселые песни.

Пришел сюда и старший в поселке Росляки человек – всеми уважаемый Федор Макарович Никаноров, или просто Макарыч, без которого проводы были бы немыслимы.

Считалось, что если Макарыч здесь, то все новобранцы, как это уже было не раз, вернуться со службы целыми и невредимыми. Люди в это верили, и это стало нерушимой традицией. Все, кто шел служить, – так было заведено – перед отправкой обязательно подходили к Макарычу.

Увидев одиноко стоящего в стороне Никанорова, трое призывников направились к нему.

– Пришли попрощаться, дядя Федя, - протягивая руку, сказал Венька, – а то, может, больше и не увидимся? Вон какое время!

– Заранее себя настраивать на такое не годится, - возразил дед. – Из любой, даже самой сложной передрыги, всегда есть выход. А чтобы его найти, для этого солдат знать должен, как говориться, искусство боя, если, конечно, не дай-то Бог, случиться...

– И какое же оно, это искусство боя, дядя Федя? – тяжело вздохнув, спросил все тот же Венька.

– Во-первых, скажу вам, по-настоящему изучайте военное дело, мелочей в котором отродясь не было. Командира слушайте повнимательней. Иначе можно погибнуть в первом же бою. Я, вот, воевал всю войну и, как видите, остался жив. Этим, считаю, не в последнюю очередь, я обязан службе в армии, которую прошел незадолго до войны. Знал я, как воевать. А неумелые первыми и полегли... Смотришь, бывало, лежат на сырой земле, будто осенью в поле снопы. Вот так-то!..

– А что во-вторых, дядя Федя?

– А во-вторых... во-вторых то, что никогда не прячьтесь за спины других. Скажу вам, пуля очень не любит трусов, так и метит в них. Имейте в виду, братцы мои!..

Послышалась команда: всем призывникам явиться к месту отправки.

Прощавшись, они пожелали Макарычу, который вроде ничего особенного и не сказал, а в сердце уверенности поприбавил, крепкого здоровья, долгих лет жизни, а он им в ответ – хорошей службы. И со спокойной душой отправились в ту сторону, где их уже ждала машина.

По пути Венька часто бросал взгляд в толпу провожающих, но Нюрки нигде не было. Провожать его она не пришла. Сам того не замечая, он сразу как-то сник и направился туда, где стояла мать и вся его родня.

Минуты прощания были мучительно трогательны. А потом, торопясь, Венька заскочил в машину, тотчас устремившуюся к большой дороге, оставляя за собой огромное облако снежной пыли.

Вагон №13

Как-то осенью, в конце сентября, позвонил мне в город давний знакомый и пригласил к себе в гости.

- Приезжай в воскресенье, сказал Василий Петрович, - съездим на рыбалку, а в случае удачи и ухой побалуемся на природе.

Я охотно согласился. Тем более, что мы уже давно не виделись, да и меня изрядно утомила городская жизнь и хотелось побыстрее куда-нибудь выбраться на природу, отвлечься. А тут такой случай подвернулся - разве устоишь?

- Жди. Обязательно приеду, - ответил я, обрадовавшись приглашению. - Первым же поездом приеду.

Жил Василий Петрович вместе с семьёй на небольшой железнодорожной станции, где и стояло-то всего десятка два домов и примерно столько же, построенных на свой вкус и лад, различных сараев, а также несколько бань. Езды до этой станции было больше трёх часов. Бывал я там не раз и, надо сказать, в разное время года. Но больше всего я любил приезжать туда осенью. Жары уже такой не было, а на озёрах и реках всегда много дичи и всякой рыбы. Да и природа осенью какая-то особенная. Тихо, не шевелясь, стоит в волшебном, разноцветном наряде лес, даря людям восторг и вдохновение. Идёшь по лесу или просеке - душа радуется, и глаз не можешь оторвать от увиденной красоты, а чистый воздух так и щекочет ноздри. Долго потом в городе, у себя дома, вспоминаешь даже самую незначительную мелочь, - и снова прилив какого-то неизведанного счастья вселяется к тебе в душу.

В отличии от прежних, эта поездка запомнилась особенно.

В поездке мне пришлось столкнуться с войной. Конечно, не в прямом смысле, а с рассказами о ней. Много горя приносит война, поэтому и не забывают её люди.

Пассажиров в вагоне было мало. Возможно, из-за того, что дачный сезон уже завершался, а, возможно, потому, что было ещё рано, и большинство планирует ехать на электричке двумя часами позже. Так или иначе, в тринадцатом общем вагоне рядом со мной оказались ещё две пожилые женщины. Судя по виду, одна из них лет на восемьдесят была старше другой. Она молча глядела в окошко вагона, о чём-то думала. Одета несколько проще той, которая была моложе, видимо в таком возрасте наряды её мало интересовали. Однако, не смотря на ранний час, обе они выглядели довольно бодро.

Позже, из их разговора я узнал, что ехали они до той же станции, куда надо было и мне, а весь прошедший субботний день провели на рынке, продавали овощи и фрукты со своего огорода. Тяжёлых вещей у них не было, а в полупустых сумках, очевидно, лежали не бог весть какие подарки, купленные в городе для своих близких. По их настроению было видно: день вчерашний сложился для них вполне удачно и принёс им хоть и небольшой, но всё же какой-то доход.

Поезд сбавил скорость, и за окном вагона замелькали убогие строения приближавшейся очередной станции. Я посмотрел в окно и прочитал на фасаде коричневого деревянного вокзала название. Это был разъезд с трёхзначной цифрой.

Состав ещё не остановился, а сидевшая напротив меня в купе женщина, та, что постарше, приподнялась с места и широко раскрытыми глазами, с какой-то затаённой внутри грустью, стала жадно глядеть по сторонам. Поезд уже давно тронулся, но она всё никак не могла оторваться. А когда, наконец, опустилась на своё место, загорелое лицо её с неповторимой улыбкой на губах покрылось печалью, глаза заблестели и стали влажными. Несмотря на это, она по-прежнему продолжала казаться приветливой и доброй.

Укравкой посмотрев на меня, женщина глубоко вздохнула, а затем, повернувшись к сидевшей слева соседке, грустным голосом заговорила.

В двенадцати вёрстах отсюда - моё родное село Соколки. Сколько раз тут проезжаю, и всегда с волнением смотрю на знакомые с детства места, вспоминаю свою молодость. Жила я в этих краях до сорок шестого года, а потом вышла замуж за пришедшего с войны, дважды раненного солдата. Увёз Пётр меня тогда к себе, а как помер, живу одна до сих пор там. А куда поедешь? Оба сына - в городе, но я в город не хочу. Пускай лучше они сами ко мне приезжают, внуков привозят на лето. А я уж как-нибудь, пока ноги ходят, буду жить здесь. И на базар ещё могу съездить. Правда, теперь только с Натальей. Куда же денешься - годы своё берут. Как-то доживать надо...

После этих слов она перевела взгляд на меня, очевидно, хотела узнать, слушаю ли я её? А когда убедилась, что так всё и есть на самом деле, продолжала.

- В войну тяжелее было, и то выжили. Всё ведь помню, хоть и была ещё девчонкой. Мужики воевали на фронте, а мы, бабы, с ранней весны и до поздней осени работали в поле. Сначала сеяли, а потом урожай спасали. А зимой каждый день приходилось ходить в лес за дровами. Бывало, мороз, вязнешь по пояс в снегу, сила покидает, а дрова не бросаешь. Так и добирались с божьей помощью до дома.

А мать мою ещё часто посылали рыть окопы вдоль берега Свияги, - думали, что немец и сюда придёт. Особенно ей трудно приходилось зимой. Земля мёрзлая, а норму выполнять надо, - строго было тогда на счёт этого. Домой возвращалась она едва живая, к тому же питались в войну мы плохо. Весной многие опухали от голода. Что ж поделаешь? Время было такое. Немца всё же наши к Волге не пустили, погнали его тогда, откуда пришёл. А вот шпион наведывался к нам.

Отец был тогда на фронте, мы с матерью жили вдвоём насупротив правления. Вот местное руководство и направляло к нам на квартиру приезжавших из района разных начальников. А однажды, где-то в начале сорок третьего года, к нам поселили некоего Виноградова. Помню, очень уж он хромал, - так и припадал на одну ногу. Сказывал, что был сильно ранен и после лечения по негодности отправлен домой, а деревня-то его находилась под оккупацией, поэтому он оказался здесь, - направили из района работать бухгалтером.

Мать всё жалела его. Боялась как бы он не повредил раненную ногу, всё заставляла меня на крыльце чистить лёд. Дело-то уже шло к весне: на улице то оттепель, то мороз.

Бывало, соберутся бабы после работы где-то на улице, и мы, молодёжь, тут как тут. А он подходит и начинает рассказывать о войне. Говорил, чтобы мы не боялись немецких солдат, и жить-то при них нам станет лучше. А мы уши развесим и слушаем. Что мы тогда понимали? Это только потом, когда пришёл с войны раненный отец, да и в другие семьи стали возвращаться раненные и искалеченные, мы узнали всю правду о войне. А так, откуда нам было всё знать?

Она махнула рукой, и, посмотрев пристально на меня, со свойственной ей неторопливостью стала рассказывать дальше.

- А вскоре, как-то по весне, его неожиданно вызвали в райцентр. Вернулся он оттуда в плохом настроении, долго ничего не говорил. Потом всё-таки сказал матери, что его начали в чём-то подозревать. Всё хотел жаловаться на районное начальство куда-то выше. Но в этот же день к нашему дому был прикреплён охранник - наш сосед дед Кирилл. После всего этого, мы две ночи не спали, всё боялись, как бы с нами чего не случилось. Деду Кириллу мы, конечно, не доверяли, слишком был он стар. На вторую ночь, ближе к утру мы уснули. А когда проснулись - постояльца и след простыл. Ушёл через заднюю калитку, и так тихо, что никто из нас даже не проснулся.

Задержали его на переправе, в пяти верстах от села. Ждал, когда начнёт ходить паром. Мост на период ледохода был уже разобран, и он никак не мог перебраться на другой берег. К железной дороге стремился, но не успел, попал в капкан. А потом, когда трое военных вели его обратно, всё наше село высыпало на улицу. Была оттепель, кругом вода, а он шагал быстро и не хромал. Оказалось: он и ранен вовсе-то не был, а только притворялся.

Интересно, каково тогда ему было? Так и прошагал, не поднимая глаз, через всё село. А затем посадили его на телегу и увезли в район. Больше мы его не видели. А сколько ещё таких разных случаев по матушке-России было, а?

После этих слов она отвернулась к окну и надолго замолчала.

Не скрою, её рассказ меня заинтересовал. И после некоторого раздумья, в надежде узнать всё до конца, но, не желая больше утомлять пожилую женщину расспросами, я всё же решился.

- Интересно, каким же образом вычислили этого Виноградова?

Женщина ответила не сразу, а когда вспомнила, сухо обронила:

- Был слух, что какой-то начальник в районе обнаружил в его документах свою же поддельную подпись. С этого всё и началось.

Время за разговором пролетело быстро. Поезд уже приближался к нашей станции, и мы стали готовиться к выходу. Сначала за окном вагона промелькнуло что-то тёмное, а затем стали появляться ожидавшие поезд редкие пассажиры. Женщины моментально потянулись к окну.

- Гляди-ка, Маш! - тревожным голосом обратилась Наталья к своей соседке, - Егорка с Павлушкой опять пришли к поезду встречать отца.

Почувствовав в её словах что-то трогательное, и я тотчас метнулся к окну.

Двое белобрых, давно нестриженных мальчуганов, старшему из которых едва исполнилось семь лет, с опрокинутыми назад головами, впившись глазами в наш тринадцатый вагон, что есть мочи неслись за поездом.

Тот, который постарше, помогал младшему, держа его за руку. Порванные во многих местах куртки были на них расстёгнуты и пузырились сзади. А на ногах болталась, похожая на кеды какая-то рванная обувь.

Наталья резко отпрянула от окна и, мельком взглянув мне в глаза, с тревогой в душе стала торопливо рассказывать.

- Вот уже год, - кивнула она в сторону бегавших детей, - приходят они к этому поезду, и всё к тринадцатому вагону.

Помнят, что отца в армию провожали в этом вагоне, в этом поезде. У Гришки тогда отсрочка от призыва закончилась, и его призвали на службу. Жена его, Анна, и получила-то от него всего два письма, а потом - ни слуху, ни духу. А вскоре ей вручили документ, что Гришка пропал без вести в Афганистане. Но дети не верят, что отец погиб. Каждый день ждут его. А кто знает, - может, и правда, мается где-нибудь за границей? Говорят, случаи такие бывают. Григорий, может, тоже ещё вернётся? Дети ведь зря приходят сюда не станут, чует их сердечко, что отец жив. Чутьё у детей на этот счёт развито гораздо сильнее, чем у взрослых. Дай-то бог, чтоб так всё и вышло.

Внимательно я её слушал, а у самого - нет-нет да и сжималось до боли сердце. Но последние её слова всё же затеплили в моей душе надежду на возвращение Григория в свою семью. И, как ни странно, я всё больше стал в это верить.

Поезд остановился, и мы друг за другом вышли из вагона. Стало сразу просторно, дышалось легко. Осеннее солнце своими похолодевшими лучами ярко освещало на востоке оранжевые макушки видневшегося вдалеке леса.

Ничего не говоря, женщины тотчас подошли к стоявшим в стороне Егорке с Павлушкой, открыли свои сумки и дали по два пряника детям.

Остановившись рядом, я развязал рюкзак, достал две плитки шоколада и тоже протянул детям. Они стеснительно опустили головы - не за что не хотели брать. И только после долгого уговора приняли гостинец.

- Спасибо, дяденька! - разом поблагодарили они, по-прежнему не двигаясь с места.

Потрепав ласково обоих по длинным волосам, я краешком глаза заметил, как у моих знакомых навернулись на глаза слёзы. Мне сделалось как-то не по себе, и я тотчас отвёл глаза в сторону.

Когда мы собирались уходить, поезд начал трогаться. Впившись глазами в проводника тринадцатого вагона, дети уходить не хотели. Оглянувшись, я подумал: «Пусть же Егорке и Павлушке когда-нибудь повезёт и число тринадцать станет для них счастливым.»

На всём пути от станции мы долго молчали. Только перед тем, как расстаться, я назвал своё имя и сказал, что еду Василию Петровичу Назарову. Оказалось, обе женщины видели здесь меня раньше. Вскоре они свернули в какой-то переулок, заросший по краям узкой тропы крапивой и большими лопухами, а я пошёл к своему давнему товарищу.

ТАЁЖНЫЙ КАПКАН

На рассвете, когда золотистые солнечные лучи майского утра, едва заметно стали пробивать на востоке мелкие перистые облака, на небольшой таёжной станции Лесная, что в Кировской области, остановился пассажирский поезд, и из вагона вышли трое студентов Казанского университета, ехавшие на геологическую практику в Коми-Пермяцкий национальный округ.

Стояла полная тишина. Не было слышно ни шорохов, ни звуков. Дышалось легко. Запахи луговых трав и майских цветов кружили голову. А разбросанные вокруг деревянные дома, напоминали птичьи гнёзда. И всё это, в том числе и церквушка на высоком холме, смотрелось как единое целое, и, что примечательно, не портило общей картины окружающего ландшафта. Природа безмолвствовала, и ничто не предвещало беду.

Эдуард Гладков – староста группы – прошёл несколько метров по деревянному настилу и остановился возле вокзала, который пребывал в столь жалком состоянии, что с виду был похож на курятник.

Верхняя, деревянная часть здания, держалась на низком, в отдельных местах просевшем фундаменте, выполненного из красного кирпича. Крыша просела, а краска на досках, которыми оно было обшито снаружи, давно облезла. Даже сосны, которые стояли неподалёку, и те оголились до самых макушек и дополняли общую картину запустения.

Подождав, когда подойдут товарищи, Гладков, боясь нарушить тишину, тихо сказал:

- Вот что, друзья! В первую очередь надо будет узнать, на каком транспорте можно добраться отсюда до пункта назначения, куда должен прилететь за нами вертолёт. Сейчас, однако, это вряд ли возможно? Кроме нас тут никого нет. Пройдём в вокзал, и там подождём.
- Он указал на сооружение, которое стояло за его спиной.

Помещение, куда они вошли, показалось тесным. В углу, недалеко от окна, находилась касса, - пристрой с узким окошечком наружу, на двери которого висел большой амбарный замок. С другого конца, вплотную к внутренней стене, стояли две самодельные скамейки, на которых они и расположились.

Через минуту дверь широко распахнулась, и перед ними предстал человек крупного телосложения с рябым от оспы лицом. Внимательно оглядел присутствующих, спросил:

- Куда путь держите, молодые люди?

Эдуард настороженно посмотрел на охранника, и после недолгого молчания объяснил, кто они и куда едут. Заодно поинтересовался, на чём лучше всего отсюда можно доехать до конечного пункта, который расположен на границе с округом.

- Только по узкоколейке, на дрезине, - мысленно прикинув маршрут, ответил он. - Меньше часа езды. Туда возят рабочих на лесоповал, и тех, кто там живёт. Только надо подождать до семи, когда все соберутся.

Гладков поблагодарил охранника за дельный совет, а тот, в свою очередь, не обнаружив ничего подозрительного в их поведении, незаметно скрылся за дверью.

Время до прихода людей тянулось медленно. И только ближе к семи, когда стал появляться народ, всё вокруг тотчас ожило.

Сначала подошла группа мужчин. По их разговору можно было догадаться, что это лесорубы, и едут они на работу.

Вслед за ними подошли женщины с детьми. В руках у них были тяжёлые доверху чем-то набитые сумки. Одним словом, очередь росла быстро, но вот подошла невысокая, средних лет

женщина с добродушным лицом, открыла кассу и в течение нескольких минут распродала билеты.

Пассажиры, не задерживаясь, шли к месту посадки, заходили в транспорт, занимали места.

Когда подошли студенты, то народу там было не протолкнуться. С трудом протиснувшись вперёд, они встали возле перегородки, которая разделяла этот убогий транспорт на равные части.

Ждали недолго. Появился невысокого роста с тёмным от загара лицом человек, быстрым движением открыл дверь кабины, занял место и дрезина, набрав скорость, скрылась за поворотом.

- Не могу понять, - вглядываясь в полотно узкоколейки, обратился к товарищам Гладков, - почему дрезина задним ходом движется вперёд? Ведь это очень опасно.

За окном мелькал однообразный таёжный пейзаж, поражающий своим величием. Переключив всё своё внимание на узкие рельсы дороги, Олег Дружинин и Роберт Курамшин после слов старосты теперь уже не спускали глаз с железнодорожной чёрной ленты, которая терялась вдаль.

От высокой скорости, которую развил машинист, началась неимоверная тряска. К тому же в салоне накопилась такая духота, что пассажиры не находили себе места. Многих тошнило. А буквально через какие-то минуты, эта поездка для всех обернулась ужасным кошмаром.

Но большинство граждан, пребывая в столь некомфортных условиях, всё же этого не замечали. Думали о чём-то своём, преодолевая временные неудобства. А о назревавшей опасности, которая, можно сказать, как дамоклов меч висела в воздухе, ни у кого из них беспокойства не было.

В это время впереди показался поворот, расстояние до которого катастрофически сокращалось, но машинист на это никак не реагировал, - дрезина по-прежнему мчалась с бешеной скоростью. И лишь после того, когда одна женщина, увидев за поворотом стоявший на рельсах паровоз, громко закричала, машинист резко затормозил. Дрезину качнуло так сильно, что пассажиры, наваливаясь друг на друга, едва смогли устоять на ногах. Однако дело на этом не закончилось. Тормозной путь был настолько мал, что избежать столкновения не удалось. Удар был такой силы, что на полу вперемешку со стёклами, искореженными сидениями, хозяйственными сумками, пакетами, оказались и люди. Крики о помощи, стоны, не прекращались ни на минуту.

Первыми, кто пришли в себя, были студенты. Не раздумывая, они выбили дверь, и стали оказывать помощь пострадавшим. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, выносили на руках.

Особенно пострадала девушка лет четырнадцати, пятнадцати, которая сидела рядом с матерью спереди. Когда подошли к ней, она лежала на полу с откинутой назад головой и жалобно стонала. Казалось, на ней не было живого места.

Положили её в тень, под дерево, на кофту матери, которая не отходила от дочери ни на шаг.

- Теперь осталось вынести вещи, - нарушив гнетущую тишину, устало произнёс Гладков, - а потом займёмся своими порезами, ушибами.

В районе одиннадцати работа был завершена, и они втроём, усталые, но с чувством выполненного долга, перебрались через рельсы на другую сторону и остановились возле одинокой сосны на отдых.

- Похоже, попали в капкан, - сказал всё тот же Гладков, - и теперь неизвестно, когда выберемся.

И не успели толком осознать, как заметили мужчину, который шёл прямо к ним, то и дело опуская руку в карман.

- Неужели что случилось? - тревожно проговорил Олег Дружинин.

И возникшая напряжённость не прекращалась до того момента, пока мужчина не подошёл к ним и не достал из кармана бутылку водки, которую он так бережно хранил.

- Думаю, - сказал он, - не будет никакого греха, если пригубим по рюмочке. Снимет усталость. Надо же!.. Чудом уцелела. Только у меня нет никакой закуски.

Эдуард пристально посмотрел на товарищей. Но никто из них не проронил ни слова. Тогда он вынул из рюкзака буханку ржаного хлеба, две консервные банки – с икрой и килькой. И, за неимением ничего более подходящего, кружку. Расстелил возле сосны полотенце и разложил припасы. А потом, оправдываясь, напомнил:

- Правда, не ахти что, но в наших условиях сойдёт и это.

- Лучшего и не надо, - одобрил гость. – Одна килька с ржаным хлебом – чего стоят!

- Коли так, располагайтесь поближе. Кстати, а зовут-то тебя как?

- Егор... Егор Ковригин.

- Вот что, Егор, - не унимался Гладков, - ты житель здешних мест. Скажи, часто у вас тут случаются подобные аварии?

- За десять лет, пока здесь живу, не было ни одной. Могу лишь сказать, что человека, который управлял транспортом, прежде никогда не видел. До него здесь работали опытные машинисты. А кто этот? Не знаю. Скорее, какой-то временщик, хотел подзаработать. А вместо этого сыскал себе, что называется, дурную славу.

- Далеко ли отсюда до очередной станции?

- Меньше километра. Ну, что ты всё спрашиваешь и спрашиваешь! Наливай! Уже пора.

- Будет гораздо лучше Егор, если этим делом займёшься ты. Мы студенты, и у нас нет пока опыта. Можем ошибиться. А у тебя в этом деле рука, должно быть, набита, так что действуй...

После этих слов на лицах у всех появилась приветливая, робкая улыбка. И Ковригину ничего не оставалось, как брать инициативу в свои руки.

Пригубив положенную норму спиртного, - а время уже подходило к обеду, - все четверо дружно принялись за еду. Аппетит разгорелся не на шутку. От припасов, которые они так тщательно готовили, вскоре ничего не осталось. Но это лишь одна сторона дела. Другая, - более значимая, - заключалась в том, что напряжённость, которую они испытали в результате произошедшей аварии, стала постепенно уменьшаться, уступая место новым жизненным обстоятельствам, связанным с предстоящей практической работой.

Время приближалось к полудню. Воздух уже прогрелся, и вся живность здешних мест начала выползать из своих нор наружу. И в этот момент, когда они, прижав за собой пищевые отходы, сидели и мирно беседовали, откуда-то издалека до них долетел гулкий звук, который всё нарастал и нарастал. А через некоторое время они заметили в небе вертолёт, который летел с южной стороны вдоль железнодорожного полотна в их сторону.

- Теперь всё ясно. Большие начальники летят. Будут расследовать, - со знанием дела сказал Ковригин. - Быстро узнали о случившемся. А нам пора идти. Разъезд недалеко.

В том месте, где произошло крушение, людей уже не было. Пассажиры, которые могли двигаться самостоятельно, добирались до вокзала своим ходом, да ещё помогли тем, у которых тяжёлые травмы.

Дойдя до деревянного склада, построенного бог весть когда, все четверо, включая Ковригина, остановились, и устремили взоры на поляну, которая была на противоположной

стороне железнодорожного полотна, и на которую садился вертолёт. Машина зависла в воздухе, а потом плавно коснулась земли. Дверь, как и ожидалось, распахнулась, и оттуда вышли пятеро мужчин, трое из которых были в военной форме. Двое других, судя по медицинским принадлежностям, которые они несли в руках, были врачи. Через минуту, другую, они подошли к вокзалу, где их уже ожидало местное руководство. Последовало быстрое решение, и все тотчас принялись за работу. Женщин с тяжёлыми травмами, - их было трое, - поместили в вертолёт для отправки в город на лечение. Другим пострадавшим помощь была оказана на месте.

Транспортное средство, на котором они ехали, и которое было не узнать, оперативно отогнали в железнодорожный тупик.

И что немаловажно, все вопросы были решены в течение короткого промежутка времени. А в самом конце, когда пилот практически уже был готов поднять машину в воздух, люди в погонах вывели из стен вокзала того самого машиниста, который совершил аварию, завели в вертолёт для доставки в город с целью расследования обстоятельства дела. Вскоре движение по узкоколейке было восстановлено, и студенты-практиканты, узнав, отнеслись к этому с восторгом. Ещё бы! Ведь ещё недавно они даже не могли себе представить, что подобное станет явью, и уже сегодня окажутся в том самом месте, куда за ними прилетит вертолёт и доставит в геологическую экспедицию, которая базировалась на территории Коми-Пермяцкого национального округа.

До посёлка Усть-Чёрный летели около часа. Во время полёта несколько успокоились, и им теперь ничто не мешало любоваться видами тайги за окнами вертолёта. И что важно, в эту ночь они спали непробудным сном. Окна были открыты, а ночная прохлада, бесцеремонно врываясь в их уютную комнату, словно лечебный бальзам, восстанавливала силы. И утром они были уже в норме, чувствовали себя хорошо.

После завтрака их пригласил начальник экспедиции в кабинет, и распределил на работу в разные отряды с учётом вакантных мест. Поэтому в летние месяцы их редко можно было встретить вместе, разве что во время отгулов. И так продолжалось до самой осени. А в середине сентября, когда производственная практика подходила к концу, и им оставалось только подготовить отчёты о проделанной работе для представления по месту учёбы, они больше не расставались. Тем же маршрутом, ехали обратно. И очень удивились, когда на той же станции Лесная встретили Егора, человека, с которым после крушения обедали под сосной. Он-то и сообщил, что девушку, которая в результате аварии пострадала тогда больше всех и которую они вынесли на руках из повреждённого транспорта, вылечили. И она учится в школе.

Незадолго до расставания трое молодых парней, чтобы не остаться в долгу, угостили Егора соответствующим образом, как и он их несколько месяцев назад, майским утром.

С тех пор прошло много лет, но тот трагический случай живёт в их памяти по сей день.

Гость из Швейцарии

I

На второй день своего отпуска Макс открыл ключом старинный бабушкин сейф, который она привезла в Швейцарию из своей барской усадьбы в России еще накануне Октябрьской революции, достал оттуда ее дневник и стал читать написанные четким, красивым почерком пожелтевшие от времени страницы. Встречавшиеся в дневнике отдельные немецкие слова не только не портили суть изложенного, а, наоборот, придавали тексту простой и понятный смысл. На одной из страниц, где Наталья Игнатьевна просила своих близких посетить ее бывшую усадьбу - когда время такое наступит, - Макс остановился. В этом месте была подробно дана зарисовка барской усадьбы, располагалась которая в Зыбинской губернии, в тридцати километрах от Волги, на ее правом берегу. "Добираться туда лучше всего летом, на пароходе, - писала барыня. - Места там удивительно красивые, любоваться можно бесконечно."

Макс слышал, конечно, об этом и раньше из рассказов бабушки и матери Татьяны, уехавшей в Швейцарию вместе со всеми еще совсем девчонкой. Однако пытливый детский ум многое тогда успел запомнить и, вероятно, преимущественно из-за пережитого, - очень уж беспокойное было то время.

Прочитав дважды то место, где Гордеева писала о своей усадьбе, Макс задумался. Навязчивая мысль - увидеть все своими глазами, - неожиданно, больше чем когда-либо, стала тревожить его душу. Загадочный мир, в котором когда-то жили его предки, стал казаться ему более доступным и понятным. Собравшись с мыслями и прислушиваясь к зову сердца, он, наконец, во чтобы то не стало осуществить задуманное в самое ближайшее время. И теперь, начиная с этого момента, он уже не мог заставить себя мыслить по-другому, - ему очень хотелось поскорее исполнить свое давнее желание.

Положив дневник на прежнее место, Макс закрыл сейф ключом и, одухотворенный только что родившейся идеей, тотчас вышел из своей комнаты. Дверь из прихожей в соседнюю комнату, где жена гладила белье, была приоткрыта, и он прошел к супруге.

Мельком бросив взгляд на мужа, та, по какой-то только одной ей известной примете, сразу поняла, что он пришел сказать что-то важное. Только она подумала об этом, как тотчас услышала его спокойный, ровный голос.

- Слушай, Эльза, - вежливо начал он, подчеркивая всем своим видом важность неотложного разговора, - завтра утром еду в Берн, в Российское посольство, оформлять визу для поездки в Россию. Хочу навестить где-то на Волге бывшую усадьбу Натальи Игнатьевны. Помнишь? Раньше я тебе говорил об этом. Но сначала, дня на три, остановлюсь в Москве, посмотрю достопримечательности.

Выслушав внимательно, Эльза хотела ему что-то сказать, но Макс опередил ее.

- Если хочешь, поедем вместе.

Пока она думала, пауза затянулась. Наконец, вспомнив свой последний телефонный разговор с сестрой, сказала:

- Поезжай один. Берта обещала приехать в гости из Германии.

- Что ж, может, так и лучше? - над чем-то размышляя одобрительно произнес Макс, слегка прищутив глаза.

Они внимательно посмотрели друг на друга, и, улыбнувшись, остались оба довольны. Макс вышел на улицу.

Утренний туман, спустившийся еще до восхода солнца к подножию Альп, начал понемногу рассеиваться, оставляя на ухоженных газонах серебристую росу. Вдалеке, в серо-молочном разливе, пока еще не очень четко, но уже начали просматриваться очертания домов, неуклюжие конуса деревьев и еще какие-то, похожие скорее на пирамиды строения. Новый день вступал в свои права, и все звуки города, постепенно нарастая, сливались в один, - делали жизнь привычной.

Всю вторую половину дня Макс готовился к завтрашней поездке. И только вечером, освободившись от всех дел, он присел отдохнуть. Переутомление давало о себе знать, его тотчас потянуло ко сну, и он лег пораньше.

Спал он в эту ночь крепко. Только ближе к утру, когда усталость стала проходить, ему приснился сон. Перед его взором неожиданно возникла полноводная река, через которую он долго никак не мог перебраться. А когда, наконец, оказался на другом берегу, то увидел вдали одиноко бродивших коней. Давая о себе знать, они изредка наполняли округу призывным ржанием. А он все куда-то шел и шел... И пути этому, казалось, не было конца.

Проснулся Макс, когда было уже светло. Подошел к окну и распахнул его настежь. Снаружи потянуло свежей утренней прохладой. Город в своем одиночестве казался безжизненным и чужим. Высотные здания в лучах утреннего солнца выглядели сказочными великанами. И ему показалось, что этот чудный по красоте мир он раньше никогда не видел. Новый день для него начинался не совсем обычно, и это радовало. Радовало солнечное утро, сама поездка в Берн, в русское посольство.

Времени на раздумье не оставалось, и, одевшись, он торопливо пошел в гараж. А уже через несколько минут его "Мерседес" стоял возле дома.

Услышав в прихожей торопливые шаги, Эльза вышла на встречу.

- Завтрак готов, Макс, - добродушно улыбаясь, позвала она мужа, поднимая над головой большого плюшевого медвежонка. - Загляни к Луизе и подари этого красавца нашему внуку. Завтра у него день рождения. Всем им от нас низкий поклон.

Макс пристально посмотрел на стройную фигуру жены с пышной грудью и довольно моложавым лицом; нежно обнял ее, поцеловал в щеку и, положив на видное место подарок, сел за стол.

Приподнятый душевный настрой разбудил в нем волну приятных ощущений и, позавтракав, он взял плюшевого медвежонка, вышел к машине.

II

В конце недели Макс еще раз съездил в столицу, получил в русском посольстве визу для поездки в Россию. А уже через два дня, ближе к полудню, отправился в аэропорт.

Сидевший за рулем такси водитель оказался на редкость не разговорчивым, и тишина в салоне автомобиля позволяла ему наслаждаться быстрой ездой. Перед глазами постоянно мелькали стоявшие на обочинах дороги различные указатели. Ровный, как полотно, ухоженный асфальт после утреннего дождя казался темным, а кое-где не высохшие лужи, словно зеркало, блестели на солнце. После очередного, неизвестно какого по счету поворота, машина выскочила на прямой участок, свернула к аэропорту. Подъехав, Макс расплатился с таксистом, вошел в здание. Регистрация билетов на рейс уже началась, и он тотчас встал в очередь. А через час он уже сидел в самолете, наклонившись к иллюминатору. Слева от летного поля, отдавая чистотой, блестел на солнце умытый утренним дождем лес. На другом конце, уткнувшись тупыми носами в землю и прижавшись друг к другу, гнездились несколько самолетов. На земле они были скорее похожи на большие игрушки, чем на что-то летающее. И Макс подумалось, что все созданное в природе человеком непременно должно гармонировать с окружающим миром. Самолет прекрасен в небе, корабль - в море. Только в этом случае естество природы дополняется новым, качественным содержанием. И норма эта едина для всех. На земле же, словно в плену, они ничего из себя не представляют, и тот, и другой просто мертвы.

Вздрыгнув своим металлическим телом, самолет оторвался от земли и, набирая высоту, взял курс на восток. Откинувшись в кресле, Макс, как никогда прежде, начал сейчас глубже осознавать свою роль в восстановлении ранее утраченной связи времен и поколений. Это его вдохновляло, придавало уверенность в своих силах, наполняло душу совершенно новыми, до сих пор неизвестными чувствами. Ощущение, что он уже с этого времени себе не принадлежит, не покидало его.

Занятый мыслями, Макс не заметил, как к нему подошла стюардесса. Легонько потрогав за плечо, она предложила обед. Повернувшись, он посмотрел на симпатичную блондинку с полными губами и высоким бюстом, поблагодарил за услугу.

А когда закончил обед, достал из кейса лежавший сверху российский журнал, приготовленный им еще с вечера, и продолжил читать рассказ. Произведение русских классиков Макс читал только в подлиннике, и этим очень гордился. Гордился богатой культурой, высокой духовностью русского народа, к которому причислял и себя.

Где-то часа через три была объявлена посадка, и Макс снова прильнул к иллюминатору. За крылом самолета то и дело мелькали облака. Снижаясь, самолет быстро устремился к земле. Не прошло и десяти минут, как вдалеке, почти сливаясь с горизонтом, стали вырисовываться контуры большого города, а вскоре, сделав плавный разворот, самолет пошел на посадку.

В Москве Макс успел посмотреть Кремль и Третьяковку, а на четвертый день рано утром вылетел в Зыбинск.

Июльский день только начинался, когда он прибыл в речной порт Зыбинска. Отсюда до конечного пункта оставалось не больше двух-трех часов пути. Медленно двигаясь к светлому зданию речного порта, Макс внимательно наблюдал вокруг, надеясь увидеть какие-то признаки той прежней жизни. Однако всего того, что он помнил из рассказов своих близких, теперь здесь не было и в помине.

В зале ожидания, куда он только что вошел, как впрочем, и повсюду, был строгий порядок и чистота. У билетных касс очереди не было, и, купив билет на скоростное судно “Метеор”, Макс вышел на набережную. “Так вот ты какая, Волга!” - глубоко вздохнул он, глядя на ровную поверхность воды. Волжская тишина, пропитанная чистым речным воздухом, была настолько заволаживающей, что Макс боялся ее потревожить. Затаив дыхание, он стоял и любовался новым для него миром красоты.

После первого гудка, известившего о скором отправлении, Макс прошел на судно и занял место у окна в первом салоне. Во время пути он часто поднимался наверх и подолгу, с каким-то внутренним трепетом, глядел кругом. Волжский прохладный ветер приятно щекотал лицо, трепал тронутые сединой его густые волосы.

Из-за большой воды левый, пологий берег Волги еле просматривался, зато высокий, правый - с его неоднородным ландшафтом и часто встречающимися различными строениями, казался совсем близким.

- Следующая пристань - Крутой берег, - неожиданно напомнил чей-то голос, и тотчас многие пассажиры потянулись в салон, чтобы забрать свои вещи.

С берега уже стали доноситься голоса, а через несколько минут, слегка ткнувшись ботом о причал, “Метеор” замер на месте.

Макс сошел на берег, и не спеша, вместе с другими, стал подниматься по ступенькам деревянного настила вверх.

III

Заканчивалась пора сенокоса. Дни стояли жаркие, и от этого даже ночью было душно. Только рано утром, еще до восхода солнца, когда незримый холодок подкрадывался к домам с речной долины, сплошь заросшей густым кустарником, репейником и лебедой, духота спадала.

Солнце уже встало над горизонтом, когда фермер Серафим Большаков вышел во двор. Потянув вверх бронзовое от загара тело, он наскоро умылся из висевшего в углу умывальника, сел на крыльцо. Две его овчарки, верные помощники, уже стояли рядом, виляя хвостами.

- И ты здесь, Цыган? - обрадовался Серафим, поглаживая большого серого кобеля по седому загривку. - А я-то думал не выживешь? Всю неделю голову не поднимал, лежал на сене. И надо же! Теперь будем поправляться.

Он скрылся за дверью, а уже через минуту появился вновь, держа в руках коричневый кувшин с молоком, - разлил молоко в две стоявшие рядом алюминиевые миски, позвал собак.

- Чего ждешь, Малыш? - деловито обратился он к молодой собаке, которая стояла поодаль и не подходила к миске. - Иди, ешь, а то потом времени не будет, поедем в загон за бидонами с молоком, а затем погоним на пастбище скот.

Наблюдая, Малыш слушал внимательно, но с места так и не тронулся. Он, как и хозяин, был, конечно, рад возвращению в строй своего старшего брата, и сейчас, проявляя свою собачью солидарность, ни за что не хотел первым подходить к пище.

С минуту понаблюдав за ними, Серафим взглянул на часы: пришло время ехать в загон, где его уже ждала Елена. Озабоченно вздохнув, он поднялся с крыльца, впряг лошадь в легкую бричку, которую смастерил для себя еще в прошлом году, и поехал. А через полчаса они вместе с женой были уже дома. Долго не задерживаясь, он прихватил с собой двустволку, охотничий нож и срубленную в лесу еще год назад кленовую палку с круглым набалдашником на конце, и вместе с собаками погнал стадо на пастбище.

Земля за ночь остыла, и идти было приятно. Миновав ручей и большую поляну, Серафим направил свое стадо на луга, в южную оконечность километрового оврага - Малого Тюбьяка. Отлогие его склоны, как и сама лощина, сплошь заросшие густой, сочной травой, испокон веков, как магнитом притягивали к себе животных, которые паслись здесь с ранней весны и до поздней осени. Лишь на севере, у самой вершины, овраг круто обрывался, обнажая на склонах темно-коричневое тело, которое из года в год увеличивалось. Дальше, в двухстах метрах от этого места, располагались четыре оврага Большого Тюбьяка. Доверху заросшие орешником, они, как родные братья, походили друг на друга. Только на западе, соблюдая все законы природы, они сливались в один. Меняя резко направление на юг, этот овраг в свою очередь через несколько километров соединялся с небольшой речкой Тош.

IV

Но не только хорошими пастбищами славились эти места. Из года в год ходили сюда из окрестных сел люди за ягодами, грибами, орехами, которых здесь всегда было великое множество. Серафим знал тут каждую поляну, каждый родник, даже каждое дерево.

Вернувшись на пригорок, откуда хорошо просматривалась лощина оврага, где паслось стадо, а так же близлежащая окрестность, Серафим сбросил на землю надоевший груз, расстелил под ветвистым, одиноким вязом, брезентовый плащ, прилег и тотчас задремал. Загорелое, обветренное лицо его казалось смуглым, морщин почти не было видно, хотя и перевалило уже за пятьдесят.

Проснулся он от шума. Собаки неожиданно вскочили с места, и рыча, пристально смотрели на большую дорогу, находящуюся километрах в двух отсюда. Серафим молча поднялся и увидел легковушку, которая мчалась по проселочной дороге, оставляя позади огромный столб поднятой пыли. Двигалась она в их сторону, и на память ему невольно

пришел прошлогодний случай, который произошел недалеко отсюда, на соседней поляне. Как на грех, был он тогда один. Елена ушла за ягодами, а собаки увязались за ней. А он почему-то возражать не стал, и зря. Однако благодаря его смекалке, все закончилось тогда удачно.

Подъехав на машине и не обращая никакого внимания на хозяина, трое грабителей проникли в стадо и стали гоняться за упитанным годовалым бычком - Степкой. На возмущение Серафима они ответили угрозой. А после этого неожиданно и для него самого произошло какое-то чудо, в которое он и сам не сразу поверил.

Выбрав момент, чтобы никто из грабителей не заподозрил, он незаметно подал сигнал вернувшимся собакам. Не прошло и минуты, как два его верных пса что есть мочи неслись по склону оврага, вытянувшись в струну. В считанные секунды двое грабителей уже лежали на земле, а третий, находившийся ближе к машине, едва успел заскочить в кабину. Пожалел их тогда Серафим, услышал их мольбу, отпустил с Богом, взяв слово здесь больше не появляться.

Позже, осенью, видел он одного из них в городе, когда торговал мясом на рынке. Тот его также признал и быстро растворился в толпе.

Подъехав к реке, машина скрылась из вида, а вскоре снова вынырнула из-за бугра. Круто развернувшись, “джип” остановился метрах в двадцати от того места, где расположился Серафим.

Пассажиров было всего двое. Один из них, сидевший рядом с водителем, не спеша вышел из машины. Увидев довольно высокого, стройного, на вид лет пятидесяти мужчину в белоснежной рубашке и галстуке, Серафим успокоился.

Прошла минута, другая, а гость все стоял на одном месте, хмуро глядел по сторонам, думая, туда ли он приехал. Все, еще недавно надеялся увидеть здесь Макс (а это был именно он), не только не оправдало его ожидания, а напротив заставило глубже задуматься. С замиранием сердца смотрел он кругом, упорно старался найти и не находил хотя бы какие-то признаки жизни, которые, как он представлял себе, должны бы здесь быть. Ему трудно сейчас было поверить, что на этом месте когда-то стояло большое красивое село Анненково с приличными домами и дворовыми постройками. Об этом лишь отдаленно напоминала стоявшая на холме, в двух километрах отсюда, заброшенная церковь. И тут его взгляд неожиданно остановился на единственном уцелевшем здесь доме, который зарос со всех сторон бурьяном и кустарником. Крыша его во многих местах была разрушена, а сам дом, как старый, сгнивший пенек, припадал на один бок к земле. Внизу, в пойме реки, доживали свой срок вековые, больше человеческого обхвата ивы. Вся эта убогость оставляла в душе неприятный осадок. “Неужели только это и осталось от бывшей усадьбы”, - с сожалением подумал Макс, вспоминая рассказы своих близких.

Еще раз окинув взглядом всю окрестность, место находившийся здесь когда-то усадьбы своей бабушки, Макс достал из кармана пачку сигарет, посмотрел на одиноко стоявшего недалеко от него человека и направился в его сторону.

- Простите, могу ли я увидеть Серафима Большакова, - вежливо спросил гость, здороваясь и протягивая сигарету.

- Можете. Я вас слушаю, - прикуривая, еле внятно пробормотал Серафим, отгоняя собак подальше. - Не бойтесь, при мне они не тронут, а тем более, вижу, хорошего человека. А теперь рассказывайте, с чем пожаловали?

- Итак, приехал я из Швейцарии, а зовут меня Макс. Посоветовали обратиться к вам. Поэтому прошу помочь в одном важном деле.

Не догадываясь о чем речь, Серафим сладко затянулся табачным дымом, развел руки в сторону.

- Если только смогу... - продолжая с интересом наблюдать за гостем, не сразу ответил Серафим. - И что вас привело сюда?

- Зов предков, - глубоко вздохнув, трогательно произнес Макс. - Здесь они жили до революции. Кстати, где здесь стоял барский дом?

Прежде чем что-то сказать, Серафим стал вспоминать давние рассказы стариков, которые жили здесь еще в начале века, а потом с присущей ему неторопливостью объяснил:

- Вот на этой поляне, где сейчас стоим, и находился барский двор с прекрасным садом. У Натальи Игнатьевны Гордеевой - кажется, так звали барыню - как раз и стоял тут дом. Рассказывали, что были у нее тогда две маленькие дочери, - Татьяна и Полина. Был слух, что муж у нее умер здесь.

- Все верно. Наталья Игнатьевна - моя бабушка, пояснил Макс, - а Татьяна - матушка. Полгода назад ее не стало.

Серафим не знал, что на это ответить, заморгал глазами и устало посмотрел куда-то вдаль.

Время приближалось к десяти, и июльская жара уже вовсю набирала силу. Мертвая тишина сковала всю округу, только изредка были слышны быстро исчезающие звуки пролетающих где-то совсем близко пчел.

По просьбе Макса они спустились к реке, где находился родник, рядом с которым когда-то стояла часовня.

- Сейчас тут уже ничего не осталось, годы сделали свое дело, - подойдя близко к роднику, сказал Серафим, и показал то место, где стояла часовня. - У природы, брат, свои законы. Она любит, когда ей помогают. А если человек перестает о ней заботиться надлежащим образом, то все издержки она берет на себя и дела свои уже решает по-своему. Процесс этот естественный, и тут уже ничего не поделаешь. Вот слева озеро, -

кивнул он в сторону какого-то болота, заросшего толстым камышом, - когда-то в нем крупный карась водился, люди купались, а теперь посмотрите, что с ним стало? Природу не обманешь! Но скажу - помогать ей надо тоже умело. Если что не так - жди неприятностей.

Макс слушал Серафима внимательно, одновременно наблюдал за всем, стараясь запомнить даже самую незначительную мелочь. Это его вдохновляло, и он охотно искал и находил, хотя и незначительные, следы жизни своих предков, оставивших навечно здесь свои корни. И вдруг, сам того не замечая, он почувствовал нерасторжимую связь времен между прошлым и настоящим. И это было зародышем того начала, которое, проникая в существо бытия, делало вечным и его самого.

На обратном пути Макс достал из кармана свернутый в несколько раз довольно потертый, пожелтевший от времени листок бумаги и протянул его Серафиму. Осторожно развернув, тот увидел список со множеством знакомых фамилий, живших здесь на протяжении многих десятилетий; среди них была и его. Но не это его обрадовало. Просмотрев еще раз внимательно список, он подошел ближе к Максиму и указал на одну фамилию.

- Старика Салиха Гайсина знаю давно. Кучером у барыни работал. Сейчас живет в соседней татарской деревне. До нее отсюда всего три километра.

- Неужели это он? - не удержался Макс, вспоминая рассказы Натальи Игнатьевны о лихом, молодом кучере Салихе.

VI

Полдень еще не наступил, когда они подкатили к дому, где жил со своей большой семьей Салих Гайсин. Сам он в это время сидел в палисаднике на самодельной скамейке и безучастно глядел куда-то в сторону. Справа, упиравшись одним концом в землю, другим - в палисадник, стоял посох. На лысой его голове ярко блестела на солнце разноцветная тубетейка, которая очевидно, помогала ему общаться с аллахом и одновременно спасала от жары. Белая, как лен, остроугольная борода его настолько поредела, что сквозь нее свободно просматривались тонкая изрезанная морщинами шея и тощая впалая грудь. Годы взяли свое. Салиху уже давно перевалило за девяносто, и вся его почти вековая жизнь сейчас просматривалась как на ладони.

Одновременно Макс и Серафим подошли к одиноко сидевшему старику, вежливо поклонились. С любопытством посмотрев на элегантно одетого гостя, Салих предложил обоим место рядом на скамейке. А когда узнал, кто гость, неловко засуетился, а затем, словно опомнившись, любезно пригласил всех в дом.

- Трудно в это поверить! - молясь, то и дело поднося ладони к лицу, твердил он не переставая. Вот не ожидал!.. Не ожидал! Ну, проходите в комнату, устраивайтесь. А я - сейчас. Фаина, где ты? Поди-ка сюда! Гости у нас!

Откуда-то торопливо вышла уже взрослая младшая его правнучка. Салих сказал ей что-то по-своему, и она тотчас удалилась. С кухни стал доноситься звон посуды, а уже через некоторое время она снова вошла и пригласила всех к столу, который был накрыт в саду, в тени под яблоней.

Макс был поражен гостеприимством хозяина, и с удовольствием принял приглашение.

За столом Салих подробно расспрашивал Макса о дальнейшей судьбе Натальи Игнатьевны и всех ее близких, которых хорошо помнил. Слушал он внимательно, часто переспрашивал, когда что-то не понимал, или не расслышал. Макса, в свою очередь, интересовали тогдашний образ жизни людей, нормы морали, отношения их, а так же род занятий и многое другое; и в этой единой цепочке бытия он, конечно же, старался отыскать ту роль, которая отводилась его предкам.

Разговор продолжался и после того, когда дед Салих поставил на стол перед Максом доверху наполненный домашним вином хрустальный бокал.

Макс тотчас взял бокал в руки и стал рассматривать его со всех сторон, поглядывая удивленно на хозяина. И вертел до тех пор, пока не убедился, что бокал принадлежал когда-то их семейству и входил в число тех шести, пять из которых хранятся у них дома, в Швейцарии.

Салих, как ни в чем не бывало, смотрел на Макса, стараясь прочесть его мысли.

- Ничего не могу понять, - наконец сказал Макс, рассматривая фирменный знак внизу хрустала, - но мне кажется я не ошибаюсь. - Откуда у вас этот бокал?

С тех пор прошло восемьдесят лет, но Салих Гайсин помнил об этом дне все до мельчайших подробностей. Хрустальный бокал случайно нашел он в оставленном барыней старом шкафу и взял его на память. Об этом, а так же о том, как еще накануне революции, на самых лучших рысках, в последний раз вез барскую семью в губернский горд Зыбинс, рассказал он гостю.

Все эти разговоры и история с хрустальным бокалом растрогали Макса, и он в какой-то момент даже почувствовал причастность к тем событиям. Поднявшись, он произнес за встречу тост и выпил до дна содержимое бокала.

- Господин Макс! - неожиданно услышал он голос Салиха, державшего в руке потертую записную книжку, - прошу написать ваш швейцарский адрес. - Когда меня не станет, вам этот хрустальный бокал пришлют другие. Пока же эта вещь помогает мне жить.

Макс ничего на это не ответил, но домашний свой адрес написал.

Разговор подошел к концу, настало время уезжать. Поблагодарив доброго старика Салиха за хлеб-соль и попрощавшись, все вышли из дома.

Время уже откатилось далеко за полдень, и жара начала спадать. Машина, мелькнув скрылась за поворотом, а старик, облокотившись на самодельный посох, все еще продолжал стоять на одном месте.

Возвратившись, Серафим и Макс сели на брезентовый плащ, который по-прежнему лежал под ветвистым вязом, и закурили. А через несколько минут Макс поблагодарил Серафима за оказанную услугу и, попрощавшись, пообещал завтра снова приехать.

Полевые цветы

I

В междуречье двух больших рек расположилось село Никольское. Старожилы рассказывают жизнь здесь зародилась где-то в середине девятнадцатого века после приезда сюда донских казаков. Место где они поселились живописное. На правом берегу реки Тош находится озеро, которое питается родниковой водой. Вырываясь из недр окрестного холма, вода быстрым потоком устремляется в чашу водоема, а оттуда, по узкому каналу, расположенному недалеко от разборного на период ледохода деревянного моста, в реку.

Потомки прежних переселенцев со своими радостями, заботами и печалью живут здесь и по сей день. От природы люди эти добрые, живут дружно и, надо сказать, до глубокой старости.

Жизнь за пределами села их мало интересует. В своей же обители каждый знает друг о друге всё. Радость и горе здесь все между собой делят поровну. С почестями, если случается, людей провожают из села и также с почестями встречают.

Весной, за неделю до Пасхи, на железнодорожной станции Ковши остановился поезд и из плацкартного вагона вышел отслуживший срочную службу солдат Федор Арёфьев. Время было позднее. Редкие фонари тускло освещали перрон. Сошедших с поезда было немного: человек десять, не больше. Все молча шли к остановке в надежде успеть на автобус.

Федор сошел с перрона и сразу погрузился в темноту. Над головой, словно шатер, открылся огромный звездный купол. На какой-то миг падающая звезда осветила ему дорогу, и он пошел следом за девушкой. И тут чей-то мужской голос вдруг сообщил:

- Ждать нечего. Последний автобус ушел час назад.

Федор заметил, как шедшая впереди него девушка остановилась, поправила причёску и нехотя подошла к остановке. Федор встал поодаль.

Все ждали новых сообщений, но больше никто ни о чем не говорил. Прошло какое-то время и разговор на остановке начал оживать. Возникшие трудности теперь уже никого не интересовали.

- В Орехово есть попутчики? - спросил стоявший справа мужчина с бородой.

- А в Сосновку? - сверкая огоньком сигареты, вторил ему другой.

Желающие были. Не теряя зря времени, люди, растворяясь в ночи, стали расходиться небольшими группами.

Когда на остановке осталось всего двое, Федор поднял с земли чемодан и обращаясь к девушке, спросил:

- В Никольское желающие есть?

От неожиданности девушка вздрогнула, посмотрела на солдата и только потом ответила:

- Да, мне нужно туда.

- Идемте, вдвоем веселее, - подойдя ближе к ней, пригласил Федор. Пока пешком, а там, может, кто и подвезет?

Они молча пошли по темной дороге. Откуда-то издалека донесся одинокий гудок тепловоза.

- Часа два придется идти, если не окажется попутной, - сказал Федор, повернувшись к девушке.

- Со мной, пожалуй, дольше, - возразила она, еле успевая за ним.

Он посмотрел виновато в ее сторону, сбавил шаг и, чтобы не молчать, спросил:

- В гости? Или живете в Никольском?

- Живу.

- Давно?

- С августа прошлого года, - посмотрев на Федора, ответила она.

- А зовут-то, как?

- Софья Викторовна, а фамилия - Хлебникова.

- Сам Бог велел Вам с такой фамилией жить в селе, - пошутил Федор, вглядываясь в темноту, и тотчас продолжил: - А я рядовой Федор Арефьев, отслужил срочную и возвращаюсь домой. Впрочем, фамилия моя требует уточнения.

Разговор на какое-то время прервался. Очевидно, это было связано с тем, что его вновь начали тревожить мысли о прошлом, которое он никак не мог забыть. И, словно, опомнившись, он спросил:

- Вы, должно быть, учительница и преподаете математику?

- Откуда Вам это известно? - с любопытством задала она вопрос, в надежде узнать все до конца.

- Об этом нетрудно догадаться. Во всем мире Софьи обязательно преподают математику и ничего больше, - пошутил он снова.

Она весело расхохоталась. И смех ее показался Федору настолько искренним и без притворства, что он невольно проникся уважением к ней.

С этой минуты недоверие, как весенний снег, стало у нее быстро таять, уступая место доброму чувству взаимности.

По дороге на какой-то миг неожиданно скользнул луч света, и снова стало темно. Но несколько минут спустя, свет уже не прекращался и был таким ярким, что всюду на дороге просматривались даже мелкие предметы.

Федор глянул на девушку, и, повернув на обочину, одобрительно проговорил:

- Вот и повезло.

Она ничего не сказала, пошла следом за ним. Грузовик остановился. Федор помог девушке сесть в кабину, а сам ловко запрыгнул в кузов.

Хлебникова жила на краю села у пожилой одинокой женщины Варвары Грушиной. Федор проводил ее до дома, а на обратном пути остановился.

На Востоке утренняя заря еле заметно пробивала весеннюю ночную мглу. С другого берега реки доносился шум родника. Напуганный кем-то грач поднялся с высокой ивы и снова все стихло.

Федор подошел к дому, осторожно открыл калитку, поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Только сейчас он почувствовал, как учащенно забилося сердце.

Сначала в окнах появился свет, а потом за дверью послышались неторопливые, одинокие шаги.

- Я это, Федор, - услышав знакомый голос, произнес он.

Застучал запор и дверь открылась.

- Федька! Слава Богу, живой! - крестясь говорила Анна Михайловна.

Прямо с порога Федор прижался к теплому лицу матери. На ее щеках он почувствовал слезы, которые она стала вытирать рукавом наспех одетой поношенной кофты.

- Не плачь, мам... Я-то, что? Как ты тут одна?

- По-всякому было. Вот, теперь будет легче, - радуясь приезду Федора, еле слышно говорила она.

Войдя в просторную комнату, он разделся и прошел в свою спальню. Все здесь было, как прежде. Рядом с аккуратно заправленной кроватью стояла тумбочка, на которой возле магнитофона, находились его армейские фотографии.

Пока он рассматривал, Анна Михайловна достала из буфета бутылку вина, которую берегла специально к приезду Федора, и вместе с едой поставила на стол.

Беседа продолжалась до тех пор, пока Федора не стало клонить ко сну.

Впервые за два года лег он в свою постель и заснул крепким, пока еще солдатским сном.

II

Солнце уже было высоко, когда Федор поднялся с постели. Из открытых окон тянуло весенней свежестью. Из сада доносился щебет скворца.

Он неторопливо заправил постель, подошел к окну. Вдалеке, ожидая своего часа, в лучах весеннего солнца дышала земля. Странное чувство вдруг охватило Федора, когда он посмотрел на березовую рощу, которая, радуя глаз белизной, возвышалась над вспаханным полем. Когда-то давно березы эти были посажены его отцом.

Об этом много лет назад ему рассказал дед Моргун, хорошо знавший его отца. Деда уже давно нет в живых, но слова его Федор запомнил на всю жизнь.

В минуты отчаяния и мучительной тоски Федор уходил в эту рощу и подолгу гулял в тени ее ветвистых берез, словно виделся там с самым желанным и близким человеком.

Из родственников, кроме двоюродной сестры отца Екатерины и ее дочерей Татьяны и Милки, которые жили в городе, Федор никого не знал. Вспомнил он старую фотографию, которую много лет назад ему показывала тетя Катя. На ней Федор сидит у матери на руках, а рядом его братья- Дмитрий и старший Петр. С другого конца, наклонив слегка голову в их сторону, сидел отец.

В раздумье Федор постоял у окна еще несколько минут, а потом стал приводить в порядок солдатскую форму, в которой, по сложившейся здесь традиции, каждый вернувшийся со службы солдат обязан был появляться на людях в течение трех дней.

Всю вторую половину дня Федор провел во дворе. Пока его не было, там многое пришло в негодность. Необходим был ремонт. С этой мыслью он и вошел в дом.

- Завтра начну работу. Думаю, за неделю управлюсь, - сказал он матери и попросил, чтобы утром разбудила его пораньше.

Ближе к вечеру Федор вышел на улицу. Кругом ни души. Мужчины в это время еще не вернулись с работы, а женщины находились дома, готовились к вечерней дойке коров. Молодежь же высыпала из домов гораздо позже, когда на улице было уже совсем темно.

Планов у Федора никаких не было, поэтому он присел под окнами на скамейку и стал заново, как будто видел все впервые, наслаждаться окружающим его миром. Притупившиеся за время службы ощущения вдруг с новой силой стали наполнять его душу. И через несколько минут он вновь почувствовал свою причастность ко всему тому, что его окружало. Он неторопливо поднялся и пошел к реке. Спускаясь к мосту, Федор заметил на другом берегу женщину. Она шла навстречу, перекладывая из одной руки в другую тяжелую сумку. Узнал он ее сразу. А когда узнал, тотчас вспомнил письмо, которое написала ему мать, через полгода службы.

- Симка Алушева, - писала Анна Михайловна, - на Покров день вышла замуж за приезжего киномеханика. Рассказывают, он старше ее на восемь лет.

С тех пор Федор не получил от Алушевой ни одного письма, погоревал немного и, решив, что с этим уже ничего сделать нельзя, успокоился, а вскоре и вовсе забыл о ней, словно ее никогда не было в его сердце.

И вот два года спустя они вновь стояли на мосту друг против друга.

- С возвращением тебя! - прошептала она, опуская вниз глаза. -А я узнала тебя издалека.

- Спасибо, - смущенно улыбаясь, проговорил Федор, всем своим показывая обыденность этой встречи.

Очень уж неестественным показалось ему ее бледное, худое лицо. И что-то трогательное прозвучало в ее голосе. Чтоб не молчать, он спросил:

- Ну, как ты, счастлива?

Алушева ничего не ответила. Федор увидел, как она передернула плечами, сразу все понял. Спрашивать больше ни о чем не стал, пожелал ей счастливого пути и пошел дальше. На краю моста он остановился.

Вода в реке после весеннего паводка была еще мутная и кое-где выходила из берегов, затопляя заросшие камышом и кустарником луга. Откуда-то из оврага доносился шум падающей воды.

Потом он свернул на тропу, что тянулась вдоль озера к роднику. Напившись, стал подниматься по склону к домам, которые ровной цепочкой выстроились вдоль правого берега реки. Едва он поравнялся с крайней хатой, мысли его прервал громкий голос.

- Танкист, не проходи мимо!

Федор от неожиданности вздрогнул. Но когда увидел Павла Девятова, пришедшего со службы двумя неделями раньше, свернул к настежь распахнутому окну.

III

В понедельник, после двух часов занятий, Софья Викторовна идти домой не спешила. Вошла в свободный кабинет, достала купленный во время поездки в город журнал мод и стала смотреть. Пролистав его, она вспомнила о письме, которое прислала подруга Майя месяц назад, и прочитала несколько раз то место, где она писала об Игоре: « Видела Князева. Спрашивал твой адрес. Работает он сейчас в институте. Устроил туда его отец. Пишет диссертацию». Письмо заканчивалось словами:»Прежде такого довольного Князева я никогда не встречала».

Прочитав эти строки, Софья Викторовна задумалась. Мысль о том, как они с Игорем на последнем курсе пединститута часто ходили в кино, а иногда даже катались на лыжах, не покидала ее. Однако судьба распорядилась иначе. Возможно, виной тому была его излишняя самоуверенность, связанная, очевидно, с достатком, который приносил в дом отец, занимая высокий пост в Вележе. Сначала она пожалела, что в эту поездку не встретилась с Игорем, но решив, что так лучше, тотчас направилась к двери.

На улице было по-весеннему солнечно, и всюду чувствовалось приближение праздника. Люди готовились встретить Пасху торжественно. Чистили улицы, дворы, наводили порядок в своих домах. Казалось, что сама природа помогала им в этом. На прогретых солнцем пригорках стала появляться зеленая молодая трава, а набухшие на деревьях, словно девичьи соски, почки, казалось вот-вот лопнут. Из березовой рощи, пока еще очень робко, доносился одинокий голос кукушки. Но это пока. А скоро, через неделю, все станет по-другому: зеленым ковром покроются улицы, зацветут сады, на разные голоса запоют птицы, парни и девушки начнут на лугу водить хороводы.

Полдень еще не наступил, когда Софья Викторовна вошла в дом. Хозяйка на огороде копала землю. Шторы с окон были сняты, и если бы не ходики на стене, торопливо отсчитывающие секунды, дом казался бы не жилым. Она быстро переоделась и вышла в сад.

- Пришла помочь, - думая, за что бы взяться, сказала она.

Варвара с трудом выпрямилась, поправила сзади кофту, посмотрела уставшими глазами на Хлебникову, и еле слышно проговорила:

- Вчера поздно приехала. Отдыхала бы? - и, помолчав, спросила, - одной, наверное, страшно было? Вон какое время?

- Не одна я, бабуль! С солдатом добирались. Федором его зовут.

- Вот оно что! Значит, у Анны Арефьевой Федька со службы явился! - И подумав немного, стала рассказывать:

- Приемный сын он у нее. Парень способный. К учебе тянулся, но откуда у Анны деньги-то? На тракториста вот выучился. А какой уважительный! Сейчас редко таких встретишь. Что попросишь, всегда поможет. Только и скажет: бабуль, не надо, я сам.

Потом она долго о чем-то думала, наконец, глубоко вздохнув, стала говорить дальше:

- Васильев он . Как же, отца его Якова и мать Феньку хорошо знала. Федор их не помнит. Полтора года ему было, когда отец погиб на реке во время ледохода. Так и не нашли его тогда. А вскоре и мать померла. Не выдержало Фенькино сердце, и оставила она на божьем свете троих сыновей. Старших взяли тогда на воспитание родственники, а Федора - бездетная Арефьева Анна.

Она ненадолго опять замолчала, а потом, перекрестившись, договорила:

- Хорошие люди были его родители. Царство им небесное. Федька-то частенько ходит к матери на кладбище. Бывало смотрю- один идет. Нет у него тут никого.

Слушала Софья Викторовна и вспоминала ту ночь, когда они шли вдвоем по безлюдной дороге , а еще тот грузовик, который довез их до Никольского.

IV

За неделю до Пасхи люди уже начинали ставить брагу, варить пиво. Употреблять же спиртное в эти дни считалось великим грехом. Даже заядлые пьяницы не осмеливались нарушать этот закон. Зато к концу недели казались моложе своих лет.

После праздника в Никольском начинались полевые работы. Поэтому люди в эту неделю старались закончить все свои домашние дела. Федор практически не уходил со двора. Работал с раннего утра и до позднего вечера.

А в субботу, закончив к полудню все дела, он уставший, но довольный, вышел в сад. Кругом ни звука. Только изредка, откуда-то издалека, еле слышно доносился чей-то говор. Неожиданно, сквозь густой цвет яблони, по его лицу скользнул луч солнца. Как заколдованный, он остановился, наслаждаясь чарующими запахами цветущего сада, и стоял до тех пор, пока не кликнули обедать.

После полудня Федор прилег отдохнуть, а проснулся, когда солнце уже заметно спускалось к горизонту. Прежняя усталость прошла, а в молодом теле вновь появилась бодрость.

В ночь перед Пасхой в Никольском никто не спал. Одни, чтобы отслужить утренний молебен, еще с вечера шли в церковь, другие же готовились встретить праздник дома. Украшением праздника, конечно же, были гуляния, которые ежегодно проводились за

околицей на большой поляне. С десяти утра и до позднего вечера там водили хороводы, затевали различные пасхальные игры, пели песни, танцевали.

Федор надел белую рубашку, купленный недавно светло-серый костюм, который вполне прилично сидел на его рослой фигуре, и вышел на улицу. Было солнечно и тихо. Деревья, радуясь солнцу, тянулись вверх, оставляя на земле густые тени. Из открытых окон тянуло свежее испеченным хлебом, самогоном и какими-то сладостями. В церкви с раннего утра, не переставая, звонил колокол.

По улице, держа в руках незатейливые музыкальные инструменты, прошли музыканты местного оркестра. Они дружно поприветствовали Федора, а через несколько минут скрылись за поворотом. Немного погодя, Федор пошел следом. В окне дома, где жила Варвара Грушина, он увидел чью-то промелькнувшую тень и тотчас вспомнил девушку, с которой неделю назад добирался до Никольского.

Дорога за домом повернула вниз к речной террасе. Федор свернул на поляну и неторопливо пошел в сторону летнего сада, который с восточной стороны был окружен липовой рощей. В безоблачном небе звонкой трелью заливался жаворонок.

Федор поднял вверх глаза, тщетно пытаясь увидеть там неуловимую, маленькую птичку. Потом он подошел к летней танцплощадке и остановился. Оркестранты, не обращая ни на кого внимания, разговаривали друг с другом в полголоса, готовились начать.

Федор оглянулся и увидел в шагах в десяти от себя девушек. Среди них он сразу узнал Хлебникову. Одета она была в строгий светлый костюм, элегантно сидевший на ее стройной фигуре.

Как только оркестр заиграл вальс, выждав паузу, Федор подошел к ней и пригласил на танец. Она улыбнулась своей доброй, милой улыбкой, посмотрела ему прямо в глаза и, не говоря ни слова, сделала шаг вперед.

- Вот и встретились, - начал он, легко передвигаясь ко кругу.

- Почему-то, как только увидела вас, сразу же подумала о вальсе, - взглянув на него, сказала она.

- Вот видите, все сбылось, - вполне искренне подтвердил Федор.

Танец уже подходил к концу, когда он, наклонив голову, чуть слышно спросил:

- Можно еще пригласить на танец?

Она кивнула, ничего не сказав.

Остаток дня они бродили по аллеям липовой рощи, спускались по речной террасе вниз к реке, а расстались поздно вечером возле Варваринного дома.

V

Перед началом работ Федора пригласил к себе директор хозяйства и сказал:

- Работать ты можешь, получай новый трактор. И еще. Есть возможность учиться дальше. Специалисты нам нужны. Подумай и через неделю скажи.

- Можно и сейчас, Дмитрий Матвеевич! - торопливо проговорил Федор.

Глебов внимательно посмотрел на бывшего солдата, достал из кармана блокнот, что-то написал, а потом поднялся из-за стола и, протянув руку, сказал:

- Считай, что вопрос решен. Желаю успехов!

- Буду стараться, - по-солдатски отчеканил Федор и направился к выходу.

Целый месяц Федор все свое время проводил в поле. В жаркие дни, когда в полдень солнце неимоверно пекло и когда все живое выходило из своих укрытий только по великой нужде, он из кабины наблюдал, как из-под плуга, ровной скатертью ложились на поверхность жирные пласты земли. Если же вдруг совсем становилось невмоготу, он выскакивал наружу и обливался водой, которую брал всегда с собой. К вечеру жара спадала, и у него вновь появлялась неимоверная жадность к работе. Домой Федор возвращался поздно, к тому же работал без выходных. Однако несмотря на это, он выкраивал время для встреч с Софьей.

Однажды, после выпускных экзаменов, она предупредила его о своем отъезде. Федор, конечно, знал: рано или поздно она должна уехать в отпуск, но не ожидал, что день этот наступит так скоро.

- Хочешь оставить одного? - с сожалением спросил он, в глубине души тайно соглашаясь с необходимостью ее отъезда.

- Мать там одна, - пристально посмотрев на Федора, прошептала она.

Взгляд этот настолько пленил Федора, что он в безудержном порыве схватил ее в объятия, поцеловал, а затем нежно приподнял на руках и кружил до тех пор, пока не иссякли силы.

VI

С тех пор, как уехала Софья Викторовна, прошло несколько недель. И все это время образ ее неотступно преследовал Федора. Она настолько вошла в его жизнь, что каждый новый день он ожидал с нетерпением. Для него она стала настоящим идеалом добрых человеческих отношений. Работал он все эти дни с какой-то бешеной энергией, а однажды, вернувшись домой, обнаружил на столе телеграмму, в которой Софья просила его встретить десятого августа.

Через два дня Федор попросил у директора машину, а поздно вечером выехал на станцию. Машину поставил у перрона, а сам присел на скамейку под ветвистым деревом. Ночь, как и тогда весной, была звездная и тихая. Где-то через полчаса, из густой темноты сначала донесся гудок тепловоза, а вслед за ним послышался монотонный стук колес. Федор стал внимательно всматриваться в темноту. Неожиданно по перрону скользнул луч прожектора и умчался куда-то вдаль. Он неторопливо поднялся и подошел к остановившемуся вагону, внутри которого он увидел с вещами в руках Софью. Он взял у нее поклажу, а потом помог ей спуститься на перрон.

- Рад видеть, - с сияющей улыбкой на лице проговорил Федор, протягивая ей большой букет полевых цветов.

Она с благодарностью взяла подарок и тотчас уткнулась лицом в цветы, стала жадно вдыхать их свежий аромат. Хмелея, словно от вина, она вдруг вспомнила Никольское, его окрестности с прекрасными лугами и цветами. А когда подняла голову, на ее полных губах засверкала волшебная улыбка. Привлекательными, блестящими из-под темных ресниц, были у нее глаза и густые каштановые волосы, которые, словно шелк, облекали девичьи плечи.

Федор нежно обнял ее и, не отпуская, долго-долго целовал. Она этому не сопротивлялась. Поезд давно уже ушел, а они все стояли, доверчиво прижавшись друг к другу.

- Очень ждал тебя. Думал, что не вернешься, - наконец заговорил он, ожидая ответа.

Она ласково посмотрела ему в глаза и какое-то время не решалась, но потом сказала:

- Разве что какой-нибудь его величество случай? Атак, я уже привыкла жить здесь и уезжать никуда не хочу.

Она хотела ему рассказать о Князеве, который когда-то предлагал ей остаться в городе, но передумала.

В машине они сели рядом. Никого из пассажиров на остановке в этот раз не было, и они вдвоем быстро помчались по безлюдной дороге.

Попрощались они на крыльце.

VII

Наступил сентябрь. У Софьи Викторовны начались занятия в школе. А Федор, кроме основной работы, приступил к учебе в институте, куда он поступил на заочное отделение.

Несмотря на занятость, его все сильнее тянуло к Софье. Иногда ему казалось, что это и есть настоящая любовь, которая однажды помимо воли пришла и также легко может покинуть его. Но так не случилось. Вернувшись в воскресенье пораньше с работы, он быстро переоделся и пошел к ней.

Услышав стук в дверь, Софья Викторовна отложила в сторону книгу, встала с дивана и неторопливо пошла открывать. Неожиданный приход Федора несколько удивил ее, но тотчас забыв об этом, она впустила его в комнату, предложив место на диване. На ней был цветной красивый халат, который с еще большей привлекательностью подчеркивал ее женственность, четко просматривающуюся в фигуре, манере вести себя и даже в разговоре. Дома она выглядела несравненно естественней и казалась нежнее той, которую Федор знал до сих пор.

Он с волнением посмотрел на нее, а она, заметив это, пошла в другую комнату переодеваться. А когда вернулась, спросила:

- Будем пить кофе? Или чай?

- Пожалуй, от кофе не откажусь, - взглянув на нее, одобрил Федор.

Она вышла на кухню, а его вдруг охватило странное волнение, очевидно, связанное с нарушением привычного для него образа мысли, в котором он находился все это время. С худых щек начал спадать румянец.

Минут через десять Софья принесла кофе и села за стол. Необыденность этой встречи не давала ей покоя. То она пристально смотрела на Федора, то отводила взгляд куда-то в сторону. А когда он сделал ей предложение выйти за него замуж, она, словно задеревенев, не могла вымолвить даже слова. И только после некоторого раздумья, прикинув все «за» и «против», дала согласие. Обвенчаться договорились в октябре, когда с полей будет убран последний колос. С этого дня они каждый день были вместе.

Утром, в день свадьбы, по улице Никольского шли двое. Одна из них - пожилая женщина на вид лет шестидесяти, другой был молодой человек лет двадцати пяти в форме военного летчика. Недалеко от дома, где жил Федор, они внезапно остановились, и пожилая женщина, показывая руками в разные стороны, что-то рассказывала офицеру. Он, еле успевая поворачивать голову, внимательно ее слушал.

Анна Михайловна позвала Федора к окну, и, показав рукой на улицу, деловито сказала:

- Похоже, Екатерина стоит там? А вот, кто с ней, не знаю. И помолчав, добавила:- Надо идти встретить.

Пока шли, она, не отрываясь, смотрела на черноволосого офицера, который, как ей показалось, был чем-то похож на Федора.

Увидев их, Екатерина тотчас пошла навстречу, и вцепившись в Федора, сквозь слезы, ни о чем не спрашивая, стала громко говорить: «Федька, как ты вырос! Прошло столько лет...».

Недоговорив, она замолчала. А потом посмотрела на него и на стоявшего рядом Дмитрия, вдруг зарыдала и еле внятно заговорила:

- Вы же братья, а друг друга никак не признаете? Федор! Это же б-р-а-т твой, Дмитрий. А Петр в экспедиции, приедет через месяц.

Пока она вытирала слезы, братья молча обнялись, и было видно - по щекам у обоих катилась скупая, мужская слеза.

В этот год бабье лето наступило гораздо позже. Листва на деревьях держалась еще крепко. Люди, радуясь теплу, ходили налегке, а птицы улетать в теплые края не спешили.

Но вдруг, откуда-то издалека донесся знакомый крик, который все нарастал и нарастал. Федор поднял вверх глаза и увидел низко над землей журавлиную стаю, которая поднималась все выше и выше.

Когда журавли скрылись из виду, и снова кругом стало тихо, Федор переступил порог дома последним. От радостного волнения на лице его застыла улыбка. С этого дня у него начиналась другая, новая жизнь.

Случай на дороге

На лесной поляне в Графском лесу, где ютилась деревенская пасека, стояла тишина. Лишь изредка на крыше деревянной сторожки, разместившейся рядом с лесом, чирикали воробьи, в густой траве стрекотали кузнечики да жужжали нектаром гружённые пчёлы, - словом, жизнь, как полагается, шла своим чередом. Но откуда ни возьмись налетел ветер, поднял с одуванчиков белый пух, который, как снег, кружился в воздухе, а затем медленно ложился на узкие тропы, паутиной опутывая всю поляну.

Снаружи сторожки распахнулась дверь и на пороге появился невысокий, средних лет мужчина с взлохмаченными, густыми чёрными волосами, довольно широким лицом и полными губами. Он положил недалеко от двери на самодельный топчан закрытое со всех сторон лукошко для пчелиных роев, защитную сетку, дымарь и, засучив рукава, прошёл к окну, где устало опустился на старое, допотопное кресло, которое стояло в переднем углу, откинувшись назад.

- Похоже, пять роев сегодня, Ефимыч? - деловито спросил пасечника сторож Игнат, сидевший с сигаретой напротив, у открытого окна.

- Да, пять, - нехотя ответил Василь, тяжело опуская на стол опухшие от пчелиных укусов руки.

- Давненько столько не было. Что-то и не припомню, когда? Что это с ними случилось?

- В природе так бывает, Игнат, - надеясь поскорее отвязаться ответил пасечник.

Но Игнат не унимался.

- Бывает-то бывает, но слишком много с ними мороки. Вижу я, как ты намучился.

Василь на это ничего не ответил. А когда усталость стала проходить, промолвил:

- Домой собираюсь, и так уже трое суток здесь нахожусь. А ты, Игнат, напои лошадь и вместе с Моряком (так зовут собаку) охраняйте пасеку.

Лежавшая возле печки сарая, с чёрным отливом овчарка, поднялась с места, подошла к хозяину, завилала хвостом и, посмотрев ласково в глаза, тотчас же легла подле ног.

- Гляди-ка, какой умный пёс! - моргая часто глазами, похвалил собаку Игнат. - Понял, что ты уходишь, а его не берёшь.

Василь потрепал Моряка по загривку, а тот, постучав хвостом по полу, поднялся, положил голову на коленку хозяина, тихо заскулил.

Прощавшись до завтра с Игнатом, Василь вышел на лесную тропу. Путь этот почти в два раза был короче, чем по объездной дороге. Поэтому Василь часто ходил пешком.

Проводив хозяина до леса, Моряк вернулся. Солнце уже скатилось за полдень, и дневная жара постепенно спадала. По лесу идти было приятно. Изредка отовсюду доносились какие-то шорохи, звуки. А вездесущие сороки, перелетая с ветки на ветку,

настойчиво стремились своим криком отпугнуть непрошеного гостя. И только недалеко от того места, где лес кончался, крик их стал смолкать. Какая-то маленькая птичка молчаливо скользнула по ветке и всё стихло.

Минут через пять, выйдя из леса, Василь уже шёл мимо глубокого оврага, по дну которого текла вода. Была она настолько прозрачной, что сверху отчётливо просматривались даже мелкие, разноцветные камешки.

Василь обошёл овраг с севера, спустился в долину широких лугов, а затем вышел на дорогу. А когда до дома оставалось не больше километра, неожиданно почувствовал резкую боль в животе. Сначала он этому не придал значения, - мало ли что бывает? Но боль не унималась. Попытался идти тише, несколько раз даже останавливался, но и это не помогало. А через какие-то секунды боль совсем стала не выносимой и Василь уже не мог двигаться. Наклонившись, он обхватил руками живот. На какое-то время это помогло, но когда снова хотел выпрямиться, боль стала настолько невыносимой, что он не выдержал, застонал. Превозмогая себя, Василь сделал ещё с десяток шагов, и, не выдержав, рухнул на землю. А когда пришёл в себя, прикинул: сколько же осталось до дому? Осторожно подтянув ноги к животу, он упёрся руками о землю и, прислушиваясь к дальним, одиноким голосам, на коленях пополз.

Случайно посмотрев в сторону, он увидел рядом с собойдвигающуюся тень. Странное, не известное доселе существо, не отставая ни на шаг, двигалось по краю дороги в едином с ним ритме и в том же направлении. Ему вдруг сделалось не по себе и он отвёл взгляд в сторону. В ушах появились какие-то звуки, похожие на шум пчелиного роя, а вскоре и они куда-то исчезли. Василь терял сознание.

II

После ухода Василя Игнат ещё немного постоял на крыльце, а потом зашёл в сторожку. На всякий случай закрыл дверь на железный засов, проверил, на месте ли ружьё - так он поступал всегда, когда оставался один - и только потом поставил кипятить чайник.

Вскоре прибежала собака и легла на траву у изгороди, напротив открытого окна.

Расставив по своим местам разбросанные по всем углам рабочие принадлежности, Игнат заварил чай и сел возле окна обедать.

Неожиданно на рукав рубашки сел залетевший в окно зелёный кузнечик и замер на месте. Боясь спугнуть, Игнат стал его внимательно рассматривать, а тот, важно пошевелив усами, немного посидел, а потом, резко оттолкнувшись длинными задними ногами, улетел обратно на волю. «Какой храбрый, - подумал Игнат. - знает, что его не тронут.»

Особых дел сейчас не было, и Игнат, больше ни о чём не думая, прибрал на столе, придвинулся ближе к окну, закурил, любуясь природой.

Солнце перешагнуло на другую сторону сторожки, и снаружи потянуло вечерней прохладой. Неожиданно трава у изгороди зашевелилась и к окошку подбежала собака.

Моряк был взволнован. Встав на задние лапы, он передние положил на подоконник и, тихо заскулив, бросился к лесу. Путь этот он проделал несколько раз, не находя себе места. «Моряк - умный пёс, - засуетился Игнат, закрывая окно, - просто так метаться не будет. Неужели что с Ефимычем?»

Закрыв сторожку на большой амбарный замок, он пошёл следить за собакой, которая изо всех сил тянула его на тропу. Шёл Игнат там же, где и Василь час назад. Собака бежала впереди, часто останавливалась, ждала.

Под ногами иногда потрескивали сухие ветки, покрытые прошлогодней листвой. Чувствуя неладное, сам того не замечая, он постоянно увеличивал шаг. А когда, наконец, вышел из леса, рубашка у него была вся влажная и прилипла к телу.

Не оглядываясь, Моряк быстро мчался, а вскоре и вовсе скрылся из виду.

Метров за двести, поднявшись на пологий склон, Игнат увидел лежавшего на земле скрюченного человека. Сомнений никаких не было - это Василь. Тёмно-белая в клетку рубашка, которую он одевал в последние дни, едва заметно шевелилась на ветру, оставляя неприятный осадок в душе. Рядом с ним, не двигаясь, положив голову на передние лапы, лежал Моряк.

Игната словно подменили. Транспорта на пролегавшей недалеко отсюда трассе, которая соединяла два крупных районных центра, пока не было, и это ещё больше расстраивало. Второпях расстегнул ворот рубашки и, спотыкаясь, побежал. Уносимая ветром в разные стороны дорожная пыль клубками вилась сзади, оседая на прилегавшие к дороге посеvy. «Я обязательно должен ему помочь... только бы успеть...», - беспрестанно бормотал себе под нос Игнат.

Тяжело дыша, он подбежал к лежавшему у края дороги Василю, наклонился, отыскал пульс. Был он неровный, но прослушивался довольно легко. В этот момент Василь открыл глаза и увидел стоявшего рядом Игната. Мило улыбнувшись, Игнат облегчённо вздохнул.

- Потерпи немного, Ефимыч, - попросил он по-дружески, - схожу на большак, остановлю машину. Вдалеке что-то там мелькнуло. Отвезу тебя в больницу.

В ответ Василь мотнул головой, а затем еле внятно, шевеля устало засохшими губами, промолвил:

- Сообщи обязательно жене.

На фоне приближавшегося вечера лицо его казалось каким-то белым, осунувшимся, и это поразило Игната. Не теряя больше ни минуты, он уже на ходу, громче обычного, произнёс:

- На обратном пути обязательно заеду.

А Василь в это время подумал, что он теперь тут не один и ему наверняка помогут. Из всех звуков, доносившихся откуда-то издали, он различал лишь один, прерывистый - шум движущегося автомобиля. Это его успокаивало, вселяло надежду выжить.

Моряк внимательно посмотрел вслед Игнату, ближе придвинулся к хозяину.

III

К вечеру, когда полуденная жара уже начала спадать и когда весь обслуживающий персонал городской больницы райцентра Бокуш, отработав, начал собираться домой, в кабинет главного врача раздался телефонный звонок. Лодыгин взял трубку. Звонил врач из приёмного покоя.

- Игорь Платонович! Только что поступил тяжело больной, - ровным голосом сообщила Надежда Антоновна. - Подобрали где-то на дороге у села Виражи. Работает там пчеловодом. Шёл с пасеки домой, и что-то случилось. Жалуется на боль в животе, лежит весь скрюченный. Я его осмотрела. Есть подозрение на прободную язву желудка. Надо немедленно принимать решение.

По серьёзному, которым говорила эта добрая, уже не молодая женщина, Лодыгин понял, что медлить нельзя. Взглянув мельком на часы, он спросил:

- Есть какие-нибудь сведения о нём?

- Фамилия больного Бережнев, а зовут - Василием Ефимовичем. Привёз сюда его тот, кто работает вместе с ним. Говорит, что собака помогла найти. Прямо из лесу привела его к нему. Лежал на дороге.

Прошло двадцать лет с тех пор, когда Лодыгин закончил школу. Но всех, с кем учился когда-то, он помнил, как никто другой. В свободное от работы время он часто доставал из старой папки фотографию выпускников и подолгу рассматривал молодые, весёлые лица. И сейчас, узнав о больном, у него даже не возникло сомнения в том, что это Василь, тот самый молчаливый, добродушный Василь, который часто в ту пору угощал их домашним мёдом.

Лодыгин быстро набросал список с фамилиями ведущих специалистов, которым необходимо было задержаться на работе, передал секретарь, а сам направился к больному.

Консилиум врачей подтвердил первоначальный диагноз, и уже через полчаса больной лежал на операционном столе. Операцию проводил сам Лодыгин. За жизнь Василия врачи боролись целых четыре часа.

Закончив операцию, Лодыгин помыл руки, вытер пот со лба, прошёл в соседнюю комнату, устало опустился в кресло. И только сейчас почувствовал облегчение. Операция, как он считал, прошла успешно, и это его вдохновляло. Проследив в уме весь её ход, он подошёл к Василию, проверил пульс и, убедившись, что всё в порядке, прошёл в свой кабинет.

Домой Лодыгин вернулся около двенадцати ночи. Перед уходом попросил дежурную в случае необходимости срочно звонить ему по телефону. Однако ночь прошла спокойно, и утром он проснулся в хорошем настроении. Предвестником хорошего дня было

безоблачное небо. Загадочный блеск лучей солнца в зеркале, которое стояло на старинном комод в его спальне, подобно хорошей музыке, подарил ему душевный покой.

В этот день в больницу Лодыгин пошёл раньше обычного...

Первая мысль, когда проснулся Василь, была: где он сейчас находится? И что случилось с ним накануне? От лежания на спине тело казалось тяжёлым и неподвижным. В какой-то момент он даже боялся пошевелить головой, всё больше двигал глазами, разглядывая разные предметы, которые видел перед собой. Вся комната непривычно сверкала белизной и, шурясь, он старался отыскать здесь что-нибудь знакомое. Но не удавалось. Занавески на окнах казались неестественными. Солнечные лучи отпечатывали на белой материи, а также на потолке и стенах листья растущего под окнами ветвистого клёна, повсюду оставляя различной формы и цвета пятна.

Не отрывая глаз, Василь смотрел на всё это с каким-то умилением. А когда, наконец, вспомнил, что случилось с ним вчера, почувствовал облегчение. Чувство облегчённости стало понемногу отступать, а взамен этому появилось неизведанное до сих пор ощущение радости жизни.

Некоторое время спустя, заметив, что больной открыл глаза, к нему подошла молодая медсестра в очках, в застёгнутом доверху белом халате.

- Как себя чувствуете? - спросила она весело, посмотрев прямо в глаза.

Василь слегка повернул голову и, улыбнувшись кончиками засохших губ, чуть слышно проговорил:

- Судя по вашему хорошему настроению, дела у меня не так уж и плохи. Только, пожалуйста, скажите: что же всё-таки случилось со мной?

- Вчера Вам была сделана операция, - ответила медсестра, взглянув на часы. - Скоро придёт главный врач и сам всё расскажет. Тем более, Игорь Платонович Вас и оперировал.

С чувством великой благодарности за оказанную помощь он стал ждать этой встречи. К тому же, Василь знал Лодыгина ещё со школьной скамьи, когда учился в старших классах в городе.

Где-то через полчаса в коридоре послышались твёрдые шаги и в палату вошёл довольно приятной наружности полноватый мужчина лет сорока, с седеющими чёрными волосами и открытым большим лбом. Василь узнал его сразу.

Не сговариваясь, они одновременно протянули друг другу руки, заулыбались.

- Вот так встреча! И где? При других обстоятельствах могли бы и не встретиться, - любезно пошутил Василь, хлопая впалыми глазами.

- От судьбы далеко не убежишь, - внимательно присмотревшись к больному с грустью промолвил Лодыгин, всё ж удовлетворённо отмечая, что его подопечный даже шутит.

Весь разговор продолжался не больше десяти минут. За это время Лодыгин успел, кроме всего прочего, рассказать Василию также о его болезни.

- А дальше, - по-дружески напомнил он, - всё будет зависеть от тебя, Василь. - Как минимум, год надо беречься.

- Спасибо тебе за всё, Игорь, - с надеждой вздохнул Василь. - Поскорее бы подняться на ноги, а потом буду, как положено, блюсти.

Лодыгин уже собирался было уходить, как в дверь тихонько кто-то постучал. Попрощавшись, он вышел.

- Из села Вирази, - сообщила медсестра, - приехала жена больного, - Вера. Хочет увидеть мужа. Что делать, Игорь Платонович?

Лодыгин возражать не стал. И после некоторой паузы, делая вид, что думает, произнёс:

- Проводи её в палату. Только ненадолго.

Когда Вера вошла и увидела лежащего в постели бледного, как полотно, Василя, то сначала испугалась. Стены давили на неё со всех сторон, а больничный запах, витавший по всей палате, щекотал ноздри. На какое-то время у неё даже пропал голос. Но затем, чтобы не расстраивать мужа, не давая волю своим чувствам, она быстро взяла себя в руки. На лице тотчас появилась радостная улыбка, от которой, сама того не замечая, почувствовала себя неловко. Стараясь скрыть это, она быстрым шагом подошла к Василию, молча положила тёплую, как парное молоко, ладонь на его лоб и тихо стала гладить по впалым, заросшим щетиной щекам. Слезы, которые катились по её круглому лицу, Вера уже не замечала.

Непреодолимое желание хоть чем-нибудь помочь мужу вдруг отодвинуло в её сердце всё прочее на задний план, и она принялась вынимать из сумки приготовленные дома свежие продукты. Душистый аромат мёда моментально распространился по всему помещению, где они находились.

Василь сразу это почувствовал. Вспомнил о своём доме, детях, близких ему людях и, конечно же, о пасеке, - как там сейчас без него? Не забыл он и Моряка, какое-то время думал о нём.

Разговор постепенно наладился. Вера, со слов Игната, рассказала Василию о том, как всё было на самом деле. И Василь часто потом вспоминал своих спасителей: Игната, Моряка и доктора Лодыгина.

Последний визит

1

На берегу озера под сенью высоких деревьев одиноко стоял дом лесника. Срубленный несколько лет назад, он еще не потерял свежести. Это можно определить по запаху смолы, которая, выступая из трещин, образовала подтеки на аккуратно сложенных бревнах. С двух сторон дом обступал палисадник с кустами акации и сирени, а чуть поодаль, уходя вершинами в небо, стеной стоял смешанный лес, у подножья которого, растопылив в разные стороны длинные полосатые листья, ютился папоротник, под которым в летние дни, прятались от жары куры.

В этом спокойном, тихом уголке природы, в трех километрах до ближайшего села жил с семьей лесник Илья Крон.

Никто в округе толком не знал истинной причины, побудившей его однажды сделать столь решительный шаг – уехать из города и поселиться в этом месте. Много на этот счет ходило различных слухов. Одни говорили о неуживчивом характере Ильи, другие же (таких было большинство) – о якобы каком-то нелепом случае, который давно-давно произошел с ним.

Вечерело, когда лесник после осмотра делянок, где проводилась рубка, возвращался домой. В этот раз он был удовлетворен чистотой на вырубках. Разбросанные прежде на делянках сучья были убраны и аккуратно сложены. Порядок в лесу сказался на его настроении. Спешить было некуда. Лошадь он не гнал, а она, чувствуя это, сбавила шаг, лениво махала хвостом, отбиваясь от назойливых насекомых.

Чуть в стороне от дороги бежала темно-серая овчарка по кличке Дик. Пес иногда останавливался, что-то усердно нюхал, тыча мордой в прелую прошлогоднюю листву. Изредка было слышно, как недалеко от дороги прямо из-под ног собаки, нарушая лесную тишину, взмывала вверх испуганная птица. В этот момент Дик всегда останавливался и провожал ее взглядом до тех пор, пока она не скрывалась из виду.

Любил Крон это время суток. Когда, сидя в наполненной доверху душистым сеном повозке, можно помечтать о будущем и вспомнить прошлое. Вспомнил он студенческие годы, проведенные в политехническом, своих товарищей по курсу, кафе рядом с общежитием, куда с друзьями заходили иногда отдохнуть за бутылкой дешевого вина. И каждый раз о той прежней жизни он вспоминал с особой теплотой.

Дорога вскоре свернула направо и начался затяжной спуск, который в конце заканчивался Большим оврагом – так это место называли жители окрестных сел. Но никто точно не знал, откуда появилось это название. Ясно было одно – передавалось оно из поколения в поколение и таким образом дошло до наших дней, сохранив тайну человеческой жизни, которая, безусловно, когда-то существовала, оставив для потомков это простое название. Возможно, это был заезжий ямщик, который, проезжая это место и изрядно намучившись, дал ему такое название, а, возможно, одинокий охотник, выслеживая в тихих местах хищника, назвал его “Большим”. В глубине оврага, нарушая лесную тишину, журчал ручей, который весной во время таяния снега, а также в период

обильных дождей, становился полноводным. Тогда всякая езда через «Большой» прекращалась, но проходило какое-то время, вода быстро убывала, дорога опять восстанавливалась, и жизнь снова продолжала течь, как этот ручей, по своим природным законам.

Спуск в овраг был крутым. Подъехав к нему, Крон тотчас соскочил с повозки, посмотрел внимательно упряжь, взял под уздцы лошадь и вместе с ней стал спускаться вглубь. А она, чувствуя опасность, не давая повозке разогнаться, медленно шла вниз, упираясь ногами в твердый грунт дороги.

Успешно преодолев спуск и подъем «Большого», Крон выехал на ровное место. До дома оставалось недалеко, поэтому Дик сразу же устремился вперед, обогнал лошадь и, не оглядываясь, затрусил.

Начинались сумерки. Солнце уже спустилось за горизонт, но косые лучи его продолжали освещать верхушки деревьев и синеву безоблачного неба; зато в лесу, у самой земли, появились темные тени, которые свидетельствовали о приближении ночи.

Ворота во двор были открыты, а возле них стоял сын лесника Димка, двенадцати лет, с загорелым лицом и выгоревшим за лето рыжеватыми волосами. Он посторонился, и лошадь, не останавливаясь, медленно вошла во двор и встала под навес на свое обычное место. Запахло сбруей и лошадиным потом.

Пока отец распрягал, Димка сбегал за водой, напоил лошадь, затем поставил ее в клеть, бросив туда на ночь несколько навильников свежего сена.

Когда они поднимались на крыльцо, в доме зажегся свет.

2

Утром Крон проснулся рано. Осторожно, чтобы не разбудить Маргариту, поднялся с постели, взял с собой полотенце, кое-что из одежды, и пошел на озеро купаться.

Был конец августа, та пора, когда осень, как желанный гость, явилась к людям. Из-за горизонта поднималось большое, красное солнце, освещая косыми лучами тронутые легким румянцем верхушки деревьев. Кругом было тихо, так тихо, что время от времени слышны были доносившиеся издалика звуки, которые напоминали Крону о существовании, где-то там, большого города.

После купания Крон почувствовал легкость в теле. Дышалось свободно. С большим старанием приступил он к уборке двора, а когда закончил и вошел в дом, Маргарита уже процеживала на кухне только что надоенное парное молоко.

Переодевшись, Крон подошел к окну. Внимание его привлекла машина, которая только что показалась из-за поворота. Спустя несколько минут машина остановилась возле дома и из нее вышел мужчина на вид лет сорока пяти с заметной сединой на висках. Одет он был в белую сорочку и брюки спортивного покроя. В правой руке держал ключ

зажигания, которым небрежно играл. И от того, с какой легкостью он все это выполнял, можно было догадаться, что человек этот доволен собой и своей жизнью.

Лишь после того, как Дик с лаем бросился к калитке, Крон заторопился и вышел на крыльцо.

В калитку постучали. А когда Крон открыл дверь, то не поверил своим глазам. Перед ним стоял Герман Каретин, которого он не видел уже много лет.

- Рад встрече! – протягивая руку и улыбаясь, пригласил Крон своего школьного приятеля.

- Мезенцев рассказал о тебе, иначе ни за что не нашел бы твой дом, - дружески похлопывая по плечу, сказал Герман.

- Судьба однажды распорядилась жить здесь, - отшутился Крон.

На самом деле он нисколько не жалел сейчас об этом, даже наоборот, в душе был доволен судьбой; мало того, испытывал какую-то внутреннюю гордость за свое независимое существование, позволяющее обрести ему душевное спокойствие, которое неизвестно по чьей вине однажды было нарушено.

В этот момент Дик подошел к хозяину, прижался к ноге, и, наострив уши, внимательно посмотрел на незнакомца, но лаять не стал.

После возникшей паузы они вдруг начали вспоминать известные случаи тех давних, но незабываемых лет. Однако сейчас все эти воспоминания имели для них уже совершенно иную значимость, чем в пору молодости, следы которой остались в душе до сих пор.

Пока они говорили, Каретин внимательно осмотрел хозяйство Крона и признал его вполне приличным.

Дом и окружающие его пристройки, гармонично сочетаясь с природой, придавали этому небольшому хозяйству какую-то необъяснимую логическую завершенность. Связанную, по всей вероятности, с тем, что его обитатели не только не нарушали эту гармонию, а, наоборот, вместе с природой составляли единое целое.

А эта связь, в сущности, и была для человека тем качеством, которое в данную минуту можно было созерцать, наслаждаясь возвышенным чувством этого великого единения.

Не прошло и десяти минут, как Крон пригласил гостя пройти в дом.

Дверь из сеней вела в кухню, где миловидная хозяйка, с довольно моложавым, бело-розовым лицом, густыми каштановыми волосами, падавшими из под белого платка локонами на круглые плечи, готовила завтрак.

Увидев гостя, Маргарита тотчас стала вспоминать, где могла видеть этого человека? И, наконец, вспомнила – видела его в городском универмаге, куда несколько лет назад с

мужем ездили за покупками детям к учебному году. Сейчас она четко представляла, как из кабинета вышел элегантно одетый мужчина, торопливо поздоровался с ее мужем и быстро скрылся в толпе. С тех пор Маргарита его больше не встречала.

После состоявшегося знакомства Маргарита пригласила гостя в гостиную.

Комната, в которую они только что вошли, была обставлена новой мебелью. Окна в гостиной были приоткрыты, и с улицы тянуло утренней, лесной прохладой. На столе, в переднем углу, прямо под образами, в хрустальной вазе стояли свежие осенние цветы, напоминавшие Каретину о празднике, хотя его и не было. Слева, почти во всю стену, висел огромный разноцветный ковер, а на полу, занимая его большую часть, лежал серый, немецкого производства, палас. В правом дальнем углу гостиной стоял цветной телевизор, который для хозяев по праву, считался первой необходимостью.

В центре гостиной, рядом с журнальным столом, стояли два кресла, которые и заняли вошедшие. Дверь в соседнюю спальню была приоткрыта, и было слышно, что там кто-то спит.

- Димка там, - метнув головой в сторону спальни, сказа Крон.

Он еще что-то хотел сказать, но в это время дверь из кухни открылась, и оттуда с подносом в руках вышла Маргарита. Накрыв стол белой скатертью, она аккуратно стала расставлять приготовленное. Здесь были горячие блины, сметана, мед, жареная рыба, домашней выпечки хлеб, чай; из овощей: свежие огурцы, помидоры. Словом, все то, чем бывают богаты сельские люди в эту пору.

Время шло, но Каретин еще не сказал самого главного – зачем он сюда приехал? Только чаще обычного поглядывал на часы. А когда до отъезда осталось всего полчаса, он неожиданно предложил Кронам на воскресенье два билета на ипподром, на бега.

Посмотрев, Крон передал их Маргарите.

- Димку возьми, - сказала она и положила билеты на стол рядом с цветочной вазой.

Крон рассчитался за билеты, сказал спасибо за оказанную услугу.

Встретиться договорились возле ипподрома, в кафе.

- Пора ехать, - вставая, сказал Каретин.

Он поблагодарил хозяйку за вкусный завтрак и направился к выходу. Крон пошел следом.

- До встречи, - пожав руку на прощанье, сказал Герман, направляясь к машине. Затем оглянувшись, добавил: “Мезенцев обещал приехать”.

Крон ничего не сказал, лишь мотнул головой.

Было видно, как машина тронулась с места и стала быстро набирать скорость, оставляя за собой серую полосу дыма. Но вдруг, откуда ни возмись, налетел ветер, и понес эту серую массу в противоположную от дома сторону, оставляя на капелях

утренней росы еле уловимый запах. Прошло совсем немного времени, от дыма не осталось и следа.

3

Проводив гостя, Илья Ефимович стал готовить во дворе к завтрашней поездке новый тарантас.

Маргарита, занимаясь уборкой, часто подходила к окну, глядела на дорогу. Из-за поворота вот-вот должна появиться Раиска. Она проходила практику в городской больнице, и в выходные все ее ждали домой с нетерпением.

Увидев, наконец, дочь, Маргарита тотчас бросила все дела и пошла навстречу. Шла она через поляну напрямик, задевая загорелыми икрами мокрую от росы траву.

Встретив дочь, Маргарита обняла ее, взяла в руки тяжелую сумку, и, разговаривая, они медленным шагом направились к дому.

Несмотря на разницу в возрасте, Раиса была очень похожа на мать. Кроме внешнего сходства, было у них много общего и в характере. А доброта и порядочность были, пожалуй, главным достоинством не только их, но и всей семьи. Те, кто их знал, несомненно, эти качества ценили и относились к ним всегда уважительно.

Заметив хорошее настроение дочери, Маргарита не стала ни о чем спрашивать, а только тайно подумала: “С чего бы это?” А когда узнала, что ее пригласили на следующий год работать врачом, то до самого вечера с лица не сходила радостная улыбка.

У самого дома калитка широко распахнулась и оттуда показалась рыжая Димкина голова.

- Учебники купила? – нетерпеливо спросил он сестру.

- Там найдешь. Бери! – улыбаясь, ответила Раиса, протягивая ему тяжелую сумку.

Димка с радостью схватил ее, бегом внес в гостиную, и возле дивана стал искать книги, разбрасывая в разные стороны ненужные ему вещи.

Поднимаясь на крыльцо, Раиса почувствовала во всем теле усталость и прямо с порога направилась к зеркалу. На лице были видны следы дорожной пыли. Увидев их, она сразу же пошла в баню.

В лесу в конце лета было тихо. Лишь на рябине, в дальнем конце огорода, на один лад, чирикала воробьиная стая. Но вдруг все стихло. Раиса посмотрела вверх и увидела низко над лесом парящего в небе коршуна. Почувствовав опасность, стая быстро поднялась с места и, прижимаясь к земле, вмиг разлетелась, прячась под крышей дома и в расщелинах сарая. Вслед за воробьями, наклонив голову к земле, под крик петуха, возвещавшего об опасности, со всех концов огорода в безопасные места бежали куры.

Увидев человека, коршун исчез так же быстро, как и появился.

После бани Раисе стало легко. Каждый глоток свежего воздуха, словно нектар, растекался по ее телу, вливая в него новые жизненные силы. Прежде чем войти в дом, она нарвала на огороде свежий букет цветов. Было слышно, как на озере то в одном, то в другом месте плескалась рыба. Для Раисы все здесь было так привычно и знакомо, что вспоминать о городе, из которого только что вернулась, ей вовсе не хотелось.

4

В воскресенье с утра в доме Кронов шли приготовления к отъезду в город. И когда все было готово, и запряженная лошадь стояла у ворот, небо над лесом потемнело, и начался дождь. Западный ветер пригнал дождевые тучи, которые еще утром кучковались у горизонта.

Шум дождя изредка прерывал раскаты грома. Однако все это продолжалось недолго. Когда обитатели дома вышли на улицу: одни для того, чтобы тронуться в путь, другие – чтоб их проводить, в небе уже светило солнце, а воздух, как весной, в пору цветения садов и трав, наполнился пчелиным звоном.

Расставание было не долгим. Димка первый заскочил в тарантас. Передав ему вожжи, Илья Ефимович сел рядом, и они поехали.

- Дик, вернись! – услышал Крон за спиной голос дочери и оглянулся.

Собака, не обращая внимания на зов, бежала сзади. Крон тотчас остановил лошадь и отправил Дика назад, домой. Пес, хотя и подчинился, но сделал это без всякого желания. По пути он часто останавливался, смотрел вслед, и только когда они совсем скрылись за поворотом, побежал к дому.

Вскоре лес кончился и впереди открылся огромный простор с перелесками и холмами. Вдалеке, то исчезая, то появляясь вновь, двигались в разных направлениях темные точки. Это комбайны подбирали валки нового урожая. На обочине, радуя глаз, блестела на солнце полынь. Откуда-то издалека доносились собачий лай, мычанье скота и редкие окрики пастуха.

Через некоторое время на противоположном берегу реки показался купол церкви; а совсем скоро, в долине, замелькали дома села Спасского. Полдень еще не наступил, поэтому кругом ни души. Только одинокая старуха шла вдалеке с ведрами к роднику за водой. Рядом с ней, держась за подол, трусил ребенок.

Проехав мост, Димка невольно повел головой в сторону школы. Деревья в школьном саду за лето поднялись настолько, что первого этажа почти не было видно. Непривычная тишина, стоящая там, быстро ему наскучила, и он сильно дернул за вожжи.

До Большака ехать осталось чуть больше километра. Все отчетливее слышались звуки движущегося транспорта, а в воздухе стал появляться запах выхлопных газов.

Подъезжая к Большаку, Илья Ефимович остановил лошадь, для надежности поправил сбрую, взял у Димки вожжи, и больше до самого лесничества не выпускал их из

рук. А когда подъехал, быстро поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Через минуту ее открыл невысокого роста, всегда подтянутый, с седеющими черными усами конюх – охранник Ерофей.

- А! Илья Ефимович! Прошу, прошу! Да ты, вижу, не один. Никак сын твой! – с радостью воскликнул он, побежав скорее открывать ворота.

Ерофей был рад приезду Крона. В последнюю неделю он настолько был занят подготовкой Стрижа к бегам, что почти ни с кем не разговаривал, ходил хмурый. А тут случай свел его со знакомым человеком, да еще в такой день.

Во дворе Ерофей протянул руку Крону и показал место, куда можно поставить лошадь.

- Уже месяц Стрижа готовлю к бегам, - сказал Ерофей, головой мотнув в сторону крайней конюшни, - сегодня советую посмотреть.

- Посмотрим! Для этого и приехали, - сообщил Крон с радостью. И как бы соглашаясь с Ерофеем, добавил:

- За Стрижа будем болеть. Он наш.

Ерофей остался доволен услышанным и, не сказав ни слова, пошел в сторону конюшни, туда, где стоял Стриж.

Увидев хозяина, рысак признательно повел ушами, как бы успокаивая его в исходе сегодняшнего состязания.

Вскоре во дворе появились люди и подошли к Ерофею. По обрывкам фраз Крон догадался, о чем они говорят. А говорили они об особенностях бега Стрижа, о его привычках и недостатках.

5

Ипподром был расположен за городом, в живописном месте на берегу реки. Меньше чем за час, Крон был уже там. Нигде не останавливаясь, ускорив шаг, он направился в кафе. Вошел, огляделся. Народу там пока было мало: десятка два посетителей, не больше. В основном – мужчины, которые сидели за столиками, пили пиво и непринужденно беседовали. Только возле буфета две полные женщины о чем-то громко спорили.

Первым вошедших заметил Глеб Мезенцев. Он тотчас что-то сказал соседу, и оба они, словно по команде, встали из-за стола и направились к двери.

Крон увидел их, когда они были уже совсем близко и весело улыбались. После рукопожатия и короткого разговора все прошли к столу. Димке предложили место у окна, с видом на ипподром.

Народу на улице заметно прибавилось. Среди пестрой толпы особенно выделялись молодые люди. Одеты в джинсы и разноцветные рубашки, они группами стояли возле

различных киосков, ели мороженное, пили пиво или просто весело смеялись над удачно сказанной шуткой. Людей среднего возраста было поменьше. От остальных они, пожалуй, отличались несуетливостью, держались уверенно, можно сказать, достойно. И уж совсем редко здесь можно встретить людей пожилого возраста: ветеранов войны и труда. Двигались они, как правило, неторопливо, важно выпятив вперед украшенную орденами и медалями грудь.

На дальней дороге неожиданно появилась группа наездников в спортивной форме, а также те, кто готовил рысаков к предстоящим бегам. Размахивая руками, они деловито спорили. Среди них Димка увидел Ерофея. Он что-то оживленно говорил своему жокею Савелию Филиппову. Когда вся группа скрылась за поворотом, Димку потянуло на ипподром. Бесконечные разговоры взрослых ему изрядно наскучили.

- Вижу, скучаешь! – двигая ближе к Димке мороженое и шоколад, сказал сидевший справа Мезенцев – приятель отца, человек с пышной шевелюрой и худощавым лицом.

Димка стыдливо посмотрел на отца, но ничего от него не дождавшись, сказал спасибо, и только после этого с большой осторожностью принял лакомство.

В считанные минуты кафе заполнилось.

Не теряя даром время, Мезенцев тотчас открыл бутылку шампанского, одним махом наполнил три бокала и, добродушно улыбаясь, сказал:

- За встречу! И чтоб чаще они случались.

От выпитого у Крона сначала защекотало в носу, и потом приятный холодок прошелся по всему телу. Разговор оживился.

- Вся надежда на Стрижа! – сказал с гордостью Мезенцев. Другие, веря в успех своего любимца, восторженно поддерживали.

До начала забега оставалось полчаса. Выпив напоследок принесенный официантом кофе, все стали готовиться к выходу.

С великой радостью первым на улицу выскочил Димка. Но едва он отошел от кафе, как резкий толчок в плечо заставил его оглянуться. Рядом с ним стояла женщина внушительной комплекции, с заплаканными от жира глазами, она, не долго думая, схватила его за руку и потребовала вернуть кошелек, который, по ее словам, только что был у нее.

Не зная, о чем речь, Димка сначала не придавал этому никакого значения. И лишь минуту спустя, когда обстановка стала принимать угрожающий характер, наконец осознал. Впервые в жизни столкнувшись с несправедливостью, он, конечно, не мог доказать сейчас ей, что это страшное недоразумение, доказать свою непричастность к этому делу, да и вряд ли, пожалуй, знал, как это сделать?

Он испуганно посмотрел по сторонам, но отца нигде не было. Толпа зевак моментально окружила его со всех сторон.

Подождав у ипподрома несколько минут, Крон понял: с Димкой случилось что-то неладное. Не теряя зря времени, он пошел обратно в сторону кафе. Его приятели – следом за ним.

Недалеко стояла большая толпа народа. Многие возбужденно спорили. Краешком уха Крон уловил, как один мужчина средних лет в белой полосатой рубашке рассказывал другому о мальчишке, который якобы совершил кражу. Крон почувствовал, как учащенно забилося сердце, а в ногах появилась тяжесть.

- Неужели что с Димкой? – только и успел подумать он. А дальше все было, словно во сне. Расталкивая локтями толпу, он стал пробираться в центр событий.

Неожиданно возле Димки толпа расступилась, и перед ним, дыша, показался отец. Сзади стояли его приятели.

Крон не поверил своим глазам. Женщина, которую он только что видел в кафе, и к которой с первого взгляда почувствовал отвращение, граничащее с ненавистью, держала крепко за руку его сына. Стараясь привлечь внимание окружающих, она громко кричала.

Увидев отца, Димка заулыбался. По лицу было видно, что улыбка эта была не его, а совершенно другая, вызванная, очевидно, страхом.

Как только Крон приблизился вплотную, женщина тотчас отпустила руку и замолчала. Толпа разом попятилась назад. Круг расширился.

Выясняли недолго. У Димки, естественно, никакого кошелька не было. А стоявший рядом Мезенцев, выслушав женщину, сказал:

- Мальчик кошелек твой не брал. Он не способен на такое. - И суровее, чем прежде, добавил. - Среди нас нет и не может быть вора. Ищи кошелек в другом месте.

Заморгав глазами и ничего не сказав, женщина неожиданно попятилась назад и незаметно скрылась.

До начала забега осталось ровно десять минут. Толпа стала быстро расходиться. Крон взял сына за руку и, не оглядываясь, они пошли в сторону ипподрома.

Теплый августовский ветер принес с реки запах ила и лежалой травы. Где-то в лесу, нарушая предвечернюю тишину, надрывно закаркала ворона. С противоположной стороны донесся похожий крик, только был он гораздо слабее.

6

Пропустив Димку вперед, Крон молча протянул два билета контролеру. На ипподроме легкий ветерок приятно защекотал лицо. От чистых трибун исходил едва уловимый запах краски. Прежде, чем занять места, он огляделся. В ясном небе, плавно покачиваясь на ветру, кругом реяли бесчисленные разноцветные флаги.

- Как красиво! – то ли Димке, то ли сам себе сказал Крон вслух.

Заиграла музыка, а вслед за ней, заполняя всю чашу ипподрома, донесся мелодичный, красивый голос Софии Ротару. На душе у Крона полегчало. На какой-то миг он забыл о случившемся, не двигаясь, слушал песню и любовался увиденной красотой.

Но это продолжалось недолго. Перед глазами снова мелькнуло испуганное лицо сына. Крон взял Димку за руку, и оба они стали подниматься на трибуну.

Ворота в дальнем конце ипподрома открылись, и оттуда, в легких дрожках, один за другим стали выезжать наездники. Покусывая удила, рысаки послушно занимали на старте свои места.

Крон всего этого не замечал. В каком-то забытьи, когда стирается грань между настоящим и прошлым, тяжелым сном воскресали в его памяти похожие случаи, которые в разные времена приключались с ним. Постоянная мучительная тревога за себя и близких сделала тогда Крона беззащитным к происходящему злу. Сначала он перестал посещать общественные места, затем реже стал появляться на людях, а после и вовсе уехал из города.

- Папа, папа! Гляди, Стриж! – воскликнул радостно Димка.

Крон поднял глаза.

Бежавший вторым Стриж вдруг лихо натянул хомут, сделал великолепный сбой, и на глазах у зрителей стал догонять пятнистого мерина. Сначала это было не очень заметно, но у поворота, вплотную приблизившись к сопернику, на прямой обошел его, не оставив тому никаких шансов на победу.

Трудно было представить, что творилось в это время на ипподроме. Толпа неистово редела, стоя приветствовала победителя. Казалось, этому ликованию не будет конца.

- Говорил же, Стриж придет первым! – трогая за плечо Крона, кричал сзади Мезенцев.

Миновав финишную черту, Стриж легкой рысью бежал по кругу. А когда остановился, Ерофей со всех ног помчался поздравить наездника с победой. И как знать, если бы не он, возможно, и не было бы сейчас этого триумфа.

Савелий Филиппов, не успев еще прийти в себя, сидел на дрожках и усталым взглядом тупо смотрел куда-то в сторону. Наконец он протянул руку Ерофею, и в его тусклых глазах засветилась еле уловимая улыбка.

День близился к вечеру. В побледневшем небе солнце заметно спускалось к горизонту, вонзая, как стрелы, свои лучи в одинокие окрестные холмы.

За воротником рубашки Крон почувствовал легкую прохладу. От этого сердце его немного успокоилось. В душе появилась неосознанная надежда, даже уверенность.

Обратно до города ехали молча. Каждый думал о своем и хотел как можно быстрее остаться наедине. А когда приехали, настроение и вовсе стало подавленным.

- Хватить себя мучить! Время залечит, - повернувшись к Крону, проговорил Мезенцев.

- Время всю жизнь лечит, а толку нет, - несколько раздражительно произнес Крон. – Зло, похоже, непобедимо.

Затянувшуюся паузу прервал все тот же Мезенцев:

- Жди! В воскресенье приеду.

- Оба приезжайте, - сказал Крон, прощаясь.

Герман Каретин за все это время не проронил ни слова.

Когда машины их скрылись из виду, Крон пошел открывать ворота.

Далеко за городом он оглянулся, посмотрел вокруг. Широкое раздолье открылось перед ним. Нигде - ни в поле, ни в мелких перелесках не было слышно даже птичьих голосов. Казалось, что все в природе на миг остановилось, и никто уже не сможет нарушить эту завещанную людям тишину. Лишь изредка, покачиваясь на ухабах, поскрипывал тарантас, да время от времени фыркала лошадь. Но эти звуки своим естеством нисколько не нарушали царство покоя, которая подарила в этот час сама природа.

Едва уловив эти звуки, Дик со всех ног бросился навстречу. А когда выскочил из-за поворота, услышал Димкин голос. Подбежал, тотчас запрыгнул в тарантас, и до самого дома то одному, то другому тыкался холодным носом в лицо.

Закончив помогать отцу, Димка ушел домой.

Крон не спешил, сел на крыльцо. Рядом примостился Дик.

Ему хотелось сейчас с кем-нибудь поделиться своими сомнениями и услышать доброе слово. Но рядом никого не было.

И вдруг моментально родившаяся мысль заставила его задуматься.

- Откуда такая неблагодарность? Мы же не преступники.

На все эти вопросы Крон стал искать ответ. Но найти не мог. Возможно, их просто не было, а, возможно, эта область познания была пока для него не совсем доступна. Но истина эта, безусловно, существовала, а ее кажущиеся сложные формы, возможно, настолько просты, что находятся на поверхности того мироздания и того бытия, которое нас окружает.

Затем он поднялся с крыльца, ласково погладил Дика по голове и, как бы оправдываясь, проговорил:

- Вот так-то, друг! Жизнь сложная штука. Порой не знаешь, что ждет нас завтра.

Дик в ответ нежно лизнул ему руку.

Ольга Сергеевна

Проснулась Ольга Сергеевна рано и вся в холодном поту. Сердце стучало учащенно, а тело было тяжелым. Всю ночь ей снились кошмары. То она шла по незнакомому городу и никто из прохожих, несмотря на обращения, не отвечал ей. То вдруг оказывалась возле каких-то афиш, красовавшихся вперемешку с разной рекламой на здании кинотеатра. Все было напечатано на непонятном ей языке. А перед самым рассветом она вдруг угодила в глубокую яму, из которой, как ни старалась, выбраться не могла. Наверху мелькали люди, молча смотрели вниз, но никто, хотя она звала на помощь, даже не пытался заговорить с ней.

Поднявшись утром с постели, она подошла к окну и резко отдернула штору. Темные дождевые тучи огромными валами неслись над поселком, время от времени выливая на него потоки воды. Ноябрьский порывистый ветер с грохотом обрушивался на железные крыши домов, срывал с убогого здания кинотеатра старую рекламу и уносил бог весть куда.

Хотя внешне Ольга Сергеевна старалась казаться спокойной, на самом же деле вчерашнее сообщение о закрытии в поселке музыкальной школы постоянно угнетало ее. И все то, что еще недавно казалось ей незыблемым, вдруг в одночасье рухнуло куда-то в бездну.

Она рывком, теперь уже до конца, отдернула на окне штору, и пошла на кухню проверить все свои оставшиеся припасы. А когда убедилась, что на неделю можно растянуть, немного успокоилась.

С некоторых пор ее все чаще стала одолевать мысль - подыскать другую работу, но блестящее образование, которое она получила в консерватории, не позволяло опуститься ей до уровня обычной базарной торговли. И чем дольше она об этом думала, тем отвратительнее казалась сама себе. Решив не доводить себя до отчаяния, она снова подошла к окну...

Ровно через неделю на этом же месте Ольгу Сергеевну застал телефонный звонок.

Был вечер. На улице моросил дождь. Порывистый ветер, словно дробью, бросался в стекло дождевыми каплями. От неожиданности она вздрогнула и резко отпрянула от окна. С кем-то говорить, а тем более слушать чьи-то советы, ей вовсе не хотелось. Но все же, пересилив себя, подошла к телефону и сняла трубку.

- Квартира Еликовой? - спросил чей-то незнакомый женский голос.

Деловой тон вопроса заставил ее немедленно сосредоточиться, и, словно опомнившись, она проговорила:

- Слушаю вас.

- Звонит Клавдия Егоровна Махова из администрации. Хотелось бы встретиться с вами. Есть личный разговор. Если сможете, то завтра вечером загляните ко мне.

- Хорошо. В шесть вечера приду.

- Тогда буду ждать.

Ольга Сергеевна положила трубку, поправила густые светло-русые волосы и неторопливо опустилась в кресло.

Впервые за неделю на ее бледно лице появилась еле заметная улыбка, а в глазах блеск маленькой надежды. Где-то за окном прозвучала знакомая мелодия, оставив в душе приятные ощущения.

II

На другой день Ольга Сергеевна надела недорогое, но модное платье, меховую куртку, шляпу, и, пересчитав в кошельке оставшиеся деньги, вышла из дома.

Еще не совсем стемнело, и от этого лунный свет, прозрачно скользивший по крышам домов, казался не таким ярким. Становилось прохладно. Вода на асфальте уже подсохла, хотя на обочинах по-прежнему было сыро. Покачиваясь на ветру, редкие фонари тускло освещали дорогу.

Ускорив шаг, она вышла на центральную улицу. Возле ступенек двухэтажного здания, которое в поселке было, пожалуй, самым красивым, Ольга Сергеевна остановилась.

Мраморный свет луны падал на фасад здания, ускользал невидимой нитью в пространство, меняя на своем пути привычные очертания домов, скверов и дорог.

Поднимаясь по ступенькам, она вдруг почувствовала, как внутри у нее что-то сжалось. Но когда открыла дверь, успокоилась.

Справа в небольшой комнате, похожей скорее на собачью конуру, сидел здоровенный, лет тридцати, детина с круглым лицом и заплывшими от жира глазами. Он сурово посмотрел на вошедшую, выписал пропуск и в знак сказанной ему благодарности лишь небрежно мотнул головой, не вымолвив за все это время ни единого слова.

В назначенное время Ольга Сергеевна подошла к двери и постучала.

- Войдите,- послышался через дверь довольно громкий голос.

Поздоровавшись, она назвала себя. Махова поправила очки, откинула назад черные волосы и, окинув оценивающим взглядом вошедшую, указала на кресло. А потом, обращаясь к Ольге Сергеевне, заговорила:

- До приезда сюда сын три года занимался в музыкальной школе по классу фортепиано и хочет продолжить учебу. Моя знакомая посоветовала обратиться к вам. Предлагаю работу. Как на это смотрите?

Последние слова особенно задели Еликову за живое. Сидя в кресле, она вдруг почувствовала себя беспомощной в этой жизни, и был момент, когда она совсем уже хотела уйти, но каким-то чудом все же осталась.

- Да, я не работаю, и у меня сейчас нет выбора, - торопливо проговорила она. - Но, впрочем, это не означает, что я могу согласиться с вашим предложением.

Не ожидая такого оборота событий, Махова, как ни в чем не бывало, сделала шаг на встречу.

- Я вам вполне доверяю, - сказала она, взглянув на Еликову широко раскрытыми глазами. - И если вы не против, то поговорим об условиях, которые бы вас удовлетворили.

К всеобщему удовлетворению все кончилось тем, что Ольга Сергеевна, без всякого сомнения, приняв предложения Маховой, вежливо попрощалась.

Погрузившись в свои мысли, шла она обратно не спеша. Мир казался ей бесконечной пустыней, в которой можно легко затеряться, а то и вовсе незаметно исчезнуть.

По пути, не имея на то желания, зашла в магазин. Там она внезапно ощутила страшный голод, который в последнее время все чаще одолевал ее, придавая всему телу болезненную слабость. Отыскав безлюдное место, она достала из кошелька последние деньги и купила на них хлеб. Придя домой и приготовив из оставшихся продуктов на скорую руку ужин, она затем подошла к фортепиано, бесшумно открыла крышку и заиграл романс "Средь шумного бала случайно...". Знакомая мелодия, словно на крыльях, повисла в воздухе, беря душу.

III

Три дня спустя в квартире у Ольги Сергеевны стоял довольно рослый, на вид лет одиннадцати, подросток. Представился: "Максим". В руке Максимка держал тетрадь с нотами. Чувствовал он себя стеснительно, от приглашения выпить чая, сославшись на недавний обед, отказался.

Ольга Сергеевна пригласила его к фортепиано и попросила сыграть две оркестровые пьесы, которые он наверняка знал. Внимательно прослушав, она осталась игрой его довольна, но все же сделала несколько мелких замечаний, которые он тотчас же исправил. Затем, покопавшись в нотах, она отыскала произведение посложнее, сыграла его дважды сама, и рассказав, на что нужно обратить внимание, предложила Максиму.

В этот момент она внезапно почувствовала ужасную слабость. Перед глазами все куда-то поплыло, а к горлу стала подкатываться тошнота. Она тотчас обхватила голову руками, закрыла глаза, а когда открыла и попыталась подняться, то не смогла. Словно во время катания на качелях, все куда-то проваливалось в бездну.

- Что случилось, Ольга Сергеевна? - заметив неладное, спросил Максим.

- Все будет хорошо. Сейчас пройдет, - пытаюсь снова безуспешно подняться, еле слышно проговорила она.

Ее бледное, осунувшееся лицо было настолько бесформенным, что от былой привлекательности не осталось и следа. А когда силы совсем иссякли, она озабоченно, преодолевая себя, попросила Максима вызвать скорую.

Прежде чем та успела приехать, он помог Ольге Сергеевне одеться, а потом, закрыв квартиру, вместе с ней отправиться в больницу. Узнав, что у больной голодный обморок, он сильно расстроился, быстро поднялся с места и, не обращая ни на кого внимания, выбежал на улицу.

Все небо было закрыто дождевыми тучами, и уже накрапывал дождь. Вдали, примерно в километре от поселка, за черной пашней, сливаясь с горизонтом, среди мрака виднелся лес. Картина была явно неприглядная, и Максим, нахмутив брови, отвел взгляд в сторону.

IV

На следующий день, придя из школы, он подошел к матери, невинно посмотрел в глаза, спросил:

- Когда мы пойдем к Ольге Сергеевне в больницу?

Словно очнувшись, она вопросительно посмотрела на сына и довольно долго ничего не могла сказать. С одной стороны у нее не было никакого желания выполнять его просьбу, а с другой, с точки зрения нравственной, она обязана была это сделать. Любой неверный ее шаг мог не только осложнить их отношения, но и оставить в молодой душе на всю жизнь не смываемый след безразличия. И здравый смысл возобладал. Прислушиваясь к зову сердца, она решительно отмела прежние намерения, обняла сына и, глубоко вздохнув, тихо прошептала:

- Вечером, как только вернусь с работы, обязательно пойдем. Жди меня.

Максим тотчас посмотрел на часы. Обед заканчивался. Клавдия Егоровна стала собираться на работу, а он, довольный, пошел в свою комнату, тихо открыл крышку фортепиано, нерешительно взял аккорд мелодии. Той самой, которую Ольга Сергеевна играла ему накануне.

НЕ ЖДИ МЕНЯ

1

Когда я проснулся, солнце уже высоко висело над горизонтом, а птицы в парке, возле которого жил, уже не щебетали.

Радуюсь чудесному июньскому утру, я настежь распахнул окна квартиры, где жил один, – жена два года назад сбежала с известным в городе Вельске бизнесменом, – принялся напевать пришедшую на ум мелодию. Делал я это от души. Однако не было никакой уверенности в том, что исполнял правильно. Этого, вероятно, и не требовалось, ибо я знал, что мне на этот счет никто замечаний не сделает.

Минут десять я делал зарядку, а потом, умывшись холодной водой, наскоро перекусил и вышел на улицу. Решил в эту субботу побродить по магазинам с тем расчетом, чтобы побольше закупить нужных продуктов. Так как следующие выходные намеревался провести на острове Дальний, куда часто плавал на лодке рыбачить.

На все покупки я затратил около часа и, оставив их дома, безо всякой на то надобности поехал на набережную Волги, чтобы немного развеяться.

Уже скоро, удобно расположившись на скамейке, которая стояла почти у самой воды, я мог спокойно наслаждаться уединением и всем тем, что меня окружало.

В воздухе стоял полный штиль, и казалось, что река и ее тихие берега, заросшие лесом, еще не проснулись с ночи. Лишь вдали, где располагалось русло реки, едва просматривалась мелкая зыбь.

Увлечшись наблюдениями, которые словно хороший сон радовали меня, я даже не заметил как подошла и села на другой конец скамейки молодая женщина. Обратил внимание лишь тогда, когда она глубоко вздохнула. Лицо у нее было закрыто ладонями, а голова судорожно тряслась. Мне показалось, что она плачет.

А когда убедился в этом, попытался заговорить с ней, а по возможности и успокоить. Однако у меня ничего не получилось. Несмотря на все мои старания, она продолжала молчать, а мои расспросы и уговоры, как мне показалось, напротив, раздражали ее и даже причиняли боль. Но это были только догадки. Не вступив с ней в разговор, я, естественно, не имел ни малейшей возможности хоть что-то узнать.

Предприняв еще одну неудачную попытку поговорить, я стал украдкой ее разглядывать. Женщина это заметила, тотчас же встала со своего места и, небрежно махнув рукой, – дав таким образом понять, что ее горе никого больше не должно интересовать, – стала удаляться.

Почувствовав неловкость, я сначала даже хотел ее догнать, чтобы извиниться за назойливость, но делать этого не стал, а только проводил взглядом до тех пор, пока она не скрылась из виду.

Но и после этого я некоторое время продолжал думать об этой несчастной женщине, которую, как мне показалось, кто-то незаслуженно обидел, и, вероятно, так сильно, что она даже не могла вымолвить слово. Наконец решив, что не надо все так близко принимать к сердцу, успокоился. Поднялся со скамьи и направился к воде. Вымыл руки, а

заодно и лицо. Эта привычка у меня осталась с детства, и ей, сколько себя помню, не изменяю по сей день, встречая на пути источник с чистой водой, где бы он ни находился, – будь то в горах или в заросшей кустарником дикой лощине.

Домой идти не хотелось, и я, решив еще с полчаса побродить по набережной, направился к пристани. Там уже вовсю шла посадка на только что прибывший теплоход. По узкому трапу люди шли в распахнутую дверь, и отовсюду слышались крики. А одна девушка, прощаясь со своим возлюбленным, что-то громко кричала ему на берег, а он в ответ, поднося пальцы к губам, посылал ей воздушные поцелуи. Эта сцена меня почему-то глубоко взволновала, и я, не в силах на них смотреть, отошел в сторону.

Скоро заиграла музыка, и теплоход, дав последний, третий гудок, отошел от пристани. А я свернул на тропу, которая тянулась вверх по отлогому склону.

2

Первые дни новой недели пролетели незаметно. Вечером я приезжал с работы и допоздна возился с закидушками, которые собирался поставить у острова Дальний. В пятницу, взяв с собой продукты, палатку, спальный мешок, как всегда – ружье и еще кое-что из мелочей, отправился на Волгу. Там сложил вещи в лодку, прикрепил к ней мотор, и уже хотел было заводить, как вдруг возле леса увидел женщину. Она бежала вниз, размахивая белым платком. Насторожившись, я стал за ней наблюдать. Голоса она не подавала. Вероятно, делать этого ей было нельзя – так, во всяком случае, подумал я. Запыхавшись, она остановилась у самой воды.

– Помогите. Пожалуйста, помогите, – торопливо повторяла она, оглядываясь то и дело назад.

– Что случилось, барышня? – почувствовав неладное, спросил я, вглядываясь в искаженное страхом лицо женщины.

– Прошу Вас, помогите! – снова взмолилась она. – Потом... потом все расскажу. – И добавила. – А что говорить-то? Изверг он. Изверг – вот и все.

После этих слов, не раздумывая, я встал и протянул ей руку. В считанные секунды женщина уже находилась в лодке. Она вся дрожала и не знала, куда себя деть.

– А что дальше? – метнув взгляд на склон, испуганно проговорила она.

Подумав, я приподнял конец палатки.

– Полезай туда, – я показал ей то место, куда она должна лечь, – и прижмись ко дну лодки, а я сверху накрою.

И только она спряталась, как я заметил возле леса человека, который бежал вниз по склону, озираясь по сторонам. Руки у него были полусогнуты, рубашка сверху донизу расстегнута, а волосы, как у дикобраза, взлохмачены. По пути он часто останавливался

как вкопанный, крутил головой по сторонам и продолжал бежать дальше. Этим он напоминал разъяренного быка испанской корриды и выглядел довольно-таки опасно.

Оценив обстановку, я достал со дна лодки ружье, положил его сверху на палатку, а женщине велел не шевелиться.

Когда он был уже совсем близко, я вылез из лодки и пошел ему навстречу. В нескольких шагах от меня он остановился. Кулаки у него были сжаты, в воздухе витал запах водочного перегара.

Скажу, что весь его ковбойский вид меня нисколько не напугал, и в любую минуту я был готов, если потребуется, дать ему отпор. Он, очевидно, это почувствовал, и вмиг присмирел. И неразборчиво, заикаясь, спросил: не видел ли я здесь женщину в розовой кофточке и белом платке?

И я солгал, сказав, что здесь много ходит всякого люду, и мне некогда на всех обращать внимание.

Однако на этом он не успокоился.

– А что у тебя в лодке? – обходя меня сбоку, спросил он.

– Разве не видишь? – огрызнулся я, пресекая его попытку как можно ближе подойти к лодке.

Увидев лежавшее сверху на палатке ружье, он резко отшатнулся назад и, развернувшись, стал удаляться.

Я, как ни в чем не бывало, сел в лодку, положил ружье на прежнее место, завел движок и полным ходом взял курс к острову. И только минут через пять, когда лодка находилась уже далеко от берега, помог женщине выйти из укрытия, попросил ее перейти в другой конец лодки, – так было безопаснее.

Пока она неуклюже передвигалась, я украдкой наблюдал за ней. И в какой-то момент мне показалось, что где-то я ее видел. Память не подвела. «Это же она!.. Она! Та самая!» – вспомнил я и, почему-то обрадовавшись, спросил:

– Позвольте, не Вы ли в прошлый раз сидели на берегу? Помните, я тогда приставал с вопросами, а Вы молчали, опустив голову, и на мои слова никак не реагировали. Мне показалось, что из-за этого вы на меня некоторым образом рассердились?

Я назвал день и время, когда это было.

Женщина пристально посмотрела на меня и, тяжело вздохнув, улыбнулась.

– Да, это была я. Все та же история. Муж постоянно пьет, а как напивается до беспамятства, так и начинает... Видели, наверное, в каком состоянии он был?

После короткой паузы она заговорила снова.

– В компанию нехорошую попал. Вот и пьет то с одними, то с другими.

На это я ничего не ответил, и, чтобы перевести разговор на другую тему, спросил:

– А зовут-то Вас как?

– Настя... Настя Беседина.

– Дети-то хоть есть?

– Какие там дети? Пьянице дети не нужны. Им только бутылку подавай...

После того, как эта незащитная женщина рассказала о своем горе, - а ей необходимо было выговориться, - она немного преобразилась. Лицо порозовело, а взгляд из-под густых, черных бровей уже казался не таким туманным, как прежде. Это меня радовало.

– Тогда будем знакомы, - облегченно вздохнув, сказал я, - ваш покорный слуга – Игорь Рябинин. Как успели заметить, фамилия у меня лесная, вот и тянет то на рыбалку, то на охоту.

Настя заулыбалась, и я понял, что моя шутка пришлась ей по душе.

Однако время шло, и надо было что-то предпринимать. Я посмотрел на берег, от которого мы уже удалились на довольно приличное расстояние, и остановил лодку.

– А теперь куда Вас? – спросил я. – Думаю, будет лучше, если доставлю обратно на берег – это во-первых. Во-вторых, на острове буду до понедельника, и если поедете со мной, то могут спохватиться и начнут искать. Тогда, сами знаете, будут неприятности.

Пауза затянулась. Вероятно, женщина и сама не знала, как ей поступить. То она, не отрываясь, смотрела куда-то в сторону, то – на меня. Но я, как рыба, молчал и не хотел решать за нее. И как только она это поняла, я снова услышал ее слегка дрожащий голос:

– Даже не знаю, что сказать. Домой я уже точно не вернусь. Остается просить Вас, чтобы взяли с собой. Это, собственно, я и делаю, – с тревогой в душе и какой-то затаенной грустью заговорила она.

Признаюсь, слова ее заделали меня за живое. Возражать я не стал. Не раздумывая, сделал на воде крутой разворот, набрал максимальную скорость и продолжил путь к острову.

Начиная с этого момента, на всем пути меня не покидала мысль о том, что с молодой женщиной, которая сидела напротив, я поступил честно. Этим гордился, и поэтому на все произошедшее смотрел хладнокровно и спокойно. Так как считал, что рано или поздно у нее все равно найдется какой-нибудь выход из этого положения, и однажды она станет счастливой.

Впрочем, все же одно обстоятельство, - почему именно мне было суждено оказаться на ее пути, - я, естественно, ничем объяснить не мог, тем более предположить, что встреча эта в корне изменит мою дальнейшую судьбу.

Вокруг шумел ветер, обдавая со всех сторон прохладой. Долгий июньский день близился к вечеру. Далеко впереди, отражаясь от речной глади, солнечные лучи ускользали вверх, образуя в синем небе разноцветные полосы. Картина завораживала, и я

любовался до тех пор, пока не показался остров. Сбавив скорость, я направил лодку на прибрежную песчаную отмель.

Остров был небольших размеров. В длину едва ли достигал сотню метров, а в поперечнике и того меньше. В центре его, вперемешку с кустарником, рос высокий камыш, который в некоторых местах тянулся до воды. Справа, где я обычно останавливаюсь на ночлег, стояли три невысокие сосны с причудливо изогнутыми стволами.

К одной из них, которая стояла ближе к воде, мы перетаскали из лодки наши вещи. Вдвоем быстро поставили палатку, и я принялся готовить снасть, чтобы успеть до темноты наловить рыбы и приготовить уху.

Надо сказать, мои ожидания оправдались. Не прошло и часа, как я вернулся обратно, с крупным сазаном, который лежал на дне лодки.

На мой вопрос: не страшно ли было одной, Настя сначала покачала головой, а потом сказала, что постоянно наблюдала за мной, и даже видела, как я вытаскивал из воды большую рыбину.

Тогда я понял, что она меня ждала и была рада моему возвращению.

Не откладывая в долгий ящик, я стал разжигать костер, а Настя отправилась к воде чистить рыбу.

После ужина, когда солнце уже спряталось за горизонт и стало темнеть, я начал готовить постель. К сожалению, у меня был только один спальный мешок, который, не раздумывая, я отдал Насте. И, пожелав ей спокойной ночи, пошел за сухим камышом. Сделал из него в палатке настил, положил сверху одежду, укрылся одеялом и, устроившись поудобнее, скоро уснул.

3

Дни, проведенные на острове, были для меня в радость. Все это время я ощущал прилив бодрости и внутренней энергии, которые вселяли уверенность и покой. Вероятно, это было вызвано тем, что рядом со мной находилась Настя. В нашем жилище она следила за порядком, а в свободное время, когда я рыбачил, купалась, загорала. Купальника у нее с собой не было, поэтому мне часто приходилось видеть издалека ее белую, стройную фигуру.

Утром, в понедельник, я, как обычно, проснулся рано, чтобы успеть все собрать и не опоздать на работу. Мы свернули палатку, погрузили в лодку все свои вещи и покинули остров.

Тут я заметил, что настроение у Насти упало. Она стала задумчивее, подолгу смотрела на берег, а в отрешенном взгляде сквозила потерянности.

Я понимал ее озабоченность, и какое-то время не касался темы, которая наверняка расстроила бы ее еще больше. Но я также понимал: рано или поздно надо было что-то предпринимать, – не оставлять же бедную женщину на произвол судьбы.

И пока размышлял над этим, все как-то довольно просто разрешилось само собой.

Когда я спросил у Насти о дальнейших планах, и она мне на это ничего не ответила, а лишь пожала плечами, мне стало ясно, что сама она ничего решить не может, и ей нужна помощь.

В полном неведении того, как сложатся события дальше, и, не сожалея ни о чем, я решился.

– Можем поехать ко мне, живу один, - предложил я, заодно рассказав историю, которая произошла два года назад в моей жизни.

Она ответила не сразу. Сначала внимательно выслушала, и только потом, посмотрев на меня серьезным взглядом, и, словно чего-то боясь и одновременно радуясь, согласилась. Потом я определил лодку на прежнее место, предупредил охранника и мы пошли.

День, как и накануне, обещал быть солнечным. Кругом было тихо и безлюдно. Только из густых зарослей, мимо которых мы шли, окликая друг друга, слышались одинокие птичьи голоса. Мы миновали склон и скоро оказались в лесу. Дорогой почти не разговаривали, – каждый думал о своем. Дошли до набережной, я остановил машину, и через десять минут мы были уже дома.

Я принял душ, а потом достал из комода чистое полотенце, мой махровый халат, и протянул Насте. И она тотчас скрылась в ванной комнате.

Пока она мылась, я готовил завтрак и все это время думал о произошедшем. Мне казалось, что вся эта затея не кончится добром, и впереди нас ждут непростые испытания, которые, хотим мы того или нет, нам придется преодолевать вместе.

Но как только Настя вышла из ванной, я тотчас же об этом забыл. Она настолько похорошела, что ее было просто не узнать. В какой-то момент мне даже показалось, что это вовсе не она, и я прежде никогда не видел таких прелестных, пухлых губ и больших серых глаз. Я просто не мог оторвать от нее взгляд. Она это заметила и вспыхнула, как пламя. А когда проходил мимо, нечаянно коснувшись ее высокой груди, она даже не посторонилась. Глаза наши встретились, и тут я не удержался – крепко обнял ее и стал целовать.

Запрокинув голову, она почти не дышала. Халат на ней распахнулся, и я почувствовал, как ее теплые руки обвили мою шею. Крепко обнявшись, мы незаметно приблизились к кровати и, ничего не стыдясь, по-настоящему были счастливы.

В гостиной будильник звонко отсчитывал секунды. С улицы все громче доносились звуки движущегося транспорта, а из подъезда голоса, – начиналась новая рабочая неделя.

Время летело так быстро, что я даже не успевал за ним следить. Сидя за столом, то и дело смотрел на часы, боясь опоздать на работу.

– Где работаешь, Игорь? – спросила Настя, заметив мое беспокойство.

– На механическом.

– Кем?

– Просто конструктором.

– И как это я тебя там раньше не встретила?

– Значит, кто-то хотел, чтобы мы встретились именно сейчас – ни раньше, ни позже, – философски ответил я.

Радостная, она вмиг вскочила со стула, подошла ко мне сзади и обняла.

– Кстати, а чем будешь заниматься сегодня? – поинтересовался я.

– Сначала пойду к матери, потом – к себе домой.

– А разве ты не останешься со мной?

– Об этом я тоже думала. Конечно же, останусь, если не будешь возражать.

После этого короткого разговора я показал Насте, где находятся запасные ключи от квартиры, и мы попрощались до вечера.

Было десять часов утра, когда Настя распахнула дверь своего дома. Кругом стояла жуткая тишина. Стол был не прибран, кругом валялись пустые бутылки. И все же, несмотря на это, на нее повеяло чем-то родным, давно знакомым. И ей вдруг стало грустно и не хотелось верить в то, что здесь ее больше никогда не будет. В этот момент от смрада, который стоял в доме, у нее неожиданно закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Она моментально распахнула настежь окна, и стала, торопясь, комкая, собирать свои вещи. А потом написала записку: «Меня не жди, я не вернусь».

Когда такси подъехало к нашему подъезду, я ее уже ждал.

Ястреб-рыболов

Это было в начале июля. Дождавшись воскресенья, я рано утром, ещё до восхода солнца, отправился на Волгу, заранее определив место для рыбалки. Таких мест у меня было там три, и я их посещал в зависимости от погодных условий.

Поскольку день обещал быть солнечным и безветренным, о чем свидетельствовал синий купол безоблачного неба, я решил идти на открытый со всех сторон песчаный полуостров. Без шума прошёл по песчаной косе и остановился возле одинокого куста, который находился рядом с береговой линией, стал готовить снасть.

Не прошло и десяти минут, как взошло солнце и стало окрашивать в разные тона ровную гладь реки и расположенные на противоположном берегу Жигулёвские горы. Воздух начал прогреваться, и уже скоро у воды, сверкая тонкими прозрачными крылышками, появились стрекозы.

Погрузив рыболовную снасть в воду, я стал наблюдать за поплавком.

Кругом всё молчало. И в этом многообразии утренних красок недалеко от меня на песке неожиданно появилась похожая на птицу тень и стала медленно перемещаться в мою сторону, изредка останавливаясь в пути. А через некоторое время, точно парашютом, накрыла меня. Я поднял вверх глаза и увидел на небольшой высоте парящего в небе ястреба, который, вероятно, не видел меня, а возможно, просто не обращал внимания на моё любопытство. Потом, когда ему наскучило, он сделал надо мной круг и стал быстро удаляться в сторону русла реки, продолжая зорко выслеживать добычу. И вдруг, словно ожив, стал стремительно пикировать к воде. В полёте коснулся поверхности и, точно истребитель, взмыл вверх, держа в когтях пойманную рыбу, которая, переливаясь, блестела на солнце. А затем, набрав высоту и размахивая сильными крыльями, полетел в сторону гор, к лесному массиву, там, вероятно, находилось у него гнездо. Я смотрел в небо и любовался его ровным, красивым полётом до тех пор, пока ястреб не превратился в маленькое, не имеющее ясных очертаний, бесформенное пятно. А вскоре и оно исчезло.

Не прошло и минуты, как на воде, недалеко от берега, появились круги. Леска живо натянулась, и я вытащил на берег небольшого язя. С этого момента клёв не прекращался до обеда, а потом я стал собираться домой.

Перед уходом я снова заметил на песке движущуюся тень. По сравнению с той, которую видел утром, она была гораздо меньших размеров. И это понятно: ведь наступил уже полдень и солнце стояло высоко. Взглянув вверх, я увидел в небе знакомого ястреба, который кружил здесь утром. То, что это был он, у меня не вызывало сомнений, ибо в его хвостовом оперении красовалось одно-единственное белое перо.

Как старому знакомому, я помахал ястребу рукой: рыбак рыбака видит издалека.

Чубатый

Николай Творогов

Утром стоял такой сильный туман, что даже в двух шагах трудно было что-либо различить. Но не прошло и часа, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел августовский ветер и понёс эту огромную серо-молочную массу к береговой полосе леса, простирающейся вдоль Волги. За окном стало светлеть, и уже просматривались очертания растущих в саду фруктовых деревьев и остроконечная крыша сарая.

Не теряя ни минуты, я тотчас же начал собираться на рыбалку, к которой тщательно готовился накануне. Чинил старые и мастерил новые рыболовные снасти. По правде сказать, делаю я это всегда с удовольствием. И нет для души лучшего занятия, чем это. Ощущения, прямо скажу, ни с чем не сравнимые. Пока я одевался, постучали в окно. Сомнений никаких не было – это сосед Захар уже звал меня на речку.

Я подошёл к окну. За спиной у соседа висел большой рюкзак, а на ногах блестели чёрные, как смоль, резиновые сапоги. Помахав Захару рукой, я торопливо поднял с пола приготовленные ещё с вечера снасти и вышел, а где-то через час мы уже были на берегу Волги.

Туман, который ещё недавно преграждал нам путь в лесу, почти рассеялся. Гонимый по воде тёплым волжским ветром, он редел, и только вдалеке, у противоположного правого берега, сгущаясь, поднимался вверх, прятался за Жигулёвские горы.

- Красота-то какая, Захар! Лучше и не придумаешь! – не отрывая взгляда от горизонта, не удержался я.
- Не сравнить с городом – асфальт, да и только, - посмотрев вдаль, согласился Захар, сбрасывая рюкзак с плеч под куст ивняка.

Как обычно, я расположился у другого куста, который рос в десяти-двенадцати метрах от воды. Клёв начался не сразу, а минут через двадцать после того, как грузило коснулось дна. Откровенно говоря, первую поклёвку я и не видел, а лишь успел заметить расплзавшиеся по поверхности ровной глади в разные стороны круги. Но я всё же потянул за удилице. Леска вмиг натянулась, как струна. Не давая слабину, я осторожно вытащил на берег язя, затем второго, третьего. А ближе к обеду рыбы у меня уже было полсадка. Захар также не отставал, часто работая удочкой.

К полудню, когда туман совсем рассеялся, начал накрапывать дождь. Накинув на плечи лёгкий плащ, который брал всегда на рыбалку, я выбрал удобное место под кустом и присел. Но тут в воздухе раздался свист, а через некоторое время я услышал, как в метре от меня что-то рухнуло. Когда оглянулся, то увидел рядом стаю ворон, хищно косивших глаза в то место, где ещё шевелилась трава. Они подходили так близко, что мне пришлось отогнать их.

Раздвинув траву, я увидел прижавшегося к земле с распростёртыми крыльями голубя. И ели бы не светло-коричневая окраска и не белое оперенье в хвосте и на крыльях, то,

вероятно, его трудно было бы заметить среди высокой травы и кустарника. На спине у него отчётливо были видны следы вороньих когтей. Затаившись, он одним глазом смотрел на меня, изредка моргая.

Когда я брал голубя в руки, он почти не сопротивлялся. Только изредка пощёлкивал клювом, да издавал какие-то встревоженные звуки. Вероятно, делал он это от страха, который ему пришлось испытать несколько минут назад.

Заметив, что я занимаюсь чем-то другим, Захар насторожился.

- Что это за шум? – повертев головой, спросил он, направляясь в мою сторону. – Словно снаряд просвистел.

- Тише, а то спугнёшь, - повернувшись к Захару, попросил я.

- Как он здесь очутился? – увидев клевавшего на моей ладони хлебные крошки голубя, удивился Захар.

- Всё очень просто, - улыбаясь, ответил я, указав на стаю ворон, прогуливающих у самой воды по песчаной отмели. – Вон кто пригнал его сюда. Видишь, как глаза косят. Голубь-то домашний, отбили от своей стаи и пригнали. Но он проворнее и хитрее ворон оказался. Заметил людей, сложил крылья и к земле. Вот и жив остался.

После этих слов Захар оживился, подошёл поближе и стал гладить голубя по мокрой от дождя вихрастой голове, приговаривая:

- Какой чубатый! Прямо красавец, а?

Весело посмотрев друг на друга, мы принялись вспоминать все известные нам случаи, какие только знали или слышали от других, когда человек помогал живой природе.

Дождь затихал, и на востоке кое-где из-за туч просматривались островки солнечного света. Не сговариваясь, мы оба посмотрели на часы, и, не теряя больше ни минуты, Захар отправился к своим удочкам, а я, оставив голубя под кустом, на рюкзаке, - к своим. И целых четыре часа, пока я занимался рыбной ловлей. Чубатый был рядом. Только один раз слетал он к воде напиться, а потом опять вернулся на своё место. А ближе к вечеру, когда мы собрались уходить, набив рюкзаки рыбой, он не на шутку забеспокоился. Стал издавать какие-то звуки и делал это до тех пор, пока я не взял его в руки. Зато в лесу голубь притаился и сидел тихо. Дождя уже не было, но при сильном порыве ветра с деревьев падали водяные капли, доставляя нам неприятности. Однако, не смотря на это, настроение у нас было хорошее. С разных сторон доносился щебет птиц, да откуда-то совсем близко - стук дятла.

На лесной опушке, куда мы только что вышли, и от которой до западной окраины города оставалось где-то с километр, Чубатый, почувствовав простор, вдруг оживился и стал вырываться из рук. Мы заторопились и вскоре уже находились на остановке. Пока стояли, ожидая автобуса, городской шум не смолкал ни на минуту. Напрягая мускулы, Чубатый часто озирался по сторонам, готовый в любую минуту взлететь вверх. А когда ехали по городу, мне неожиданно пришла мысль отдать Чубатого моему знакомому, который держал голубей. И, радуясь этой мысли, я, не раздумывая, попрощался с Захаром и вышел раньше на две остановки.

Лукич в это время кормил голубей. Увидев меня, он приподнялся. Поздоровавшись, я рассказал ему историю, которая не так давно приключилась с Чубатым. А когда закончил, подарил ему голубя.

Внимательно осмотрев, нет ли ран на теле, он только после этого подпустил чужака к своим. Чубатый вмиг взлетел на забор, который располагался рядом с голубятней, и долго озибался по сторонам.

- Похоже, там его дом, - сказал Лукич, рукой показывая на восток.

Мы оба не сводили глаз с Чубатого. Ожидания были самые разные. Но то, о чём думали, не случилось. Покрутившись на месте, голубь взмахнул крыльями и опустился на землю, а потом, нежно воркуя, закружил в танце возле молодой голубки, которая, высоко подняв голову, даже не сдвинулась с места.

- Теперь привыкнет. Видишь, уже подыскал себе пару, - весело улыбнулся Лукич.

А я наблюдал и радовался, что это новое место скоро станет для Чубатого вторым родным домом.

Поздняя осень

Много загадочного хранит природа поздней осенью в своём тайнике. Тихое пасмурное утро. На одиноких, возвышающихся возле леса холмах и кочках дорог после ночных заморозков еле заметно блестит утренний иней. Деревья кругом стоят нагие, стряхнув с себя последнюю листву. Лесные тропы, дороги, поляны, напротив, сплошь укрыты оранжево-жёлтым покрывалом. Вдали над пашней, готовясь к отлёту на юг, резвится стая грачей. Падая камнем вниз и вновь взмывая в небо они наполняют всю округу тайными звуками.

В этот ранний час тётка Ульяна закрыла за собой калитку, пошла в огород убрать оставленные ещё месяц назад несколько кочанов капусты.

Выскочившая из-за крыльца дворняжка по кличке Дружок, метнулась резко в сторону, вмиг оказалась на стогу сена, стоявшего в конце огорода. Покрутившись на месте, Дружок неожиданно замер. Вытянув морду на север, он стал внимательно прислушиваться к доносившимся издалика неясным звукам. Из влажных, широко раскрытых ноздрей его шёл густой пар, а чёрная, как крыло ворона, шерсть на загривке слегка приподнялась. Звуки в вышине всё нарастали и нарастали. А вскоре, минут через пять, из-за леса показалась большая стая диких гусей.

Стоявший возле калитки Ульянин гусак насторожился, то и дело поглядывал вверх, наклонив голову набок. А когда стая пролетела над домом, он вытянул свою длинную шею, захлопал крыльями и что есть мочи закричал. Другие, находившиеся в это время рядом с ним гуси, проделали то же самое. Потом гусак загоготал что-то по-своему, и вся стая дружно направилась к водоёму.

Тётка Ульяна разогнула спину, поправила сзади свой старый полушубок и, повернувшись лицом на юг, долго смотрела вслед улетающей стае. «Быть скоро зиме», - подумала она, срубая последний сочный кочан капусты.

Прошло совсем немного времени, и тишина снова завладела окружающим пространством, наполняя живую душу нетронутой, прозрачной красотой.

Камыш

Если кому из вас приходилось бродить по берегам рек и озёр, тот наверняка встречал заросли камыша, которые обычно тянутся вдоль берега на несколько десятков, а то и сотен метров. Но вряд ли кто удосужился внимательно понаблюдать за этим, казалось бы, на первый взгляд ничем не примечательным растением. Однако это только на первый взгляд. На самом деле всё не так. Спросите у настоящего охотника или рыбака, и они вам непременно расскажут много интересного об этом растении, встречающемся как в северных, так и южных широтах.

Весной, как только наступают тёплые дни и всё в природе начинает оживать, на берегах водоёмов появляются зелёные ростки камыша. Растёт камыш быстро. Уже скоро на этом месте можно увидеть похожие на плантацию заросли. Идёшь мимо и не узнаёшь – здесь ли ты был в прошлый раз? А приглядишься попристальней – оказывается, здесь. Вот и пенёк, на котором сидел.

Летом, когда камыш достигает предельного роста, на его толстом стебле образуется большое количество длинных, узких листьев, и от этого заросли становятся гуще. В эту пору, обычно перед восходом солнца, камыш бывает особенно привлекателен. Тёмно-зелёный, с коричневыми метёлками наверху, он, словно рыцарь в доспехах, кажется неприступным, готовым в любую минуту защитить себя. А уже к полудню, когда ярко светит солнце и становится жарко, камыш заметно бледнеет, листья выглядят прозрачными. Покачивается полусонно на ветру, от былой рыцарской осанки, наблюдаемой ещё утром, уже не осталось и следа. И только вечером, когда густые тени уже легли на землю, камыш начинает оживать. Опять, который раз в день, меняет свой облик, погружаясь, в вечерние сумерки. Выглядит угнетённым, угрюмым. И этим притягивает к себе. Так и хочется побыть рядом, наедине с ним, наслаждаясь вечерней тишиной.

Поздней осенью камыш становится золотистым. Заросли заметно редеют. Среди них то здесь, то там легко можно разглядеть островки голой земли. Но зато какой приятный шелест от него исходит в ветреный день. Находишься вблизи и, не замечая времени, заслушиваешься его волшебной музыкой.

А если у водоёма вас вдруг застал дождь, то не отчаивайтесь. Посмотрите на заросли камыша и сразу почувствуете, что и дождя-то вроде бы никакого нет. Это оттого, что и в дождливую погоду камыш кажется сухим, – капли как с гуся вода стекают с него.

Зимой во время снежных буранов в камышовых зарослях скапливается много снега. Даже из числа охотников или рыболовов редко кто осмелится пройти напрямик через них. А если и найдётся такой смельчак, то непременно утонет по пояс в снегу и долго потом будет выбираться. Поэтому в снежную зиму вы вряд ли увидите в камышах тропу или хотя бы чей-то след, разве что петляющий заячий.

Чужой

Ясным сентябрьским утром, накинув на плечи лёгкую куртку и прихватив ранец с учебниками, Витька Ткач выбежал на улицу. Там его уже ждал одноклассник Артём Хрусталёв.

Учились они в третьем, с той лишь разницей, что первые два класса Витька закончил где-то в приграничном посёлке на юге страны. Приехал же в этот небольшой город, каких на Руси великое множество, вместе с матерью к её старшей сестре Анне всего лишь три месяца назад после гибели отца, капитана Василия Ткача, вступившего со своим отрядом в смертельную схватку с нарушителями границы.

Отца и события той трагической ночи Витька вспоминал часто, но каждый раз старался об этом не говорить с матерью, - терпеть не мог её слёз. А когда всё же замечал их на щеках, тотчас подходил и терпеливо, как взрослый, успокаивал. Елена Архиповна смахивала платком слёзы с лица и удалялась по своим делам.

Витька шёл к окну, открывал, открывал его настежь и, глядя вдаль, мысленно перебирал в памяти трагедию той ночи, после которой он до сих пор не мог долго оставаться наедине с собой. Чтобы хоть как-то забыться, он чаще старался находиться со сверстниками. Уходил на городской стадион, а в жаркие летние дни убегал вместе со всеми на речку или в лес. Рядом с людьми боль унималась, жизнь вновь приобретала какой-то смысл.

Довольно длительные отлучки из дому несколько не мешали Витьке прилежно учиться. Не последнюю роль, конечно, тут играла его память. Благодаря её все основные знания по предметам он приобретал непосредственно на уроках, слушая внимательно учителей. Дома же выполнял, в основном, письменные задания. Причём. делал всё без всяких видимых усилий.

По природе своей Витька был человеком общительным и для своего возраста начитанным. Возможно поэтому отношения со многими в классе у него складывались вполне нормально, если, конечно, не брать во внимание мелкие неурядицы, которые часто случались в первую неделю. Но неделя прошла, и большинство подростков потянулись к нему. Однако заносчивым и драчунам - были в классе и такие - Витькин успех был явно не по душе. Учились они, как правило, плохо, и своё превосходство над другими старались проявить с помощью грубой силы. Однажды, во время большой перемены, с одним из них и произошла у Витьки неприятность.

Направляясь к выходу, неожиданно сзади к нему подкрался подросток, довольно плотного на вид телосложения, и подставил подножку. В один миг Витька оказался на полу. Моментаً вскочив и увидев перед собой глупо улыбающуюся физиономию Алтушина, он, не раздумывая, незаметным движением бросил его. Многие видели, как Алтушин, сверкнув ногами, неуклюже рухнул на пол.

Прошло два дня и Витька заметил, что большинство в классе всё же были на его стороне, считая, что Алтушин после этого успокоится и не станет больше ни к кому приставать. Впрочем, всё так и было. Ходил Алтушин тише воды - ниже травы.

С Артёмом Хруствлёвым Витька оказался за одной партой благодаря одному-единственному свободному месту в классе. Первые дни они почти не разговаривали. Но после случая с Алтушиным Артём проникся к нему уважением, стал искать повод для беседы.

Ткач неплохо разбирался в некоторых видах спорта, поэтому часто рассказывал Хрусталёву об известных спортсменах. И всякий раз, когда об этом заходила речь, он с благодарностью вспоминал отца, который три года назад привёл его в секцию дзюдо. Успех тогда был на лицо. Потом на многих соревнованиях Витька не раз занимал призовые места. С тех пор многое изменилось, но он и сейчас не терял надежду заняться любимым спортом, тем более, что возможность такая здесь была.

Об этом он тоже не раз говорил Хрусталёву. Одно время даже старался привлечь друга к своему увлечению, но вскоре понял - спорт Артёма мало интересовал. Мечтал он о чём-то другом, хотя и не говорил об этом вслух. Но однажды всё-таки не удержался.

Возвращаясь из школы, Хрусталёв неожиданно заговорил о каких-то драгоценностях, о которых Витька сроду никогда не слышал. Сначала он слушал его, но потом, когда наскучило, стал пропускать мимо ушей. Когда же на следующий день всё опять повторилось, Витька хотел было возмутиться, выложить напрямик всё, что о нём думает, но в последний момент удержался. Гнев постепенно прошёл, а разговор сам по себе незаметно повернул в другое русло.

Однако всё это для Витьки даром не прошло. Он стал чаще задумываться. Восторженные рассуждения Хрусталёва о богатстве и беззаботной жизни раздражали его. Но то, с чем ему пришлось столкнуться, окончательно перечеркнуло все его возможные ожидания.

Обменявшись рукопожатием, они медленным шагом направились в школу. В утренний час на улице было многолюдно. День, как и накануне, обещал быть солнечным. Осенние лучи, проникая сквозь порыжевшие листья растущих на обочине дороги деревьев, оставляли на холодном асфальте загадочные узоры. Картина завораживала, но приятели этого явно не замечали. Весь их мир был ограничен воспоминаниями проведённого накануне выходного.

Витька и ещё трое подростков из другого класса провели его в лесу. В доказательство этого, он достал из кармана несколько полных горстей спелых орехов фундука, угостил Артёма. Не обращая ни на кого внимания, они шли и жевали на ходу.

На полпути к школе Хрусталёв неожиданно остановился, расстегнул модный импортный ранец и достал плитку шоколада «Ромео». Разделил на две равные части, одну из которых положил обратно на место, а другую принялся жевать, сладко причмокивая губами. Самодовольная улыбка моментально расплзлась по его круглому лицу.

Возникший в воздухе соблазнительный запах шоколада не вызвал у Витьки сколько-нибудь заметной зависти. Однако разговор между ними прекратился. Погружённый в свои мысли, Витька не знал куда себя деть. Он то краснел за своего нового приятеля, то готов был провалиться сквозь землю. Но, взяв себя в руки, он скоро переключил внимание на

другое, продолжая щёлкать орехи. Впрочем, это совсем не означало, что он был совершенно спокоен. Не успев, как следует зародиться, в его душе постепенно угасала вера в благородство этого человека. И всё же, несмотря на это, в мыслях его ещё теплилась какая-то надежда найти всему этому оправдание, но, в конце концов, он совсем сник. И мучился до тех пор, пока однажды об этом не заговорил с матерью.

- Мам, а Артём Хрусталёв - жлоб, - как-то вернувшись из школы не удержался и выпалил Витька. - Помнишь, он несколько раз приходил ко мне. Живёт в нашем же доме, такой полный, с чёрной шевелюрой. Я ещё ему объяснял задачу. Отец у него на иномарке разъезжает, говорят, бизнесмен.

Наступило молчание. После недолгого замешательства Елена Архиповна настороженно посмотрела на сына и с едва заметной усмешкой на губах неожиданно переспросила:

- Кстати, как ты назвал Артёма-то?

- Мне Наташка Гильдина сказала, что Артём - жлоб, - словно оправдываясь, в упор глядя на мать, повторил Витька.

Не дожидаясь, когда мать снова начнёт его о чём-то спрашивать, он рассказал о случае с шоколадом, который потряс его до глубины души.

- Приличия ради мог бы и поделиться, - хлопая глазами, возмутился Витька. - Почему он так поступил, а?

Неожиданно от порыва ветра в комнате настезь распахнулось окно и обдало сквозняком. Зазвенели стёкла и в тот же миг с подоконника полетели на пол различные домашние предметы.

Придя в себя от испуга, Елена Архиповна подошла к окну, надёжно прикрыла и тотчас же принялась поднимать уцелевшие вещи, обдумывая заодно Витькин вопрос.

- Все люди разные, сынок, - вежливо, но с оттенком какой-то грусти, выпрямляясь, проговорила она. - Есть люди, которые последнее с себя отдадут, а есть, как Хрусталёв, всё гребут под себя, не замечая никого вокруг. Так уж жизнь наша устроена.

- Неужели богатые все такие? - обдумывая каждое слово матери, не унимался Витька.

- Конечно же, нет. Но у большинства из них, по-видимому, на этот счёт есть свои суждения.

- Какие же? - пытаюсь понять, не отставал сын. - Чем богаче человек, тем жаднее, так что ли?

- Может, и так, - уклончиво ответила мать.

- Тогда, как же мне в подобных ситуациях поступать?

- Ты это о чём? - не поняв, переспросила Елена Архиповна.

- Как о чём? надо ли мне теперь угощать Артёма?

- Тебе, сынок, и угостить-то нечем. Разве что орехами да семечками, - не удержалась мать, думая о своей убогой жизни, нахмутив брови.

- Ну, а всё-таки?

Пристально посмотрев на сына и поняв, что он по-прежнему озабочен и ждёт ответа на взволновавший его вопрос, Елена Архиповна после недолгого раздумья с чувством достоинства сказала:

- Поступай так, как ты делал всегда.

Погода на улице налаживалась, ветер постепенно утихал. На душе у Витьки заметно полегчало, и он, подойдя к старой коробке, которую они привезли с матерью с прежнего места, отыскал там купленный ещё отцом свой спортивный костюм и стал собираться на тренировку.

ШРАМ

После ненастья выглянуло солнце и стало быстро сушить поваленную дождем траву, деревья и крыши домов. Всё в округе преображалось и походило на чистого младенца, которого только что умыла мать. Да и само солнце было точно таким же. В траве, радуясь жизни, застрекотали кузнечики, птицы, покинув свои гнёзда, пуще прежнего стали носить корм для птенцов, а откуда-то издалека, будто детский плач, отчетливо доносился крик сурка. Словом, жизнь после долгого ненастья набирала силу, давая возможность ощутить всем свою быстротечность.

Пётр Золин стоял на холме и восторгался меняющимся ландшафтом, – ведь здесь, что ни говори, сохранилась частица его жизни. Сливаясь воедино с окружающим миром, она, естественно, жила и в нём самом. И он это чувствовал каждой клеточкой своего тела. Думать о чём-то другом ему сейчас не хотелось. А если и пытался, то не мог – мысли, перескакивая с одной на другую, мешали сосредоточиться. Но сколько бы он ни восторгался, куда бы ни бросал жадно свой взгляд, всюду ощущал дыхание чего-то нового, доселе неизвестного. А это его одновременно и радовало, и пугало.

Потом он спустился с холма к роднику, напился студёной воды и, посмотрев на часы, пошел на дорогу к своей машине.

До Троицка оставалось ехать около часа. Было воскресенье, и Пётр не спешил. Прежде чем въехать в город, он вымыл машину, а когда солнце шагнуло за полдень, сел снова за руль.

Миновав затяжной подъём, он обратил внимание, как от перекрестка отделились две фигуры и вышли на проезжую часть дороги. Петр начал потихоньку притормаживать, а шагах в пяти от них остановил машину.

Четверо молодых людей, в том числе и две девушки, которые сидели до этого на обочине, тотчас же подбежали к нему и стали просить довезти их до города. Плечи у всех были опущены, а лица хмурые. По внешнему виду, а также лежавшим на обочине принадлежностям, среди которых, кроме одежды, ещё находились два плотно набитых рюкзака, палатка и гитара, Пётр догадался, что возвращаются они из похода.

Свернув на обочину, он вышел из машины.

– Вещи в багажник, – попросил он, обращаясь к пассажирам.

И тут он обратил внимание на девушку, которая стояла в стороне ото всех. В какой-то момент глаза их встретились, и Пётр начал вспоминать – на кого она похожа?

Роста она была среднего, а лет ей было не больше двадцати. Стройную фигуру облегал модный спортивный костюм, который к тому же был ей к лицу. Во взгляде, манере держаться просматривались естественная красота и благородство души. Но, пожалуй, самыми выразительными были у нее губы. Когда она улыбалась, лицо моментально преображалось и по-настоящему становилось красивым.

Пётр это заметил, и перед глазами, как собственное отражение в зеркале, возник образ бывшей жены, с которой он не встречался пятнадцать лет, с тех пор, как покинул Троицк. Сходство было поразительное. Эта мысль сначала обрадовала его, но затем под тяжестью стыда за самого себя неожиданно стала угнетать. «Неужели всё так и есть?» – засуетился Пётр, не веря своим глазам.

И вдруг, как гром среди ясного неба, стройный ход его мыслей нарушил звонкий женский голос:

– Золина, а мы, случайно, не оставили теннисные ракетки на турбазе?

От неожиданности, словно по нему прошел ток, Пётр вздрогнул. Сердцебиение участилось, а лицо приняло озабоченный вид. Но уже вскоре успокоился и, не глядя ни на кого, стал, как ни в чем не бывало, складывать вещи в багажник.

– Они в рюкзаке, – ответил стоявший рядом молодой человек.

А уже через минуту, убедившись, что все на местах, Пётр продолжил путь. Кругом, сливаясь с горизонтом, мелькали ухоженные поля. Но он этого не замечал. Всё его внимание было приковано к сидевшей рядом девушке.

Через некоторое время в машине накопилась духота, и Петр, приоткрыв стекло своей дверцы, попросил сидевшую рядом девушку сделать то же самое. А когда увидел у неё на правой руке возле большого пальца темно-коричневый шрам, вспомнил случай с дочерью.

Было ей тогда четыре года. В тот день они гуляли в парке, и Верочка порезала себе руку. Он не растерялся: оказал ей первую помощь, а затем доставил в больницу. Там рану по-настоящему обработали и наложили повязку, а шрам так и остался красоваться.

«Не сон ли это?» – думал Пётр, сопоставляя факты, которые возникали один за другим, словно по щучьему велению.

И чем дольше он об этом думал, тем отчётливее пробуждались в памяти многие, казалось бы, забытые моменты прошлой жизни. А от этого выражение лица часто менялось: становилось то холодным как лёд, то вновь озарялось радостной улыбкой. Замкнувшись в себе, он начал выстраивать единую цепочку дальнейших действий, ибо считал, что эта встреча может оказаться тайной на всю жизнь, и будет потом приносить одни лишь мучительные воспоминания.

При подъезде к городу местность становилась менее живописной, но зато более оживлённой. Взявшись за руль поудобнее, Пётр сбавил скорость, и перед самым городом спросил пассажиров, где они будут выходить? А когда убедился, что маршрут до гостиницы «Уют», в которой он будет жить, находясь в командировке, устраивал всех, даже обрадовался, – вот там-то он всё и узнает.

Близко к гостинице Пётр подъезжать не стал, а остановился недалеко от нее, возле небольшого сквера. В этот момент напряжение, которое одолевало его всё это время, постепенно начало спадать, и он почувствовал облегчение. Никто из пассажиров выходить

не спешил, - дружно благодарили Петра, предлагая деньги. Испытывая неловкость, он от денег отказался, а благодарность принял как должное.

А чуть позже, когда все их вещи уже лежали возле дерева под густой кроной, Пётр, не раздумывая, подошел к стоявшей поблизости девушке.

– Простите, вас зовут Вера Петровна? – обратился он по имени и отчеству.

– Да. А в чём, собственно, дело? – вздрогнув от неожиданности, испуганно произнесла Верочка.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Она стояла как вкопанная, размышляя над тем, откуда мог знать её этот человек? Но помимо этого, где-то глубоко в подсознании у неё все же зарождались мысли, от которых в груди начинало что-то шевелиться, а душа, как когда-то в детстве, наполнялась теплом.

– Можешь не волноваться. Всё хорошо! – проговорил он наконец и, помолчав, добавил. – Похоже, не узнаешь? К сожалению, так бывает, ведь много лет утекло с тех пор...

Недоговорив, он взял осторожно её за правую руку, посмотрел на шрам и стал рассказывать давний случай, который произошел в парке. Оказалось, что всё это Верочка помнит.

Пока Пётр говорил, она пристально смотрела на отца, очевидно, искала и находила знакомые черты того молодого его, которого помнила с детских лет.

Из разговора Пётр узнал, что дочь учится в институте, а мать её, как и прежде, работает мастером на швейной фабрике. А живут они теперь в новой квартире. Он ещё о чём-то хотел спросить дочь, но в это время уже знакомый женский голос прервал его мысль:

– Золина, ты скоро?

Верочка успела заметить, как отец, нахмутив брови, недоброжелательно посмотрел в ту сторону, откуда донёсся голос, и отвела взгляд. Затем, протянув руку на прощанье, сказала:

– Пора. Меня ждут.

В этот момент глаза их встретились, и Пётр подумал: «Неужели эта встреча уйдет незаметно в прошлое и останутся в жизни лишь одни страдания, которые будут приносить боль?»

Потом она поправила упавшие на глаза волосы и как-то незаметно тихо пошла.

– Адрес... оставь адрес! – услышала она голос отца.

Оглянувшись, торопливо продикувала и пошла дальше, помахав напоследок рукой. Номер квартиры Пётр не расслышал, а вот дом и улицу запомнил навсегда. Когда девушка подошла к приятелям, то обратила внимание на их недовольные лица.

– Что-то долго, Золина, – сердито пробормотала блондинка с круглым лицом и гладко зачёсанными назад волосами. – И вообще, кто он такой?

Другие, стоявшие рядом, также начали возмущаться. А когда обстановка стала накаляться, Верочка вдруг с достоинством сказала:

– Это был мой отец!

И как только она это произнесла, все молча потянулись к своим вещам, и компания, как ни в чём не бывало, тронулась в путь.

Время уже было далеко за полдень. На небе по-прежнему не было ни облачка. Пётр отошел в тень под дерево и, не двигаясь, смотрел вслед уходящим до тех пор, пока они не скрылись из виду.

Леший

I

Митька Стриж, по прозвищу Леший, бросил пить горькую. И сразу в сосновом бору, да и не только там, но и во всей округе, об этом прошёл слух. Одни в это просто не верили, другие же говорили, что скоро начнёт опять, - много таких, как Митька, они встречали на своём веку, но только некоторые могли устоять. А Стрижу это, мол, не под силу.

Однако, сам Митька такие разговоры старался не слушать.

Как-то в начале лета проснулся он в воскресенье утром с похмелья, посмотрел на своих полураздетых, полуголодных детей, - младший ещё даже не ходил в школу, - и сердце облилось кровью. Жена Дуняша вышла на минутку к соседке, а они сидели на полу и, не обращая внимания на отца, оба занимались каким-то своим делом.

А когда он увидел в переднем углу спускавшегося сверху на паутине большого паука и всю ту убогость, которая царила в доме и которую он раньше почему-то не замечал, ему и вовсе сделалось не по себе. Мысли свои он пытался переключить на что-нибудь другое, более подходящее для души, но никак не мог, - вся эта убогость давила с ещё большей силой. А пришедшая вскоре Дуняша, рассказав ему о вчерашнем дне, окончательно подломила его болезненное самолюбие.

Митька резко изменился в лице. Дыхание стало тяжёлым, а неподвижный взгляд, - целеустремлённым.

Вскочив быстро с постели, он привёл себя в порядок и вышел во двор. А оттуда, через заднюю калику, прошёл в сад. В какой-то момент ему вдруг стало трудно дышать и, сделав несколько глубоких вдохов, он успокоился. Мысленно перебирая в памяти прожитые годы, он так и не смог ничего хорошего вспомнить. Всякий раз в голову лезли мысли, от которых становилось неприятно на душе. А один случай, который произошёл с ним пять лет назад, осенью привёл его в ужас.

Весь день тогда моросил дождь. Вечером он пьяный возвращался с пристани и угодил в канаву. Когда выбрался, его было не узнать. С одежды стекала грязь, а на лице едва просматривались глаза. Прохожие шарахались в сторону. А одна девочка, думая, что идёт леший, испугавшись, спряталась за мать, вцепившись руками за подол. С тех пор и пошло: Леший да Леший...

Митька на прозвище сначала обижался, но потом настолько привык к нему, что перестал реагировать. Человеческие ценности его уже мало интересовали, а те качества, которые у него наблюдались раньше, стали постепенно исчезать. На смену им приходили другие, противоположные разумному. Одним словом, не чувствуя опасности, Митька опускался на дно. И грань эта была настолько тонкой, что он там мог оказаться в любую минуту.

Пройдя в дальний конец сада, Митька сел на скамейку, которую когда-то смастерил сам, и, положив голову на руку, задумался.

Время приближалось к девяти, и погода постепенно налаживалась. Облака на востоке рассеивались, прячась за горизонт. Солнце стало чаще показываться из-за туч, и всё живое, расправляя невидимые плечи, моментально потянулось к нему. Неожиданно над Митькиной головой слегка качнулась ветка яблони и снова всё замерло. Он поднял глаза и отыскал на верхушке дерева почти незаметную птичку, которая своим маленьким клювом чистила нарядные перья. Птичка не обращала на него внимания, продолжала усердно заниматься своим делом. И Митька любовался ею до тех пор, пока она не улетела.

Так он просидел под яблоней больше часа и уходить не собирался. За это время он выкурил несколько сигарет и опять потянулся за новой. Неожиданно в какой-то момент Митька почувствовал на душе облегчение, ему даже стало хорошо. «Отчего вдруг я стал совершенно другим?», - мелькнуло в его голове. И он с восторгом стал наблюдать за муравьями, которые со всех сторон подбирались к ноге, но подняться на ботинок не решались. Чтобы им не мешать, Митька переставил ногу в другое место. «Вечные труженики», - подумал с умилением, моментально переключив внимание на послышавшиеся вдалеке голоса. И в этот момент где-то далеко, в уголках сердца он вдруг почувствовал себя причастным ко всему тому, что окружало его.

Докурив сигарету, Митька поднялся с места и быстрым шагом направился к дому. В сених он достал из своего тайника спрятанную бутылку водки и, переступив порог, протянул Дуняше.

- Возьми, она мне больше не нужна, - виновато сказал Митька.

Широко раскрыв глаза, Дуняша сначала не поняла его намерений, и только потом, мило улыбнувшись, взяла её в руки, поставила на видное место.

Митькино хорошее настроение тотчас передалось ей.

II

Дуняша не сразу не поверила в то, что Митька бросил пить. В глаза ему, конечно, об этом не говорила, - чего доброго обидится, пойдёт и напьётся. Даже соседке Марии, когда та спросила её однажды у колодца об этом, она ответила уклончиво.

- Вижу твой Митенька опрятный стал ходить и причёска на голове появилась, - поинтересовалась Мария. Похоже, и работает теперь за двоих. То в огороде его вижу, то во дворе что-то мастерит.

- Да, время есть, вот и мастерит.

- И гости, гляжу, у вас стали бывать. Денежки, верно, стали водиться?

- Как же, иногда бывают. Сама же говоришь: Митька работает за двоих. Так оно и есть на самом деле, - черпая воду из колодца, нехотя ответила Дуняша.

- Вот и я гляжу, - не закончив разговор, направилась Мария к дому с полными вёдрами воды.

«Какая любопытная и настойчивая, всё её надо знать», - подумала Дуняша, торопясь домой. Там у неё без присмотра осталось двое маленьких детей.

Дуняша - полногрудая, румяная женщина - была в самом соку и мечтала о третьем ребёнке. Ей нужна была дочь, вырастит - помощницей будет. Тем более, что муж теперь не пьёт. И если будет так и дальше, то она, конечно же, может решиться на этот шаг.

Дни летели быстро. Незаметно прошла зима и снова настало лето. За это время Митька ни разу не притронулся к спиртному, зато работал, как вол. Лицо заметно помолодело, а тело стало мускулистым, - чувствовалась сила. Но самое главное - люди к нему стали относиться уважительно, постепенно возвращалось потерянное когда-то имя; Лешим его уже больше никто не называл, а если и случалось, то, скорее всего, по старой привычке и только между старыми друзьями.

А однажды, это было в середине июня, в посёлке произошёл несчастный случай, который полностью изменил Митькину судьбу.

III

Было время обеда, и Митька, задержавшись минут на двадцать на работе, шёл домой один. Свернув с лесной дороги к посёлку, он обратил внимание на грозовую тучу, которая двигалась с юга ему на встречу. Не успел он дойти до посёлка, как поднялся ветер, и прямо у него на глазах дорога превратилась в большое облако пыли, а соломенные крыши сараев в один миг вздыбились вверх. Постоянно сверкала молния, и непрерывно басил гром. Но в какой-то момент просветлело, и Митька увидел впереди густой дым, клубами валивший со двора крайней хаты рыжего Матвея. Сначала он подумал, что хозяин топит баню, но когда присмотрелся и увидел снопы огня, вылетающие из-под крыши, понял, - от молнии загорелся сарай. Быстро сорвавшись с места, он забежал в хату.

Ничего не подозревая, вся семья во главе с хозяином сидела за столом, обедали. А когда узнали о случившемся, тотчас бросились к двери. Но, опомнившись, вернулись обратно, стали торопливо выбрасывать в раскрытые окна попавшиеся под руку вещи.

Уже на крыльце, среди всех прочих, Митька услышал доносившийся откуда-то со двора не совсем внятный, какой-то приглушённый звук. Не дожидаясь, он молниеносно нырнул в горящий сарай. В сплошном дыму успел разглядеть метавшуюся по сторонам лошадь, которая была привязана к столбу. Митька достал нож, быстро перерезал ремень и вывел её на улицу. От испуга она вся дрожала, не хотела стоять на месте. Тогда он отвёл её подальше в сторону, а сам опять пошёл на двор. Открыл ворота, вытолкнул на улицу телегу и поставил её возле лошади. Всех собравшихся попросил побыстрее принести из дома вёдра и носить воду из колодца. А сам, не теряя ни минуты, с двумя дюжими мужиками поднялся на сарай. Не давая огню распространяться, они принялись сбрасывать с крыши солому, гасить пламя.

Минут через пятнадцать пришла подмога, приехали пожарные и дом удалось отстоять. Однако сарай и находившиеся рядом строения почти полностью сгорели.

Митька спустился с крыши, - если её можно было теперь так назвать, - молча отошёл в сторону, сел на лежавшее недалеко от дома бревно. Всё лицо его было покрыто копотью, в ушах стоял шум, а от усталости гудели ноги.

IV

Немого погодя, возле него стали собираться люди. Сначала это было не очень заметно, но время шло, и толпа увеличивалась. Одни подходили просто из-за любопытства, послушать, как всё началось; другие же - таких было большинство - восхищались мужеством, которое, безо всякого сомнения, проявил Митька, самоотверженно борясь с огнём.

И вдруг, как гром среди ясного неба, из толпы донёсся чей-то голос: «А вот Дмитрий Иваныч не растерялся, до конца сражался с огнём. И если бы не он, то неизвестно, что бы ещё было бы?»

Неожиданно наступила тишина, но через несколько секунд опять послышался уже другой, похожий на шёпот, голос:

- Вот так Леший! И не подумаешь?

- Тише ты, Сенька, - раздался вслед за ним ещё один, только погромче, - Дмитрий Иваныч того не заслужил.

Но был ещё один, внутренний голос, который всё время витал в воздухе и спрашивал: «Стал бы Митька-Леший Дмитрием Ивановичем, не брось он пить горькую, не случись беда в доме Матвея рыжего и ...».

Сам же Митька Не ощущал на себе пристальных взглядов окружающих, не слышал, что о нём говорят. Он просто, как умел, сделал то, что велела ему совесть.

ВСТРЕЧА

Случай, который однажды произошёл в моей жизни, – а это было лет двадцать тому назад, – я не могу забыть до сих пор, хотя, на мой взгляд, ничего особенного он из себя вроде бы и не представляет.

В ту пору я работал на севере Западной Сибири в геофизическом управлении и занимался исследованием нефтяных месторождений. Там в один из июльских дней и была мне предложена путёвка на один из курортов, который располагался в Среднем Поволжье, на берегу Волги, недалеко от того места, где я родился и где прошли моё детство и юность. Я тотчас согласился, взял отпуск и поехал.

С этого момента и началось моё путешествие. С несколькими пересадками, причём на разных видах транспорта, я, наконец, добрался до места и уже на третий день пребывания отправился оттуда на свою малую родину. Благо в те края ходил автобус, а расстояние в восемьдесят километров по нынешним меркам небольшое.

Возле тропы, которая змейкой вилась вдоль оврага, я вышел. Стояло полное безмолвие. Не было слышно даже птичьих голосов. Не верилось, что здесь находилось когда-то большое село, да не одно, а целых два, которые располагались настолько близко друг к другу, что их трудно было отличить. Теперь же от них практически ничего не осталось, – людей ни на большой дороге, ни на прежних сельских улочках не было видно.

И всё же, присмотревшись внимательно, я смог различить вдали, за деревьями, несколько уцелевших деревянных домов. «Вероятно, люди не успели перевезти их с насиженных мест», – спускаясь на тропу в надежде увидеть там хоть одну живую душу, подумал я.

Полдень ещё не наступил. День обещал быть солнечным, жарким. Я шёл вдоль оврага, где на широкой лужайке вперемешку с сочной травой росли различные цветы, с которых пчёлы собирали нектар, они-то и были здесь, пожалуй, единственными возмутителями спокойствия.

В предвкушении чего-то необычного я подошёл к пойме небольшой речушки и остановился. Посмотрел вниз на луга и увидел там пожилую женщину, которая с вилами в руках ворошила сено. Издалека было её не узнать, и я решил подойти поближе.

Занимаясь работой, женщина какое-то время меня не видела. А увидела, когда я находился уже совсем близко. Выпрямившись, она долго смотрела на меня прищуренными глазами. Скажу честно, я тоже её не узнал. Передо мной стояла измождённая старушка. На ногах у неё блестели чёрные, глубокие калоши, а на голове мотался белый платок, из-под которого выглядывало морщинистое, будто паутиной обтянутое лицо. От непосильного труда вены на иссохших руках, которыми она придерживала вилы, были вздуты, а крючковатые пальцы до конца не разгибались. От лица и сгорбленной фигуры исходил отпечаток грусти и печали.

– Гляжу, а вспомнить не могу. – наконец промолвила она. – Лицо вроде бы знакомо, а не могу...

– То же самое, – виновато опустив глаза, сказал я, – но вот теперь по голосу вроде бы узнал. Вас зовут тётя Катя?

– Верно, Катерина Уварова.

– А я бывший ваш сосед, Егорка Трунов. Помните?

– Как не помнить! Вы ещё с моим Геркой, когда были маленькие, летом часто босиком по речке бегали. Домой, бывало, не загонишь!

– А где он сейчас, тётя Катя?

– Все мы живём в райцентре, а вот огород, пока сила есть, содержим. Тут недалеко, всего пять километров. Таких, как мы, четыре семьи. Остальные разъехались по большим городам. Видишь, от села ничего не осталось.

– Вижу, тётя Катя. Очень жаль! – с болью в душе проговорил я и протянул ей шоколадку.

Она с удивлением посмотрела на меня, не понимая, в чём дело.

– Это вам... вам, берите.

– Шура (так звали мою мать), наверное, прислала? – беря гостинец, спросила она.

В какой-то момент я не знал, что сказать. А потом в знак согласия кивнул головой.

Оба мы остались довольны, и я, попрощавшись, пошёл на то место, где стоял когда-то наш дом.

Женщина в чёрном

День только начинался. Ночью прошла гроза и был сильный дождь. Но к утру небо прояснилось и где-то через час засверкало солнце. Малиновые лучи восхода тотчас принялись раскрашивать в цвета радуги видневшиеся вдалеке холмы, деревья на их склонах и недалеко от городского парка золотистые купола храма. Если смотреть с высоты птичьего полёта, то внимательный глаз обязательно заметит, что природа за городом после ночного дождя была скорее похожа на первозданную, чем на что-то давно обжитое. Но чем ближе к городским кварталам устремляешь взгляд, тем лучше понимаешь, что это не так и сожалеешь об этом. Асфальт от ночного дождя, как одежда монахов, казался чёрным и сверкал на солнце каким-то неестественным, загадочным блеском. А между стенами домов всё ещё просматривались следы ночи. Тени, как чёрный бархат, раскачиваясь, ползли по пустынным улицам, а зелёные и красные вспышки светофора, подобно маяку в открытом море, время от времени освещали мокрую поверхность асфальта, образуя разноцветные, искрящиеся точки. Небо же над головой больше походило на пылающий костёр, чем на что-то естественное, природное.

Одним словом, новый день с его малиновой зарёю и пока никому неизвестными событиями уже наступил, набирая отсчёт времени. Но городской люд Фатуна ещё спал, поэтому кругом было тихо.

Неожиданно в этот ранний час на шестнадцатом этаже в одной из квартир распахнулось окно и появилась седая, как лунная ночь, голова уже немолодой женщины с бледным лицом и глубоко посаженными внутрь глазами. Ворвавшийся с улицы прохладный воздух заставил её моментально отступить назад, но уже где-то через минуту, накинув на плечи тёмную шаль, она появилась вновь. По лицу и неподвижному взгляду было заметно она страдала бессонницей и думала о чём-то своём навсегда ушедшем, потерянном. Звали её Мария Владимировна Посохова. Лет ей было пятьдесят пять, но выглядела она гораздо старше. Переживания, которые она испытывала на протяжении многих лет, естественно, не могли не отразиться на её здоровье. Не успело отлечь от сердца одно горе – при загадочных обстоятельствах утонул её старший сын Данил, как на тебе – другое; неделю назад погиб в автомобильной катастрофе младший – Архип, её надежда и опора. Загадка тут состояло в том, что оба они погибли в возрасте тридцати трёх лет, как говорится в расцвете сил.

В ожидании какого-то чуда, - вот скоро появится добрая фея и жизнь по мановению её руки наладится, - она часами просиживала у окна. Но сколько бы ни молила, но сколько бы не просила об этом, перед глазами снова и снова возникало искажённое лицо сына. Сердце начинало колотиться, а ноги переставали слушаться. И чтобы скорее выйти из этого ужасного состояния, она тотчас же начинала приводить свои мысли в порядок. Однако ей это удавалось только отчасти. Спустя какое-то время, опять всё повторялось; мир, в котором она жила, казался её кем-то придуманным, а существовала она в нём лишь для того, чтобы постоянно находиться в страхе и переносить непосильные муки.

- Что за напасть? Откуда всё это взялось? – вслух произнесла Мария Владимировна. – Потеряла мужа, а теперь и сыновей. За что... за что, господь ты меня? – подбирая нужные слова, обратилась она к Богу.

Ей казалось, что так она ближе приобщается к вере, и в этом находила утешение. А всё, что было прежде, то она явилась жертвой какого-то обмана и теперь Господь посылает ей испытание.

Дождавшись девяти, и, надев всё чёрное, Мария Владимировна отправилась на кладбище.

Асфальт уже высох, только кое-где ещё сверкали на солнце невысохшие лужи, да на обочине серебрилась чистая трава. На фоне этого женщина в чёрном одеянии походила на икону, нарисованную старательной рукой знаменитого художника. Весь её божественный вид и то возвышенное состояние духа, которое она испытывала в эту минуту, приобщаясь к истокам реальной жизни, говорили об этом.

Пройдя торопливо проезжую часть улицы, она вошла в тенистую аллею городского парка, прошла его и, покорно подчиняясь своим чувствам, свернула на кладбище. Там она пробыла почти до обеда. А в полдень, когда звонил колокол, Мария Владимировна зашла в храм, помолилась и поставила свечи. После обедни, выйдя из храма, она почувствовала облегчение. Тяжёлые мысли, мучившие её все эти дни, вдруг сменились каким-то забытьём, и ей даже показалось, что она лучше стала понимать тайны природы и этого мира, в котором жила. В парке лёгкий ветерок лениво шевелил верхушки деревьев. И даже этот малозначительный штрих в природе не смог ускользнуть от её взора. Однако, где-то в душе, всё же нет-нет да возникало какое-то нехорошее предчувствие, которое порождало страх. Хотя Мария Владимировна и принималась с этим бороться, но страх по-прежнему одолевал.

Внезапно, надрываясь, залаяла собака. Мария Владимировна настороженно посмотрела вокруг, но ничего не заметила. А когда миновала поворот, обратила внимание на цыганок, которые гурьбой стояли возле арки с опущенными головами. Одеты они были в длинные цветные сарафаны, точно знамёна, развевавшиеся на ветру.

Подойдя ближе, в этой толпе она увидела молодую девушку. Глаза её смотрели куда-то вниз, а лицо было прикрыто локонами густых, светлых волос, которые она то и дело поправляла. Правая рука у неё была вытянута, а пожилая гадалка по линиям ладони старательно предсказывала ей судьбу.

Удалившись на несколько шагов от них, Мария Владимировна вдруг остановилась. Очень уж знакомым показался ей голос гадалки – где-то она его слышала. А когда внимательно присмотрелась, и увидела на её щеке шрам, то тотчас вспомнила. Эта была та самая гадалка, которая ещё в молодости, предсказала её тяжёлую судьбу. «Как... , как она могла знать?» - уже на ходу, оглядываясь, повторяла Мария Владимировна.

Пожилая гадалка обратила на женщину внимание и осторожно провожала взглядом до тех пор, пока та не скрылась из виду.

Домой Мария Владимировна шла в полном оцепенении. Порой ей казалось, что под ногами шевелится земля, точно палуба корабля в бушующем море. В одночасье, как страшный сон, всплыли в сознании все прежние муки и думы, и она теперь не знала как от этого избавиться. Перед глазами мелькали какие-то предметы, прохожие, но во всем этом Мария Владимировна не замечала. В душу закралась тоска, а тело, как застывший воск, становилось малоподвижным.

И тут мутный поток воспоминаний обрушился на неё с новой силой и она уже не могла владеть собою. Среди прохожих мелькали знакомые лица, но их Мария Владимировна не могла распознать. Толпа в считанные секунды куда-то исчезла и снова, как на кладбище, наступила тишина.

Пронзительный вой сирены заставил её вздрогнуть, а что было потом она уже не помнила, всё глубже и глубже погружаясь в темноту. А через несколько минут, лежавшую на дороге женщину скорая помощь увезла в больницу. Она была ещё жива, но боли уже не чувствовала.

Словно из-под земли, услышала Мария Владимировна чей-то приглушённый, похожий на человеческий, голос. Туманным взглядом окинула по сторонам, но рядом никого не было. Но как только закрыла глаза, всё опять повторилось. Призрак не унимался.

- Всё... всё так и должно быть, - звучал голос.

- Что именно, что? – не зная о чём речь, мысленно, не задумываясь переспросила она.

- Что? Что? – в тон сказанному повторил голос и продолжил, - человек, как и другие живые существа, после смерти приобретают такое же состояние, какое было у них до рождения.

- Объясни, что это значит?

- Всё дело в том, - торопливо проговорил тот же голос, - человека до рождения не было в этом мире и после смерти опять не будет.

Мария Владимировна задумалась, ожидая продолжения начатого разговора. Но больше никто ни о чём не говорил. А через час её уже не стало. Перед смертью к ней снова наведалься гадалка и, не смолкая, долго о чём-то говорила. Только слов её Посохова в этот раз не разобрала.

ТИХОНЯ

Июньский день был на исходе. Солнце медленно клонилось к горизонту, и косыми лучами раскрасило в яркие тона полнеба, которое в данную минуту больше походило на пылающий ночной костёр в безмолвной степи, чем на что-то естественное.

Тимофей Ямщиков медленным шагом шёл вдоль городского парка Лунный, и без интереса наблюдал за разноцветным закатом. Свидетельством тому было его мрачное, унылое лицо. Девушка, с которой он встречался почти полгода, вдруг, неожиданно-негаданно стала невестой его товарища Артёма Малеева. «И как долго это будет продолжаться?» - думал он, теряя всякую надежду на успех, - и всё бы ничего, если это было только один раз, а то...»

Неожиданно его мысли прервал оклик, которого он явно не ожидал.

- Тима? – Знакомый голос заставил его оглянуться. – Размечтался и не замечаешь...

А когда увидел в двух шагах от себя женщину, остановился, широко раскрыв глаза.

- Не узнаёшь что ли? - после недолгого молчания спросила она.

Пребывая в растерянности, Ямщиков ещё ни разу не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас.

- Альбина... Альбиной меня зовут, - не отрывая глаз от него, произнесла она. - Шесть лет назад мы с тобой ещё некоторое время встречались. А ты вспомни?..

- Фу-ты, не узнал! - Вскинув голову, произнёс Ямщиков. - Причёска у тебя другая, да и черты лица изменились. Нет больше розовых щёк, весёлых глаз. Лицо бледное, осунулось... Что с тобой, Альбина?

- Ну и Тихоня! Всё-то заметил, - сорвалось с языка у Альбины, и, поперхнувшись, она замолчала.

Это прозвище Тимофей получил от её близкой подруги. С тех пор и пошло: Тихоня, Тихоня...

Что касается Альбины, то в этот раз обидеть его она не хотела. Но, как говорится, слово не воробей – вылетит, не поймает.

Ямщиков, будучи человеком сообразительным, не стал ничего уточнять, а лишь усмехнулся, посмотрел исподлобья на Альбину, ничего не сказал. И перед ним, словно это было только вчера, предстала картина того дня, когда он впервые познакомился с ней.

Возвращаясь с учёбы домой, он в тот день попал под грозу, которая сопровождалась ураганным ветром и ливнем. Решил переждать под навесом, и оказался рядом с девушкой, промокшей до нитки, которая стояла с опущенной головой, а мокрые волосы падали на круглые плечи и прикрывали глаза с тёмными, длинными ресницами. Мокрое платье плотно прилегал к телу, подчёркивая стройную фигуру. Было заметно, девушка стеснялась. Хотя выглядела прекрасно. Тимофею понравилась. И он, долго не размышляя, снял с себя куртку и без слов накинул ей на плечи.

От неожиданности девушка вздрогнула, удивлённо посмотрела на незнакомого парня, поблагодарила.

А дождь шёл и шёл, образуя на тротуарах и дорогах лужи. Грозовые облака, наползая друг на друга, разряжались молниями и раскатами грома. Порывы ветра достигали такой силы, что навес, под которым они стояли, казалось вот-вот опрокинется. И только через полчаса, когда между тучами стали просматриваться узкие полосы голубого неба, наступило затишье. А вскоре и прекратился дождь.

Прежде чем покинуть укрытие, девушка хотела было вернуть куртку, но он попросил подождать, сославшись на холодный воздух. Она ласково улыбнулась, и они пошли вместе к её дому. Пересекли улицу и вышли на пешеходную дорожку. Шестое чувство подсказывало ей, что с этим человеком она будет встречаться. В конечном итоге так и произошло.

Но это было в прошлом, а как у Альбины дела сейчас, Ямщиков не знал. Но это, вероятно, в силу своих убеждений, ему уже и не требовалось. К тому же время ушло, и ворошить прошлое не хотелось.

Альбина будто прочитала его мысли. Внутреннее чутьё подсказывало ей – нельзя человека оставлять в неведении столько лет. Да и сама мучилась все эти годы, зная, что поступила несправедливо с ним, можно сказать, по-хамски. И этот тяжёлый груз, как камень, висит с той поры на душе.

- Как дела-то, Тима? - спросила она, не отрывая глаз.

- По-разному: то - хорошо, то - не очень, - выдавливая из себя слова, неоднозначно ответил он.

Такая манера разговора Альбине была знакома, и она, прежде чем продолжить беседу, тотчас смокла, погружившись в воспоминания, которые словно мощные горные потоки, хлынули на неё в одночасье. И в этот момент она выглядела в чём-то уязвимой, хотя особых предпосылок для этого и не было.

- Работает? Или учишься? – не поднимая головы, продолжила она.

- Ни то, ни другое... Только устраиваюсь, недавно диплом защитил.

- Семей-то обзавёлся?

- Нет. Что-то не получается. Только подумаю об этом, а у девушки, гляжу, уже новый кавалер. Вот, так-то!.., - посмотрев застенчиво в её глаза, объяснил своё настоящее Тимофей.

Альбина догадалась, что эти слова сказаны в её адрес.

- Поняла я тебя, - сознавая свою вину, тихим голосом промолвила она. - А теперь сожалею, что так поступила. Потом, через год, разошлась с мужем, и одна воспитываю дочь. Молодая была, вот и послушала подругу. Помнишь Янку?

- Хорошо помню эту выскочку.

- Верно подметил. Это она сбивала меня с толку. Постоянно критиковала тебя. Говорила, что твой Тихоня (это она дала тебе такое прозвище) какой-то неразговорчивый, несмелый... и всё в этом роде. А я – и клюнула. Познакомила меня с одним бездельником, вот теперь и мучаюсь одна. Несколько секунд Альбина молчала, а потом продолжила: - Надо жить всегда своим умом, а иначе пропадёшь... Много на белом свете различных советчиков, того и гляди обманут. Скажу, такое чаще всего происходит с женщинами, - слушаем кого попало... А потом мучаемся, переживаем... Кстати, за тот случай я не намерена просить прощения, да и незачем. Во-первых, время ушло, и сейчас в этом нет никакого смысла, а во-вторых, считаю, неэтично, - мало ли на свете людей, которые любят друг друга, женятся, а потом разбегаются в разные стороны. Но могу сказать одно, что после этого разговора, на душе полегчало, - выговорились, и будто вновь ожила. Нельзя же без конца держать грех в душе.

В ответ на все её высказывания Ямщиков лишь кивнул головой, не сказав ни слова. И они мирно расстались.

О, боже!.. Чуть не воскликнул Тимофей, когда подошёл к перекрестку и увидел возле светофора, в двух шагах от себя, молодую женщину с аккуратной причёской и ярко накрашенными губами. Сомнений не было, рядом стояла Ксения Моторина – девушка

амбициозная, завистливая, с большими запросами, мечтавшая о богатом женихе. И теперь, глядя на её манеры поведения, можно смело сказать, что она этого добилась.

Узнав Тимку, с которым когда-то встречалась, она ехидно скривила губы, поводила носом и пренебрежительно отвернулась.

Ямщиков, зная её, не придавал этому никакого значения. Дождлся, когда на светофоре загорелся зелёный свет, быстрым шагом перешёл на противоположную сторону.

А недалеко от универсама, куда шёл за покупкой, он заметил шедших ему навстречу бывшего товарища Артёма Малеева и бывшую подругу Милену Обухову, которая была беременна.

Окинув взглядом, Тимофей зашёл в универсам, поднялся на второй этаж, и, ни о чём не сожалея, преобразился. С ним произошло то, чего он никак не ожидал. Мысли о Милене его уже не волновали так, как раньше. А прежние встречи с ней представлялись ему чем-то далёким, давно минувшем.

«Ну и денёк выдался!» - подумал он, примеряя костюм.

А когда вышел на улицу с пакетом в руках, то жизнь представилась ему не такой, какой он жил все эти годы, а совершенно другой – с множеством различных неожиданностей и неразгаданных тайн.

Однажды в воскресенье

На опушке леса, собирая ягоды, Настя почувствовала усталость, поставила у ног лукошек, сплетённый ещё дедом, и прислонилась к ветвистой берёзе, которая одиноко стояла на поляне. День был жаркий, и со лба у неё тёк пот прямо в глаза. Вытершись подолом походного платья, она глубоко вздохнула.

Было её одиннадцать лет, и жили они вдвоём с бабушкой в однокомнатной квартире в крупном областном центре. Жили бедно, - так бедно, что бабушкиной пенсии едва хватало на еду. Экономили на чём только могли. А летом, кроме всего прочего, часто ходили в лес за ягодами и грибами, продавали, а на вырученные деньги покупали вещи, без которых нельзя было обойтись. И это для них, в какой-то мере, было хоть и небольшим, но всё же подспорьем к семейному бюджету.

- Бабушка, я так устала, - пожаловалась Настя, не двигаясь с места.

- Отдохни немного, - пожалела Прасковья внучку. – Осталась одна поляна. Сходим туда, соберём ягоды и домой... Помнишь, в прошлом году сколько их было?

- Помню.

- Вот и хорошо. Завтра воскресенье, сходим на рынок, продадим и опять что-нибудь тебе купим. Туфли, которые купили в прошлом году, наверное уже малы.

- Нет, бабушка! Они ещё как новые, и я их буду носить. Лучше купи школьную форму. Она нужнее.

- Купим... купим. Мне, самой, уже ничего не надо. Вот так и будем жить. А когда получишь специальность, начнёшь работать, жизнь наладится.

Настя была рада тому, что бабушка поддержала, и ей захотелось, как можно скорее, приступить к работе.

На полянке, окружённой со всех сторон лесом, стояла пугающая тишина. Только изредка в синем небе, прямо над головой, с шумом проносились быстрокрылые птицы. Настя посмотрела вверх, и увидела в вышине бесшумно парящего коршуна. Зорким глазом выслеживая добычу, он неторопливо кружил над поляной. Полёт был недолгим. Взмахнув крыльями, коршун подался в сторону, и вскоре исчез.

Настя подняла с земли лукошек с ягодами, быстрыми шагами подошла к бабушке, и они, отыскав узкую, давно нехоженую тропу, направились на поляну, которая находилась неподалёку.

Домой вернулись ближе к вечеру и настолько уставшими, что с трудом передвигали ноги. А уже утром, после глубокого сна, силы были восстановлены, и они выглядели вполне достойно, - стали торопливо собираться на рынок.

- Бабушка, на какой поедем? – спросила Настя у подъезда, повернув голову в её сторону.

- На Слободской, хоть он и дальше. На Центральном – ты же помнишь, - как только займёшь место, тотчас же подходят какие-то люди и требуют деньги. Правда, такое случается и на Слободском рынке, но гораздо реже.

Пока ехали, никто из них не проронил ни слова. И только на рынке, когда Прасковья увидела, что их место никто не занял, сказала:

- Смотри-ка, где мы стояли прошлый раз, никого нет. Пойдём туда. Там всегда нам везло, - продадим и уедем...

В этот раз народу на рынке было много. Люди сновали взад-вперёд, выискивая товар подешевле. Настя обратила внимание на женщину и молодую девушку, которые неторопливо шли вдоль прилавка, поглядывая то в одну, то в другую сторону. В руках у женщины была корзина покрытая сверху махровым полотенцем. На какое-то время они остановились, о чём-то посоветовались, а затем подошли к ним.

Сомнений в том, что это мать и её дочь, у Насти не было. Она не сводила глаз с девушки, лицо которой сияло свежестью, а светлые волосы волнами падали на плечи. Но больше всего её поразили изысканность одежды и украшения, которые были на ней. Для Насти, если говорить откровенно, подобные вещи даже и не снились, - являлись пределом мечтаний.

Когда торговая сделка завершилась, и они получили деньги, Настя, было заметно, чем-то озабочена. Лицо как-то сразу осунулось, глаза потускнели. Но старалась не подавать виду. Однако у неё это плохо получалось. На бабушкины вопросы отвечала с таким видом будто её не касалось, а в отдельные моменты даже и не слушала. Прасковья на это обратила внимание, но спрашивать внучку, родители которой погибли в авиационной катастрофе, ни о чём не стала; представила, что творилось в её душе, когда увидела женщину с дочерью, которая была примерно такого же возраста, как и она.

Размышляя об этом, Прасковья поставила на её место себя, и в памяти тотчас же возник образ дочери Ольги и её мужа Александра. Сердце сжалось до мучительной боли, в глазах потемнело. Но вскоре, она уже смогла взять себя в руки, сознавая всю ответственность в сложившейся ситуации.

Настя посмотрела в её глаза с тем же выражением безысходной печали.

- Ба...буш..ка, - сквозь слёзы, заикаясь, проговорила она, - а ты помнишь тот день, когда ма..ма и па..па провожали меня в первый класс?

- Как же, я всё помню, - тихим голосом сказала Прасковья. – Шли с цветами, нарядные. И, помолчав, добавила: - Не отчаивайся, дочка! Всякие наряды и у тебя будут... Хорошо учись, и будь уверена в себе. Тогда всё получится. И ещё. Никогда не растрачивай время на всякие там легкомысленные пустяки. Имей самостоятельное мнение. Это не всегда просто, но сознание, что ты чего-то стоишь, будет приносить тебе удовлетворение. И что важно, умей жить, довольствуясь самым необходимым.

После бабушкиных слов Настя задумалась о смысле жизни. Напряжённость, которую она испытывала до этого момента, стала угасать. Мысль о будущем и упорном труде глубоко проникли в её сознание. И она была довольна сегодняшним днём, - всё то, что наметили утром, было успешно выполнено.

В это время откуда-то издалека послышались раскаты грома. Настя подняла голову, и увидела огромную тучу, которая надвигалась с запада.

- Будет дождь, бабушка. – Прозвучал голос над самым ухом Прасковьи. – В лесу появятся грибы, и мы пойдём собирать.

- Обязательно пойдём, - сказала она, помолчав. – Дождь и для урожая нужен. Давно не было.

Когда они подходили к своему подъезду, послышались новые раскаты грома. А уже вскоре, где-то через минуту, начался проливной дождь. Прятаться они не стали, так и шли под дождём до самого подъезда.

А на другой день пошли покупать Анастасии школьную форму.

ЧАС ВОЗМЕЗДИЯ

Это утро для Вилия Пичугина, пожалуй, ничем не отличалось от всех прочих в октябре. Разве что он дольше обычного занимался корреспонденцией, которую достал из почтового ящика. А объектом внимания послужила криминальная статья в городской газете «Новь», где шла речь о жестоком убийстве молодого человека своими же сверстниками за то, что тот не одолжил им на выпивку денег, которых в данный момент у него просто не было. Прочитав, Виль долго не мог прийти в себя. «И откуда эти варвары берутся! – негодовал он, – как их только земля держит! Ведь ни за что ни про что взяли да лишили жизни человека, Бог им этого не простит».

В надежде хоть как-то переключить свои мысли на более приемлемый для себя лад, Виль поднялся с кресла, походил взад-вперёд по комнате, а потом подошёл к окну и стал смотреть на улицу. Но там, кроме редких прохожих да голых, как скелет, ветвей, он ничего больше не увидел: промозглый осенний холод давал о себе знать.

А через час в квартире раздался звонок. «Интересно, кто это может быть? Жена – не должна. Только вчера уехала к дочери и появится через два дня», – направляясь к двери, подумал Виль. А когда открыл и увидел своего приятеля, с которым, будучи мастером ремонтного участка, несколько лет работал в аэропорту, обрадовался.

– А-а, Милоныч! Сколько лет, сколько зим! Проходи и присаживайся, – указал он на кресло, – и почитай вот эту газету, а я пойду что-нибудь приготовлю. Кстати, в ней, на предпоследней странице, есть статья, которая привела меня в ужас. Возьми, почитай! Не о твоём ли родственнике там речь? Или, может, твой однофамилец? А ты прочти! – И ушёл на кухню.

«Неужели о сыне, Илюшке?» – листая газету, глубоко вздохнул Шульгин. И догадка вскоре подтвердилась. В статье со всеми подробностями описывался случай, который месяц назад произошёл с его сыном.

Прочитав дважды, Шульгин отложил газету. Вид стал мрачный. Возникшая после гибели сына рана снова закровоточила. Не находя себе места, он твёрдо сжал кулаки. Попадись эти мерзавцы ему на глаза, возмездие бы непременно свершилось.

На крыше соседнего дома неожиданно от сильного ветра застучал лист жести. Шульгин поднял голову, посмотрел в окно. И в эту же минуту почувствовал, как кровь подступила к лицу. В глазах моментально потемнело, и чтобы хоть как-то обезопасить себя, он поставил локоть на подлокотник кресла, положил голову на согнутую руку. И едва успел закрыть глаза, как перед его взором открылась чёрная бездна и оттуда показалась человеческая фигура, очень похожая на Илюшкину. Очертания лица просматривались смутно, однако некоторые приметы были также его. У Шульгина судорожно забилося сердце. «Что это: призрак или сон?» – не зная что делать, подумал он. А очнувшись, когда почувствовал прикосновение чей-то руки. Открыл глаза и увидел стоявшего рядом Вилия. И как ни в чём не бывало, тотчас выпрямился. Однако, прежде чем успокоиться, ему потребовалось некоторое время: трагедия была настолько велика, что он, как ни старался, не смог себя уберечь.

Придя в себя после забытья, Шульгин в первую очередь окинул взглядом комнату. Вокруг стояла жуткая тишина. Шторы на окнах были приспущены, а мебель по-прежнему сверкала безукоризненной чистотой. Ни справа, ни слева никакой чёрной дыры, тем более бездны, естественно, не было. Не было и аккуратно постриженного, спортивного телосложения юноши, так похожего на его сына. Во рту пересохло, и он еле шевелил губами. И чтобы избавиться от этого, Шульгин повернул голову к Вилю и попросил воды. А когда выпил, почувствовал прилив сил, которых ему сейчас так не хватало. Зная, что изменить свою судьбу он не в состоянии, он вновь обрел мужество и веру в себя.

– А теперь, Виль Петрович, – обратился он к приятелю, – прости за то, что причинил некоторые неудобства. Прочитал статью – и вдруг провал памяти. Какое-то время находился в другом, непонятном для меня измерении. Короче, был отгорожен от остального мира. Твои предположения, можно сказать, подтвердились. Статья о моём погибшем сыне. Могу добавить, что двое из подозреваемых учились вместе с Илюшкой, часто приходили к нам. А вот третьего никогда раньше не видел. Все они задержаны.

Пока Шульгин говорил, Виль всё это время молчал. Однако по лицу было видно, что он крайне озабочен услышанным, и время от времени мысли уводили его в прошлое, которое, по мере осмысления, с каждым разом становилось всё ближе и ближе. И это неудивительно. Ведь на протяжении многих лет ему приходилось часто сталкиваться с разнообразными случаями из жизни, которые, словно в компьютере, хранились в его памяти.

– И всё-таки на свете существуют неизвестные сверхъестественные силы, – выслушав, сказал Виль, – которые наказывают человека за несправедливость. И иногда так жестоко, что могут даже лишить жизни. Думаю, что и к этим подонкам, о которых ты рассказал, час возмездия придёт извне.

– Что имеешь в виду? – спросил Игорь Мироныч.

– Немного погоди, сейчас приду, расскажу.

Виль ушёл, а через несколько минут принёс бутылку, рюмки и закуску. Поставил на журнальный столик, сел на кресло напротив Шульгина, наполнив рюмки коньяком. Посмотрел на часы, время уже было обеденное.

– Может быть, тебе нельзя? – указал Виль на коньяк, предостерегая на всякий случай от неприятностей. – Нет ли тут риска?

– Думаю, что риска никакого нет. Просто не нужно слишком увлекаться.

– Тогда решай сам.

Наступила короткая пауза. Коньяк мгновенно дал о себе знать: в душе у обоих потеплело.

– А теперь, Игорь Мироныч, слушай! – обратился Виль к своему приятелю. То, о чём хочу рассказать, началось давно, ещё в юношеские годы. Кстати, об этом я раньше никому не рассказывал. Ты будешь первый, с кем поделюсь своими суждениями.

– Это должно быть очень интересно, Виль Петрович. Мне и прежде нравилось слушать тебя. Охотно послушаю и сейчас, – отхлебнув коньяку, сказал Шульгин.

– А началось всё с того, – похлопав глазами, продолжил Виль, – что у меня была девушка, звали Наташей. Дружили мы с ней с девятого класса. И как мне тогда казалось, она любила меня. О себе я уже не говорю – был от неё просто без ума. Каждый день ждал встречи. Словом, боготворил – как только мог. А через год, было это на выпускном вечере, хотя мы и танцевали часто, однако я всё же почувствовал с её стороны какое-то отчуждение. Естественно, просто так, из ничего, возникнуть это не могло, поэтому её поведение меня насторожило, и я стал искать причину. И, надо сказать, времени на это много не потребовалось.

Затем он вдруг замолчал. Поднял со стола рюмку, предложил выпить, а вскоре продолжил.

– На другой день я узнал, что накануне вечера она получила письмо от солдата, который был старше меня на три года и жил на той же улице, где и мы с ней. А служить ему оставалось всего полгода. «Так вот в чём загадка?» – подумал я. Но ей об этом ничего не сказал, ждал, когда расскажет сама. Однако она молчала. Мало того, вскоре получила от солдата ещё одно письмо. А это означало, что между ними завязалась переписка. После этого скрывать от меня она уже не могла и обо всём рассказала.

– И как ты на это реагировал? – спросил Шульгин.

– Конечно, отрицательно. Сначала пытался отговорить от этой затеи, но потом, когда понял, что бесполезно, мы расстались.

– А что произошло потом, Виль Петрович?

– А потом, как в детективном фильме: пришёл солдат домой и стал встречаться с девушкой Наташей. Обещал жениться, но не женился. А на следующий год у неё появился ребёнок. Но, в сущности, главное не в этом, а в том, что впоследствии я не имел против неё никакого зла. Конечно, душевная травма была, но чтобы зло держать – Боже упаси. А через некоторое время всё сошло на нет. Я поступил в институт, стал приезжать сюда только на каникулы. Видел её редко, и то издалека. А если уж быть совсем откровенным, то даже эти встречи не оставляли в моей душе сколько-нибудь значительных признаков былой страсти, всё закончилось одними лишь воспоминаниями.

К чему я это говорю? А всё к тому, что над всем этим я долго потом размышлял, но не мог сам себе объяснить, почему у неё так неудачно сложилась жизнь. И только с годами, когда череда неудач у меня стала расти как снежный ком, я пришёл к выводу, что в природе существуют тайные силы, которые одних людей оберегают, а других, если это необходимо, наказывают. Думаю, нечто подобное произошло и с Наташей. Но она отделалась тогда лёгким испугом. Ибо в дальнейшем многие случаи, с которыми пришлось столкнуться, имели трагические последствия. И если ты никуда не спешишь и у тебя есть к этому определённый интерес, то я могу продолжить свой рассказ.

– Продолжай... продолжай, Виль Петрович! – сглотнув слюну, воскликнул Шульгин. – Я даже почувствовал облегчение.

– Вот как! Тогда слушай...

– Однажды, – а это было на пятом курсе, – один знакомый студент по недоразумению ударил по физиономии так сильно, что меня было просто не узнать. Потом, правда, он извинился, а я его простил, – с кем, думаю, не бывает в жизни, – однако это ему не помогло. И что ты думаешь! Через два года узнаю: человек этот погиб при невыясненных обстоятельствах.

Или вот ещё один случай, который остался навсегда в моей памяти. Но прежде чем о нём рассказать, сначала давай по глотку, а то пересохло в горле.

И они выпили.

– Ну вот, а теперь можно продолжить, – вытирая со лба мелкие капельки пота, сказал Виль.

– В то время, Мироныч, я ещё работал в конструкторском отделе завода. Надо сказать, работал добросовестно, порученное дело всегда выполнял качественно. И это дало свои плоды. Через три года у меня уже была должность ведущего специалиста, а ещё через три – главного конструктора. А это, согласись, по нашим меркам не так-то и мало, – работай себе и работай...

Но не тут-то было. После четырёх лет упорного труда на этой должности я вдруг стал замечать, что отношение начальника ко мне изменилось – стало хуже. Начались мелочные придирки, которые никакой роли в производственном процессе фактически не играли. Сначала я не мог понять, в чём дело. Но дальше – больше... Наконец, догадался, да и люди стали говорить об этом вслух, что на моё место уже давно метит жена Демидова Виктория Александровна, работавшая в этом же отделе ведущим конструктором. А сам Виталий Бенедиктович будто бы не против. Мало того, пошли слухи, что он якобы договорился насчёт этого с директором завода, и тот дал согласие.

Виль на какое-то время замолчал, целиком погрузившись в себя.

– А что дальше? – прервал мысль Мироныч.

– А дальше, надо сказать, людская молва была не напрасна. События разворачивались настолько стремительно, что уже через неделю мне предложили другую работу, менее творческую, которая к тому же не имела никакого отношения к моей профессии. Естественно, после этого пришлось уволиться. И я устроился тогда в аэропорт, мастером ремонтного участка, где мы и познакомились с тобой. Помнишь?

– Всё помню, Виль Петрович! За четыре года совместной работы я почерпнул у тебя много полезного. Кстати, не только по работе, но и по другим жизненно необходимым вопросам, одним словом, как у старшего товарища, многому научился. Для того и пришёл к тебе, чтобы рассказать о своём горе, излить душу, хотя и понимаю, что горю уже ничем не поможешь, однако душа, думаю, всё же немного успокоится. А без этого, сам знаешь, жить очень тяжело.

– Правильно сделал, Мироныч, что пришёл, – одобрил Пичугин. – От беды ведь никто не застрахован. Вот я и решил отвлечь тебя от мучительных дум.

Не замечая, что стало темнеть, Виль сел поудобнее в кресло, скрестил на груди руки.

– Значит так, Мируныч, – напомнил он, – история эта имеет продолжение. Как и прежде, всё опять закончилось трагическим исходом. Мне, конечно, тяжело сейчас об этом говорить, однако тебе, так и быть, расскажу всё до конца.

Но прежде чем приступить, Виль с минуту молчал. Было видно, что он занят воспоминаниями и ему нельзя мешать. Шульгин это понял, поэтому ни о чём не спрашивал, словно набрал в рот воды. Но минута прошла, и он, затаив дыхание, с открытым ртом слушал своего старшего товарища.

В то время, – начал Виль, – я уже два года работал в аэропорту и, можно сказать, привык. Однако когда встречал знакомых на улице или где-то ещё, с которыми работал раньше, то каждый раз возникала ностальгия по прошлому. И это понятно, ибо тогда, кроме всего прочего, я ещё занимался диссертацией, которую через полгода намеревался закончить. Но по известной теперь уже причине не закончил.

И это ещё бы ничего. Но вскоре после того, когда моё место в отделе заняла Виктория Александровна, жена начальника, я узнаю, что все мои научные разработки она использовала в своей диссертации. Мне стало очень обидно. Я долго не мог успокоиться. Одно время даже пристрастился к спиртному, но потом взял себя в руки, пришёл в норму, и вот с тех пор, как видишь, живу – не тужу. Сам знаешь: время лечит.

А два года спустя, было это ранней весной, помню, на полях ещё лежал снег, а на дорогах днём стали появляться лужи, недалеко от Москвы супружеская чета Демидовых попала в автомобильную аварию, в результате которой Виталий Бенедиктович погиб, а его жена с сильными ушибами была доставлена в больницу. Естественно, это известие, как и большинство граждан, меня потрясло до глубины души. И что ещё важно, эти примеры я привёл не для того, чтобы кого-то обвинить или радоваться чьей-то беде, а для того, чтобы люди чаще задумывались об ответственности за свои действия. Каждый должен знать, что если тот или иной поступок не вписывается в определённые рамки человеческого бытия, то возмездие, причём без всякого суда и следствия, неизбежно наступит. Ибо предназначение высших сил – борьба со злом в любой форме, будь то физическое насилие или нервное потрясение. Ведь в конечном счёте и то, и другое всегда заканчивается душевной травмой, которая надолго остаётся в памяти, а часто на всю жизнь. К тому же травму такого рода вылечить сложно, а иногда даже невозможно. Об этом надо помнить всегда.

Закончив, Виль поднялся с кресла, включил свет.

– Ну вот, теперь хоть рюмки стало видно, – беря в руки коньяк, пошутил он.

Шульгин в этот момент посмотрел на часы. На улице уже стемнело, и пора было возвращаться домой.

– То, что ты рассказал, Виль Петрович, было очень интересно. Конечно, многое ещё надо осмыслить, однако уже сейчас могу сказать, что на душе стало легче. А это, сам знаешь, для меня многое значит.

Действительно, несмотря на задумчивый вид, выглядел Шульгин уже не таким мрачным, каким его запомнил Виль, когда он появился здесь.

Перед тем как Миронычу уйти, они выпили ещё коньяку. А попрощались у подъезда.

Следующая встреча состоялась у них только летом на пичугинской даче. День был тёплый, солнечный. С Волги тянуло лёгкой прохладой, а в саду стоял пряный аромат цветов.

Мироныч в этот раз выглядел вполне прилично, держался достойно. Лицо просветлело, а на губах просматривалась робкая улыбка.

Тем не менее Виль всё же не решался заговорить с ним на прежнюю тему. Ждал, когда он начнёт сам. И интуиция его не подвела.

– Твои аргументы, Виль Петрович, – начал Шульгин, – подтвердились. Те двое, которые приходили к Илюшке, а потом стали соучастниками его гибели, – помнишь, прошлой осенью тебе говорил, – уже распрощались с жизнью. Причём в течение месяца. Сначала один погиб, потом – другой. А вот о третьем – ничего не знаю. – И, подумав, добавил:

– Погибли-то погибли, да кому от этого легче? Разве что в назидание другим. Сына-то уже не вернёшь.

– Вот видишь, – подтвердил Пичугин, – Бог их не простил.